ВОСПОМИНАНІЯ С. В. СКАЛОНЪ (УРОЖДЕННОЙ КАПНИСТЪ).

ВЪ РАСПОРЯЖЕНІЕ редакціи «Историческаго Вѣстника» переданы воспоминанія Софьи Васильевны Скалонъ, дочери извѣстнаго писателя прошлаго вѣка, автора комедіи «Ябеда», В. В. Капниста. Эти воспоминанія представляютъ своего рода «семейную хронику» Капнистовъ, ибо авторъ въ живомъ разсказѣ рисуетъ не только жизнь своего родного дома, начиная повѣствованіе съ своего ранняго дѣтства, но и семейную жизнь другихъ братьевъ автора «Ябеды», не пріобрѣвшихъ, правда, извѣстности послѣдняго, однако же примѣчательныхъ или по своей службѣ, или въ качествѣ довольно яркихъ и типическихъ представителей помѣщичьей среды въ Малороссіи. Не безъинтересна въ нѣкоторыхъ случаяхъ и судьба двоюродныхъ братьевъ и сестеръ автора воспоминаній, о которой онъ повѣствуетъ подчасъ увлекательно и характеристично. Кромѣ того, въ воспоминаніяхъ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Г. Р. Державинѣ и его женѣ, теткѣ Капнистовъ, о Д. П. Трощинскомъ, министрѣ юстиціи въ царствованіе Александра I, (при чемъ замѣтимъ, что личность и жизнь знаменитаго сановника нарисованы авторомъ очень рельефно и со многими любопытными подробностями),— свѣдѣнія о Муравьевыхъ-Апостолахъ (объ отцѣ и сыновьяхъ-декабристахъ); разсказъ о печальной судьбѣ декабриста Н. И. Лорера, со словъ котораго авторъ набросалъ мрачную и тяжелую картину сибирской жизни ссыльныхъ декабристовъ и пр.

Авторъ предлагаемыхъ воспоминаній (они написаны въ 1859 г.), повидимому, не предназначалъ ихъ для печати, намѣреваясь огра-

ничиться тѣснымъ семейнымъ кругомъ, и поэтому редакція нашла нужнымъ исключить изъ нихъ тѣ мѣста, которыя не представляютъ общаго интереса, и касаются исключительно домашнихъ дѣлъ.

I.

Мое дѣтство.—Отецъ и мать.—Дѣдъ мой В. П. Капнистъ и бабушка Софья Андреевна.—Ихъ сыновья—Николай, Петръ, Андрей и Василій Васильевичи Капнисты.—Оригинальная женитьба Н. А. Львова на М. А. Дьяковой (старшей сестрѣ моей матери) съ помощью моего отца.—Наша деревня Обуховка во всѣ времена года.—Страничка изъ біографіи отца.—Какъ складывалась наша дѣтская жизнь?—Мать-воспитательница. — Нѣмецъ Кирштейнъ, француженка-горбунья, французъ-дядька и французъ-анахоретъ.—Нѣсколько чертъ для характеристики моего отца.

Я помню себя съ четырехъ-лѣтняго возроста; помню, что въ то время я имѣла старшую сестру уже зрѣлыхъ лѣтъ и четырехъ братьевъ, трехъ старше меня и одного младше; помню маленькій домикъ въ три комнаты, съ мезониномъ, съ небольшими колонками, съ стеклянной дверью въ садъ и съ цвѣтникомъ, который мы сами обработывали и который былъ окруженъ густымъ и высокимъ лѣсомъ. Тутъ мы жили съ няней, старушкой доброй и благочестивой, которая, выкормивъ грудью мою старшую сестру и старшаго брата, такъ привязалась къ нашему семейству, что, имѣя своихъ дѣтей и впослѣдствіи внуковъ не болѣе какъ въ 14-ти верстахъ, не оставляла насъ до глубокой старости и похоронена близъ моихъ умершихъ братьевъ и сестеръ на нашемъ общемъ семейномъ кладбищѣ.

Моя мать, истинный ангелъ красоты какъ душевной, такъ и тѣлесной, жила часто въ одиночествѣ въ деревнѣ Обуховкѣ, занимаясь воспитаніемъ дѣтей и выполняя въ точности священный долгъ матери; однако, она рѣшалась поручать насъ и нянѣ, въ преданности, усердіи и опытности которой была увѣрена, единственно потому только, что имѣла несчастіе терять первыхъ дѣтей (изъ 15-ти у нея осталось только шесть); помню какъ во снѣ, что, вставая съ восхожденіемъ солнца, няня наша долго молилась передъ образомъ св. мучениковъ Антонія и Ѳеодосія, висѣвшихъ въ углу нашей комнатки, съ усердіемъ и съ большимъ умиленіемъ клала земные поклоны; потомъ будила насъ, одѣвала и, послѣ короткой молитвы вслухъ, которую сама намъ подсказывала, — напоивъ насъ молокомъ или чаемъ изъ смородиннаго листа, отсылала старшихъ братьевъ съ старымъ слугой Петрушкой въ домъ къ матери, а съ нами, съ братомъ Алексѣемъ и со мной, надѣвъ намъ черезъ плечо въ награду за послушаніе мѣшечки изъ простой пестрой матеріи, спѣшила въ лѣсъ собирать, по нашему же-

ланію, если это было осенью, между листьями упавшія лѣсныя яблоки, груши и сливы, которыя и сохраняла зимой.

Нашъ отецъ былъ очень добрый, любилъ насъ, какъ нельзя больше; бывая дома, онъ собиралъ всѣхъ насъ, гулялъ съ нами и забавлялъ насъ, чѣмъ только могъ.

Дѣдъ мой, Василій Петровичъ Капнистъ, отважный воинъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ Малороссіи, былъ родомъ грекъ; свою службу онъ началъ подъ знаменами Петра Великаго въ несчастный Прутскій походъ, неоднократно разбивалъ партіи крымцевъ и ногайскихъ татаръ и въ 1734 году, будучи сотникомъ Слободскаго полка, отличился примѣрной храбростью, отрѣзавъ калмыцкаго владѣльца Дондука-Омбо, впослѣдствіи союзника русскихъ, отъ Изюмскихъ предѣловъ; потомъ въ 1736 году онъ находился въ Крымскомъ походѣ подъ начальствомъ графа Миниха и за оказанное мужество пожалованъ полковникомъ Миргородскимъ. Въ слѣдующемъ году Капнистъ съ малороссійскими, чугуевскими и донскими казаками находился при взятіи Минихомъ Очакова. Въ 1738 году съ своимъ полкомъ разорилъ молдавскій городъ Сороки, перерубилъ и взялъ въ плѣнъ множество турокъ, обратилъ въ пепелъ непріятельскіе магазины. Участвовалъ въ Хотинскомъ сраженіи и въ другихъ дѣлахъ, за что̀ награжденъ нѣсколькими деревнями. Въ 1744 году императрица Елисавета поручила Капнисту сочинить вмѣстѣ съ инженеръ-подполковникомъ Боскетомъ подробную карту россійскимъ Заднѣпровскимъ мѣстамъ. Они исполнили это въ полмѣсяца. Въ началѣ 1750 года Капниста постигло несчастіе: онъ былъ арестованъ, отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду по ложному доносу войсковаго товарища Звенигородскаго, обвинившаго его въ измѣнѣ. Для разслѣдованія этого дѣла была наряжена въ Кіевѣ секретная комиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Леонтьева. Но впослѣдствіи Капнистъ доказалъ свою невинность и былъ оправданъ. Императрица 18-го января 1757 года возвратила ему свободу и имѣніе, произвела въ бригадиры, пожаловала 1000 червонныхъ и опредѣлила начальникомъ надъ Слободскими полками.

Въ семилѣтнюю войну Капнистъ находился въ сраженіи съ пруссаками при Гроссъ-Эгернсдорфѣ 19-го августа, гдѣ былъ убитъ на полѣ сраженія. Тѣла его не могли отыскать; на полѣ битвы нашли лишь его отрубленную руку съ перстнемъ и окровавленную саблю, которая и теперь хранится въ нашемъ семействѣ.

Наша бабушка, Софья Андреевна, оставшись вдовою, жила въ Обуховкѣ. Хотя она происходила изъ хорошей дворянской фамиліи въ Малороссіи (Дунина-Барковскаго), но была мало образована. Недостатокъ образованія искупался въ ней природнымъ умомъ. Владѣя большимъ имѣніемъ мужа, состоявшимъ изъ 6000 душъ въ разныхъ губерніяхъ Малороссіи, — имѣніемъ неустроеннымъ и,

слѣдственно, малодоходнымъ, она, не смотря на это, употребляла всѣ средства, чтобы дать хорошее образованіе своимъ четыремъ сыновьямъ: Николаю, Петру, Андрею и Василію,— помѣстя ихъ въ лучшій того времени петербургскій пансіонъ. Бабушка часто навѣщала ихъ и, по желанію императрицы Елисаветы Петровны, была представлена ко двору въ своемъ національномъ богатомъ малороссійскомъ костюмѣ, который состоялъ изъ широкаго штофнаго на фижмахъ роброна, вышитаго съ низу до верху жемчугомъ, изъ такой же кофты и такъ-называемаго кораблика на головѣ въ родѣ русскаго повойника, но съ двумя острыми зубцами, украшенными драгоцѣнными камнями. Я помню этотъ костюмъ по ея портрету.

Она была красавица въ полномъ смыслѣ этого слова, съ прелестными черными глазами, съ правильными чертами и съ удивительно пріятнымъ выраженіемъ лица.

Дѣтей она очень любила и до того баловала, что всякій годъ посылала къ нимъ въ Петербургъ обозъ съ разными съѣстными припасами: съ вареньемъ, съ сухими фруктами, съ масломъ и съ разнымъ соленьемъ. Нашъ отецъ разсказывалъ намъ, что они получали разную птицу: индѣекъ, дрофъ, гусей, утокъ и проч. Она складывала все это въ бочку и заливала топленымъ масломъ.

Окончивъ образованіе, братья всѣ начали службу сержантами въ гвардіи. Старшій братъ, Николай Васильевичъ, какъ любимецъ матери и избалованный ею,—всегда какъ-то отдѣлялся отъ братьевъ своихъ и не былъ въ дружбѣ съ ними; три же меньшихъ брата любили другъ друга. Особенно были необыкновенны и трогательны отношенія Петра Васильевича къ моему отцу Василію Васильевичу. Всѣ братья недолго оставались въ Петербургѣ: Николай Васильевичъ вышелъ въ отставку по приказанію матери своей и женился въ Малороссіи тоже по ея приказанію на дѣвицѣ хорошей фамиліи, съ небольшимъ состояніемъ, вовсе не любя ее, отчего она и была впослѣдствіи истинной страдалицей всю свою жизнь.

Андрей Васильевичъ, при выдающихся способностяхъ, учившійся лучше другихъ братьевъ, къ несчастью, заболѣлъ и сошелъ съ ума. Говорятъ, что причиной тому была любовь; онъ былъ неравнодушенъ къ императрицѣ Екатеринѣ II, и эта страсть его погубила.

Петръ же Васильевичъ, будучи красавцемъ и узнавъ, что онъ замѣченъ государыней, не внимая мольбамъ и убѣжденіямъ друга и брата своего Василія Васильевича, бросилъ службу и бѣжалъ изъ Россіи въ Англію. Тамъ онъ жилъ нѣсколько лѣтъ и, наконецъ, возвратился въ Малороссію съ женою, прелестною англичанкой, не знавшей ни слова по-русски. Бабушка приняла ее ласково изъ одного сожалѣнія, называя ее бѣдной нѣмой.

Мой отецъ, Василій Васильевичъ, оставался долѣе всѣхъ въ Це-

тербургѣ; онъ имѣлъ тамъ большія знакомства, большія связи. Всегда веселый и любезный, онъ былъ любимъ всѣми и по справедливости назывался всегда душой общества.

Имѣя призваніе къ поэзіи и любя ее, онъ познакомился въ то время и подружился съ своимъ своякомъ Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ, съ Хемницеромъ и съ Николаемъ Александровичемъ Львовымъ. Съ послѣднимъ онъ былъ въ тѣсной дружбѣ, которую и доказалъ ему своимъ самоотверженіемъ. Мой отецъ, помолвленный уже съ моею матерью, дочерью статскаго совѣтника Дьякова, воспитывавшейся въ Смольномъ монастырѣ, зная, что другъ его Н. А. Львовъ страстно влюбленъ въ старшую сестру ея, Марію Алексѣевну, руки которой нѣсколько разъ тщетно просилъ (онъ не имѣлъ никакого состоянія), наканунѣ своей свадьбы, рѣшился для своего друга на такой поступокъ, отъ котораго, пожалуй, зависѣла и его собственная участь.

Часто выѣзжая съ своей невѣстой то съ визитами, то на балы, и всегда въ сопровожденіи Маріи Алексѣевны, отецъ воспользовался послѣднимъ обстоятельствомъ. Отправившись наканунѣ своей свадьбы на балъ, онъ, вмѣсто того, чтобы подъѣхать къ дому знакомыхъ, подъѣхалъ къ церкви, гдѣ уже поджидали Львовъ и священникъ и гдѣ все уже было готово для вѣнчанія.

Послѣ вѣнчанія они разъѣхались изъ церкви въ разныя стороны,—Львовъ къ себѣ, а отецъ съ невѣстой и ея сестрой на балъ, гдѣ поджидавшіе братья моей матери удивлялись ихъ позднему пріѣзду.

Вскорѣ Львовъ получилъ отъ правительства назначеніе ѣхать за границу съ какими-то порученіями и только черезъ два года возвратился, выполнивъ съ такимъ успѣхомъ возложенное на него дѣло, что императрица Екатерина II въ награду пожаловала ему значительное имѣніе; тогда родители Марьи Алексѣевны согласились на его бракъ съ ней, ибо она въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ ни за кого другого не хотѣла выдти замужъ, отказавъ нѣсколькимъ весьма достойнымъ женихамъ.

Можно представить себѣ удивленіе родителей и всѣхъ родныхъ, когда мой отецъ объявилъ имъ, что Марья Алексѣевна и Львовъ уже два года какъ обвѣнчаны и что онъ главный виновникъ этой свадьбы! Львовъ до смерти сохранилъ къ моему отцу дружескія отношенія. Послѣ своей женитьбы, отецъ вышелъ въ отставку и переселился съ молодой женой въ Малороссію, въ деревню Обуховку, гдѣ жила наша бабушка, а его мать. Старуха третью невѣстку приняла очень холодно, не смотря на ея ангельскую душу, на кротость характера и на чудную красоту; старуха не любила ее потому, что она была русская и не называла ее иначе какъ «московка».

Только тогда старуха полюбила и оцѣнила свою невѣстку,

когда, оставшись одна въ деревнѣ, разбитая параличемъ, она жила лишь благодаря заботамъ и неусыпнымъ попеченіямъ «московки», ни на минуту не переставшей ухаживать за ней до самой смерти.

Старшій сынъ ея, Николай Васильевичъ, переѣхалъ въ то время въ другую деревню,— куда по смерти перевезенъ былъ и прахъ матери его. Она умерла, оставивъ ему лучшія земли и лучшія имѣнія, все движимое богатство, драгоцѣнные камни, жемчуги и серебро; Петру же Васильевичу и нашему отцу ничего не досталось, кромѣ имѣній. Не смотря на это, они всегда уважали Николая Васильевича, какъ старшаго брата, во всѣхъ важнѣйшихъ житейскихъ обстоятельствахъ прибѣгая къ его совѣтамъ. Имѣніе братьевъ Петра Васильевича и Василья Васильевича оставалось до смерти ихъ нераздѣльнымъ. Мой отецъ желалъ только, чтобы чудная деревня Обуховка принадлежала ему и впослѣдствіи говаривалъ намъ, что еслибы она ему не досталась, онъ рѣшительно оставилъ бы отечество, переселившись въ Америку.

Всѣмъ извѣстно, что Малороссія считается однимъ изъ лучшихъ краевъ Россіи, по своему умѣренному климату, по богатой растительности и по живописнымъ мѣстамъ, которыми славятся берега и окрестности Днѣпра; живописныя мѣста встрѣчаются и по быстрой, прозрачной, извилистой рѣкѣ Псёлу, правый берегъ котораго круто возвышается и покрытъ разнороднымъ лѣсомъ, среди котораго нерѣдко гордо высятся могучіе столѣтніе дубы, и ущельями разноцвѣтнаго песку; лѣвый же берегъ почти вездѣ плоскій, широко разстилается то убѣгающими вдаль зелеными лугами, то тянется однообразной желтой, песчаной полосой, то вдругъ покрывается тѣнистыми рощами. Въ одной изъ этихъ мѣстностей, на правомъ берегу Псёла, на уступѣ горы, покрытой густымъ лѣсомъ, до сихъ поръ стоитъ еще небольшой домикъ, крытый соломою и защищенный отъ сѣвера горою, тотъ самый домикъ, который мой отецъ описалъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, начинавшемся такъ:

«Пріютный домъ мой подъ соломой,
«По мнѣ ни низокъ, ни высокъ,
«Для дружбы есть въ немъ уголокъ»...
. . . . . .

Изъ оконъ этого дома открывается даль верстъ на двадцать, покрытая лугами и селеньями. При восходѣ солнца или вечеромъ при лунномъ свѣтѣ этотъ видъ бывалъ очарователенъ: особенно онъ бывалъ хорошъ, когда луна серебристымъ столбомъ блестѣла надъ рѣкой, въ которую смотрѣлись покрытыя густымъ лѣсомъ горы, при шумѣ мельницъ, похожемъ на вѣчный шумъ водопада и при немолчныхъ треляхъ и раскатахъ соловьевъ, оглашавшихъ чуткоспящій воздухъ упоительнымъ пѣніемъ. Въ разное время года измѣнялись и виды этого очаровательнаго уголка. Весною, когда

снѣгъ начиналъ таять и когда съ вершинъ ущельевъ и горъ при блескѣ солнечныхъ лучей сбѣгали журчащіе ручейки, — видъ въ нѣсколько дней измѣнялся: рѣка выступала изъ береговъ, луга верстъ на шесть покрывались водою и являли видъ моря, съ голыми деревьями, торчавшими въ водѣ на подобіе мачтъ. При тихой погодѣ эти окрестности, залитыя водой, походили на обширное зеркало. Съ убылью воды въ разныхъ мѣстахъ начинали показываться зеленые острова, надъ которыми иногда слышалось громкое пѣніе жаворонковъ, чириканье разныхъ весеннихъ птицъ и гдѣ по временамъ уже показывался заблудшій скотъ, съ наслажденіемъ щипавшій свѣжую и мягкую траву.

Вотъ, наконецъ, рѣка вошла въ свои берега—и луга покрылись высокою усѣянною цвѣтами травою, деревья и рощи зазеленѣли, колеса мельницъ зашумѣли своимъ водопаднымъ шумомъ, напоминая стихи моего отца, въ которыхъ онъ говоритъ:

«Тамъ двадцать вдругъ колесъ вертятся,
«За кругомъ поспѣшаетъ кругъ,
«Алмазы отъ блестящихъ дугъ,
«Опалы, яхонты дождятся;
«Подъ ними клубомъ бьетъ жемчугъ.

«Такъ призракъ счастья движетъ страсти,
«Кружится ими цѣлый свѣтъ;
«Догадливъ, кто отъ нихъ уйдетъ—
«Онѣ все давятъ, рвутъ на части,
«Что̀ имъ подъ жерновъ попадетъ».

Площадь передъ мельницами покрывается сотнями телѣгъ съ мѣшками хлѣба, около которыхъ хлопочутъ толпы народа. Вечеромъ картина еще болѣе оживляется огнями, которые разводятся, обыкновенно, людьми для ужина въ разныхъ мѣстахъ по берегу рѣки.

Лѣтомъ на лугахъ мелькаютъ съ блестящими косами косари, оглашая воздухъ веселыми пѣснями. Въ нѣсколько дней луга покрываются пышными копнами сѣна, являя взору изобиліе и плодородность этого благословеннаго края. Трудно нарисовать картину этой мѣстности осенью, когда, при тепломъ еще воздухѣ, деревья покрываются багряной листвой и плодами, а поля золотою жатвой! Какъ тогда великолѣпенъ видъ съ вершины горы на эту обширную и разноцвѣтную долину! Зима даже имѣетъ свои прелести; видъ ея великолѣпенъ въ то время, когда, при блескѣ солнечныхъ лучей, деревья, какъ напудренныя, покрываются блестящими искрами инея и когда порой мчишься на быстрой тройкѣ около сверкающаго бѣлизной лѣса по гладкому льду извилистаго Псёла.

Мой отецъ страстно любилъ свою родину и готовъ былъ жертвовать всѣмъ состояніемъ для блага Малороссіи; при малѣйшемъ угнетеніи или несправедливости начальниковъ, онъ летѣлъ въ Петер-

бургъ, бросалъ семейство, дѣлалъ долги (которые впрочемъ уплачивались всегда втайнѣ другомъ и братомъ его Петромъ Васильевичемъ) и, сражаясь часто съ знаменитыми людьми, почти всегда возвращался побѣдителемъ.

Въ 1785 году онъ написалъ оду свою противъ рабства, посвятивъ ее императрицѣ Екатеринѣ II, которая приняла ее благосклонно, пожаловала въ награду табакерку съ своимъ именемъ, осыпанную брилліантами, и тогда же уничтожила въ Россіи названіе раба.

Ода эта была напечатаната въ изданіи всѣхъ сочиненій моего покойнаго отца въ 1796 году. Въ послѣднемъ же изданіи Смирдина въ 1849 году она не пропущена цензурою.

Въ то же время онъ занимался процессомъ по имѣнію; этотъ процессъ причинилъ ему столько непріятностей и хлопотъ, что отецъ, наконецъ, рѣшился бросить его, пожертвовавъ 2,000 душъ; по этому поводу онъ написалъ первую и послѣднюю свою сатирическую комедію «Ябеду».

Двадцати трехъ лѣтъ онъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ въ Кіевѣ и принималъ Екатерину II при ея проѣздѣ черезъ Кіевъ въ Новороссійскій край.

Въ это время была въ Кіевѣ и его молодая жена, которая, будучи представлена государынѣ, своей красотою обратила на себя общее вниманіе. Изъ переписки моихъ родителей я вижу, что отецъ довольно долго оставался въ Кіевѣ, а мать одна съ дѣтьми и съ свекровью жила въ Обуховкѣ, повидимому, нуждаясь во всемъ, не смотря на 6,000 душъ, которыми владѣла въ то время наша бабушка. Въ одномъ изъ писемъ своихъ она пишетъ къ отцу моему: «Другъ мой Василька! Пожалуйста, пришли мнѣ поскорѣе десять рублей, которые я заняла у матушки и которыми она мнѣ докучаетъ и, если можно, еще пять рублей для покупки одѣялъ дѣтямъ».

Въ другомъ письмѣ мать моя пишетъ къ нему же: «Пріѣзжай, другъ мой, поскорѣе,—у насъ здѣсь страшные безпорядки; люди уходятъ, и скоро вся деревня уйдетъ; не знаю причины, но думаю, что это происходитъ отъ того, что имъ неисправно даютъ пайки».

Въ царствованіе государя Павла I, мой отецъ получилъ мѣсто директора императорскихъ театровъ въ Петербургѣ. Пользуясь постоянно милостью его величества, отецъ не могъ и впослѣдствіи говорить о немъ равнодушно, разсказывая намъ всегда съ особеннымъ чувствомъ уваженія многіе истинно благородные и великодушные поступки этого монарха.

Незадолго до своей кончины, императоръ Павелъ, въ знакъ особаго расположенія къ моему отцу, хотѣлъ пожаловать ему богатыя имѣнія въ Малороссіи, но составленной объ этомъ пожалованіи бумаги государь вслѣдствіе своей смерти не успѣлъ подписать.

Такъ какъ отецъ по службѣ своей обязанъ былъ жить въ Петербургѣ и изрѣдка только пріѣзжалъ въ Малороссію, то мать послѣ смерти своей свекрови жила одна съ семействомъ въ Обуховкѣ. Когда же по какому-то случаю сгорѣлъ старый домъ, она переѣхала жить къ дядѣ нашему, Петру Васильевичу, чрезвычайно любившему ее, заботившемуся о ней, какъ отецъ, и помогавшему ей выстроить въ деревнѣ тотъ домъ, въ которомъ впослѣдствіи мы всѣ жили и который о сю пору еще существуетъ.

Въ 1801 году отецъ мой былъ избранъ генеральнымъ судьей или, какъ теперь именуютъ, предсѣдателемъ уголовной палаты въ Полтавской губерніи, проживая въ зимнее время съ семействомъ, обыкновенно, въ Полтавѣ, а въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Обуховкѣ. Хотя въ это время мнѣ было только четыре года, въ моей памяти сохранилась и жизнь наша въ Полтавѣ, и жизнь наша въ деревнѣ.

Мнѣ особенно памятно, какъ въ Полтавѣ въ праздники приносили къ намъ маленькій театръ, называвшійся въ то время вертепомъ; театръ состоялъ изъ небольшой освѣщенной комнаты, гдѣ куклы представляли разныя сцены изъ священной исторіи: Адама и Еву съ змѣемъ, который искусилъ ихъ, царя Ирода, отсѣкавшаго головы младенцамъ и пр. Помню, какъ однажды явилась на сцену смерть съ длинною блестящею косой; я такъ испугалась, что заболѣла лихорадкой, продолжавшейся цѣлый годъ; съ тѣхъ поръ запретили къ намъ приносить «вертепъ», доставлявшій столько удовольствій.

Наша дѣтская жизнь складывалась такимъ образомъ. Насъ будили рано утромъ и въ зимнее время даже при свѣчахъ; дядька Петрушка съ вечера приготовлялъ для насъ длинный столъ въ столовой, положивъ каждому изъ насъ листъ чистой бумаги, книги, тетради, перья, карандаши и пр. Послѣ длинной молитвы, при которой всѣ мы стояли рядомъ, а одинъ изъ насъ поочереди читалъ ее громко, мы садились на свои мѣста и спѣшили приготовить уроки къ тому времени, какъ проснется мать; тогда мы несли ей показывать, что сдѣлали, и если она оставалась довольна нами, то, заставивъ одного изъ насъ прочесть у себя одну главу изъ евангелія или изъ священной исторіи, отпускала гулять, а впослѣдствіи старшихъ братьевъ и на охоту, которую они очень любили.

Часто братъ Алексѣй, чтобы заслужить одобреніе матери и получить тоже позволеніе ѣхать съ братьями на охоту, приходилъ къ ней очень рано утромъ и самъ предлагалъ ей читать священную исторію—чѣмъ она была чрезвычайно довольна, хвалила его, ставила намъ въ примѣръ и въ награду отпускала всегда на охоту. Онъ очень любилъ праздники и наканунѣ всегда приходилъ къ матери спрашивать: будемъ ли учиться завтра? Она всегда ссы-

лалась на календарь, говоря, что если крестъ въ кругу, учиться не надо. Алеша и умудрился такъ искусно сдѣлать кружки около крестовъ во всемъ календарѣ, что праздники для насъ всѣ были торжественными, и мы съ большимъ удовольствіемъ ихъ праздновали по милости Алексѣя. Календарь этотъ долго сохранялся у насъ въ домѣ, и мать наша всегда съ улыбкой говорила, смотря на кружки: «экій плутъ, Алеша!» Но не смотря на праздники и на разныя другія развлеченія, всѣ дѣти, особенно мои братья, очень успѣвали въ наукахъ, впослѣдствіи выдержали всѣ экзамены при вступленіи на службу безъ сторонней помощи, и этимъ обязаны единственно доброй, незабвенной матери нашей!

Только одинъ старикъ нѣмецъ Кирштейнъ немного помогалъ ей, давая всѣмъ намъ уроки нѣмецкаго языка и ариѳметики, отчего братья мои и теперь не считаютъ иначе, какъ по-нѣмецки. Намъ всегда приказывали говорить мѣсяцъ по-французски и мѣсяцъ по-нѣмецки; тому же, кто сказывалъ хотя слово по-русски (для чего нужны были свидѣтели), надѣвали на шею, на простой веревочкѣ, деревянный кружокъ, называемый, не знаю почему, калькулусомъ; отъ стыда мы старались какъ-нибудь прятать его и съ восторгомъ передавали другъ другу. На листѣ бумаги записывалось аккуратно, кто сколько разъ такимъ образомъ въ день былъ наказанъ; въ концѣ мѣсяца всѣ эти наказанія считались и перваго числа раздавались разные подарки тѣмъ, кто меньшее число разъ былъ наказываемъ. По-русски намъ позволялось говорить только за ужиномъ; это была большая радость для насъ; и можно себѣ представить, сколько было шуму и какъ усердно мы пользовались этимъ пріятнымъ для насъ позволеніемъ.

Разъ случилось, что мать, по чьей-то рекомендаціи, рѣшилась взять для меня старушку француженку, горбатенькую m-me du Faye; чтобы я болѣе упражнялась въ французскомъ языкѣ, меня помѣстили съ нею въ одной комнатѣ. Сначала француженкой были довольны; только братья никакъ не могли оставить ее въ покоѣ, рисуя ее съ ея горбомъ въ разныхъ смѣшныхъ видахъ. Но время показало, что она любила выпить, и что штофикъ съ водочкой стоялъ всегда подъ ея кроватью. А чтобы не слышно было запаха водки, она всегда съ аппетитомъ ѣла печеный лукъ, при запахѣ котораго я и теперь невольно вспоминаю мою бывшую гувернантку. Разумѣется, мать, узнавъ объ этомъ, немедленно отказала ей.

Такая же неудача была и съ дядькой-французомъ, m-r Coguet, котораго наняли для братьевъ и тоже очень скоро должны были отказать.

Послѣ двухъ такихъ неудачъ, въ домѣ у насъ никогда не было ни гувернера, ни гувернантки. Жилъ, правда, до самой своей смерти одинъ старичекъ французъ, m-r Asselin, котораго отецъ очень любилъ, помѣстивъ его въ нашемъ бывшемъ дѣтскомъ домикѣ. Ста-

ричекъ жилъ тамъ какъ какой-нибудь антикварій, никуда не показываясь: сильно страдая астмою, онъ боялся воздуха. Много читалъ, занимался химіей, особенно же архитектурой и постройкой храмика на террасѣ, близь нашего дома.

Храмикъ этотъ назывался храмомъ умѣренности; близь него были посажены три дерева: сосна, дикій каштанъ и дубъ. Онъ любилъ приготовлять разныя кушанья. (Вѣроятно, во Франціи онъ былъ гдѣ-нибудь поваромъ).

Разъ онъ предложилъ намъ спечь какой-то чудесный пирогъ; мы, дѣти, ожидали его съ нетерпѣніемъ; на видъ онъ казался очень вкуснымъ; но сколько смѣха и удивленія было, когда, при снятіи верхней части его, вылетѣли изъ него до десяти воробьевъ и начали летать по всѣмъ комнатамъ. Старикъ тогда же прислалъ поздравить насъ всѣхъ съ первымъ апрѣля.

Мать не только одна, съ помощью лишь старшей своей дочери, занималась нашимъ воспитаніемъ, но и управляла всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, а впослѣдствіи и всей деревней. Тѣмъ не менѣе она находила еще время заниматься сама нѣмецкимъ языкомъ, чтеніемъ, разными выписками изъ книгъ и съ большимъ усердіемъ лечила, по совѣту доктора, бѣдныхъ людей, приходившихъ къ ней со всѣхъ сторонъ; въ этомъ случаѣ, какъ и въ домашнемъ хозяйствѣ, она имѣла усердную помощницу въ женѣ дядьки моихъ братьевъ, Натальѣ Митрофановнѣ, женщинѣ настолько умной, усердной и расторопной, что она сдѣлалась необходимою въ домѣ. Наталья Митрофановна была въ такой довѣренности у нашей матери, что иногда, желая что-нибудь получить, слѣдовало сначала угодить ей чтеніемъ ея любимыхъ повѣстей Геснера, Авелевой смерти и пр.

Обыкновенно, послѣ прогулокъ, мы всѣ съ работами, съ рисованьемъ и другими занятіями, собирались въ гостиную и залу, ибо намъ строго запрещали оставаться по своимъ комнатамъ. Отецъ очень любилъ, когда всѣ мы бывали въ сборѣ; обыкновенно, въ это время онъ приносилъ большіе букеты цвѣтовъ, часто самъ убирая ими наши головы. Онъ просыпался рано и лежалъ, обыкновенно, до десяти часовъ въ постели, занимаясь своими сочиненіями, всегда прося, чтобы въ это время никто и ничѣмъ его не тревожилъ. Потомъ, одѣвшись въ сѣренькій фракъ (онъ никогда и дома не носилъ сюртуковъ) и взявъ фуражку и палочку, отправлялся въ садъ, который его очень занималъ и въ которомъ онъ любилъ устроивать всегда что-нибудь новое.

Послѣ обѣда, отдохнувъ самое короткое время на диванѣ въ гостиной, выпивъ съ трубочкой свою чашечку кофею, онъ сходилъ по террасамъ внизъ въ свой любимый небольшой домикъ, выстроенный на берегу рѣки и окруженный высокимъ лѣсомъ, гдѣ царствовалъ вѣчный шумъ мельницъ и вѣчная прохлада; здѣсь, по большей части, онъ писалъ все, что̀ внушало ему вдохновеніе. Часто

мы видѣли, что крестьяне, особенно казаки, жившіе въ деревнѣ Обуховкѣ, приходили туда толпою за какимъ-нибудь совѣтомъ, или съ жалобою на несправедливости и притѣсненія исправниковъ и засѣдателей. Отецъ всегда ласково принималъ ихъ, разспрашивалъ съ живымъ участіемъ обо всемъ и тотчасъ же относился къ начальству, требуя справедливости, за что̀ всѣ въ деревнѣ не называли его не иначе, какъ своимъ отцомъ. Я помню, въ какое негодованіе, въ какой ужасъ, онъ пришелъ разъ, когда увидѣлъ, катаясь зимою по деревнѣ въ сильный холодъ и морозъ, почти нагихъ людей, привязанныхъ къ колодамъ на дворѣ за то, что они не платятъ податей! Онъ немедленно приказалъ отпустить ихъ. Онъ такъ былъ встревоженъ этимъ зрѣлищемъ, что, пріѣхавъ домой, чуть было не заболѣлъ и впослѣдствіи своимъ ходатайствомъ лишилъ исправника мѣста.

Вообще онъ принималъ живое участіе во всемъ, что̀ касалось Малороссіи и какъ бы страдалъ вмѣстѣ съ нею; близко принимая къ сердцу нужды своего края, онъ почти всегда бывалъ грустенъ и въ дурномъ расположеніи духа. Его завѣтнымъ желаніемъ было возстановить прежнее благоденствіе и богатство Малороссіи, оживить народъ, помнившій еще свою свободу, но угнетенный и преслѣдуемый несправедливостью земской полиціи того времени. Съ нами онъ развлекался только изрѣдка. По вечерамъ, послѣ ужина (въ лѣтнее время мы ужинали всегда рано), онъ любилъ гулять въ саду, водилъ насъ по темнымъ аллеямъ и собиралъ вмѣстѣ съ нами по дорожкамъ лежавшихъ въ зелени свѣтлыхъ червячковъ, которыхъ, принеся домой, мы клали на террасу и на другой день тѣшились ихъ свѣтомъ. Такимъ образомъ проходило наше дѣтство.

II.

Деревня Трубайцы—имѣніе дяди П. В. Капниста.—Къ характеристикѣ дяди.—Его жена-англичанка.—Деревня Манжелея—имѣніе дяди Ник. Васильевича.—Отецъ-деспотъ.—«Буде такъ, якъ Софійка скаже!».—Дочери-красавицы.—Дочь затворница и ея печальная судьба.

Мы часто гостили у нашего дяди Петра Васильевича, жившаго отъ насъ въ 70-ти верстахъ, въ деревнѣ Трубайцахъ, которую онъ самъ устроилъ и въ которой на каждомъ шагу можно было встрѣтить доказательства довольства и счастья его крестьянъ. Деревня состояла изъ красивыхъ бѣлыхъ домиковъ съ чистыми дворами, со всѣми нужными для хозяйства постройками, съ садиками, огородами, съ скирдами хлѣба и сѣна, занимавшими большую часть дворовъ. Посреди деревни была выстроена имъ же хорошенькая церковь, окруженная садомъ, въ которую онъ постоянно и не смотря

ни на какую погоду, ходилъ нѣшкомъ по воскресеньямъ, и гдѣ, по его просьбѣ, священникъ всякій разъ долженъ былъ говорить проповѣдь не иначе, какъ на малороссійскомъ языкѣ для того, чтобы крестьяне могли его лучше понимать.

Небольшой домикъ дяди былъ устроенъ вдали отъ селенія на островѣ, окруженномъ тростникомъ и болотистою рѣкою Хоромъ. Садъ былъ устроенъ въ родѣ англійскаго парка: небольшая дорожка шла вокругъ острова, покрытаго отдѣльными куртинами большихъ деревьевъ и кустарниковъ и зелеными лужками, усѣянными разноцвѣтными полевыми цвѣтами. Домикъ былъ окруженъ клумбами душистыхъ цвѣтовъ, которыми любила заниматься жена нашего дяди.

Не понимая русскаго языка и не желая изучать его, она достигла того, что почти всѣ дворовые люди или говорили по-англійски, или понимали этотъ языкъ. Домъ ихъ казался пріютомъ иностранцевъ. Ихъ столько жило тамъ и умерло, что пришлось устроить особенное кладбище, называемое до сихъ поръ нѣмецкимъ.

Я уже говорила, что дядя провелъ молодость въ чужихъ краяхъ, болѣе же всего въ Лондонѣ. Онъ много читалъ въ то время Вольтера, Руссо и другихъ писателей, считался атеистомъ, что чрезвычайно огорчало моего отца, хотя и не наблюдавшаго постовъ или какихъ-либо другихъ проявленій внѣшняго благочестія, но бывшаго въ душѣ истиннымъ христіаниномъ.

Отецъ мой рѣдко говѣлъ, но если говѣлъ, то съ такимъ чувствомъ, съ такимъ умиленіемъ, что трогательно было видѣть его стоявшаго, какъ теперь помню, въ углу алтаря и часто проливавшаго слезы. Съ такимъ религіознымъ направленіемъ ему, конечно, тяжело было видѣть атеистическія наклонности своего брата и друга.

Впослѣдствіи атеистическое міровоззрѣніе Петра Васильевича нѣсколько поколебалось подъ вліяніемъ убѣжденій брата. Съ теченіемъ времени онъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ, всегда припоминая, что обязанъ этимъ младшему брату.

Жизнь его протекала въ уединеніи, посвященная единственно благу семьи и ближнихъ. Управляя общимъ имѣніемъ, онъ только и думалъ о томъ, какъ улучшить и облегчить участь своихъ крестьянъ, надѣлялъ ихъ по желанію землею, назначая за нее цѣну самую ничтожную (по 1 рублю ассигнаціями за десятину) и, такимъ образомъ, сдѣлалъ ихъ всѣхъ оброчными, не терпя никогда барщинной работы. Довольствуясь небольшимъ, онъ жилъ очень скромно, не смотря на то, что имѣлъ на свою часть до тысячи душъ. Его домикъ, крытый тростникомъ, былъ очень удобенъ, чистъ и покоенъ. Въ осеннее и даже зимнее время его мало топили, ибо дядя нашъ, привыкнувъ къ теплому климату, не могъ и въ старости переносить топленыхъ комнатъ и потому цѣлый почти день сидѣлъ

передъ каминомъ, какъ теперь вижу, во фракѣ и въ шинели, которая была сшита имъ еще въ Лондонѣ, и въ бархатныхъ длинныхъ штиблетахъ.

Имѣя единственнаго сына, онъ взялъ на воспитаніе къ себѣ одного изъ сыновей друга своего, Лорера, умнаго и достойнаго человѣка, обремененнаго большимъ семействомъ и не имѣвшаго почти никакого состоянія. Съ этими двумя дѣтьми онъ проводилъ бо́льшую часть времени, занимаясь ихъ воспитаніемъ. Языками англійскимъ, французскимъ и русскимъ онъ занимался съ ними одинъ, безъ всякой помощи; но для нѣмецкаго языка и для математики выписалъ изъ Сарепты почтеннаго старика гернгутера, съ женою, которымъ въ отсутствіи своемъ и поручалъ своихъ дѣтей; я говорю своихъ, потому что онъ истинно любилъ ихъ совершенно одинаково и ни въ какомъ случаѣ не показывалъ предпочтенія сыну.

Жена моего дяди въ молодости, говорятъ, была очень красива, стройна, очень ловка и неустрашимая наѣздница. Я помню ее только въ пожилыхъ лѣтахъ, очень полной, съ завитыми и напудренными волосами; она была хорошей хозяйкой, часто сама приготовляла чудесныя закуски, разные англійскіе пудинги и другія кушанья. Не зная русскаго языка и часто видя, что ее не понимаютъ, она была раздражительна и почти всегда въ дурномъ расположеніи духа. Когда дядя приходилъ къ ней утромъ въ гостиную и, поздоровавшись садился въ углу комнаты съ своей трубочкой, она, обыкновенно, начинала ему жаловаться то на людей, которые ее не слушаютъ, то на управляющаго, то, наконецъ, на него самого за разныя бездѣлицы; все это слушалъ онъ равнодушно, какъ философъ, молча, приговаривая только иногда: «гмъ, гмъ!» Наконецъ, докуривъ трубку свою и приласкавъ собачку ея или понюхавъ и похваливъ на англійскомъ языкѣ цвѣты, стоявшіе передъ нею на столѣ, преспокойно выходилъ изъ комнаты. Это повторялось почти всякій день. Иногда она и развеселялась, но это случалось очень рѣдко и только тогда, когда приходилъ къ ней ея сынъ, котораго она страстно любила. Обыкновенно она сама утромъ одѣвала обоихъ мальчиковъ и, поставивъ ихъ на колѣни, заставляла молиться на англійскомъ языкѣ. Въ комнатахъ у нея было столько разныхъ птицъ, попугаевъ, скворцовъ, канареекъ, что за крикомъ ихъ мы не могли иногда слышать другъ друга.

Меня она очень любила и, посадивъ иногда подлѣ себя, показывала разныя картинки, объясняя ихъ на англійскомъ языкѣ; или заставляла меня чистить вмѣстѣ съ нею молодой горохъ или рѣзать зеленые бобы. Не понимая языка и догадываясь, я исполняла съ большимъ удовольствіемъ всѣ ея желанія. Не получивъ особеннаго образованія, она отъ природы была очень добра, всегда помогала бѣднымъ и лечила очень усердно и удачно всѣхъ тѣхъ,

которые просили у нея помощи. Мы досадовали на нее только за то, что она строго запрещала рвать цвѣты и только въ знакъ особенной ласки давала иногда намъ по цвѣточку.

Впрочемъ Николай Ивановичъ Лореръ, съ которымъ съ дѣтства мы были очень дружны, который всегда берегъ меня и бралъ подъ особенное свое покровительство, не знаю какимъ образомъ находилъ средство приносить мнѣ очень часто чудные букеты.

Дядя нашъ, Николай Васильевичъ, жилъ отъ насъ въ 120 верстахъ, въ прекрасной деревнѣ своей Манжелеѣ, которая лежала на берегу Псёла и славилась тоже прелестнымъ мѣстоположеніемъ. Будучи гораздо богаче братьевъ, любя роскошь и великолѣпіе, онъ ничего не щадилъ для своихъ прихотей. На самомъ берегу чистой и прозрачной рѣки онъ началъ строить великолѣпный двухъэтажный каменный домъ прелестной архитектуры, который впрочемъ никогда не былъ оконченъ. Самъ онъ жилъ съ старшей и любимой дочерью своею, Софіею Николаевной, въ небольшомъ деревянномъ флигелѣ. Жена его съ другими дѣтьми помѣщалась въ большомъ деревянномъ домѣ, тоже не оконченномъ. Семейство его состояло изъ пяти дочерей: Софіи, Вѣры, Надежды, Любви и Анастасіи и одного сына Петра. Всѣ дочери были такъ хороши собой, что нельзя было сказать, которая изъ нихъ лучше; всѣ—брюнетки съ прелестными черными глазами, преисполненными ума и пріятности, съ черными, какъ смоль, волосами, съ правильными чертами лица; ихъ не называли иначе какъ красавицами. Братъ ихъ тоже былъ очень хорошъ собой; брюнетъ съ прекрасными черными глазами, выражающими и пріятность, и умъ, и благородство. Какъ единственный сынъ, онъ былъ всѣми въ семействѣ любимъ и балованъ до крайности, въ особенности матерью, которая, находя въ немъ одно свое утѣшеніе, исполняла всѣ прихоти его и ни въ чемъ ему не отказывала.

Отецъ его, обратя всю любовь и все вниманіе на старшую дочь Софію Николаевну, не заботился вовсе о другихъ дѣтяхъ, не занимался воспитаніемъ даже единственнаго сына, и еслибъ не мать ихъ, женщина простая и вовсе не образованная, то едва ли онъ и сестры его научились бы грамотѣ.

Николай Васильевичъ былъ человѣкъ умный, но съ большими странностями; онъ такъ много думалъ о себѣ и о своемъ умѣ, что не говорилъ иначе, какъ какими-то непонятными аллегоріями, и удивлялся, если его не понимали въ семействѣ. Онъ и всѣ они говорили, обыкновенно, по-малороссійски.

Сидѣлъ онъ всегда посреди комнаты въ большихъ креслахъ (онъ былъ очень толстъ) передъ чернымъ столомъ, исписаннымъ мѣломъ сверху до низу цифрами. Его единственнымъ занятіемъ были разныя математическія исчисленія, а большею частію исчисленія доходовъ съ имѣній; однажды ему пришла странная мысль

собрать тридцать тысячъ рублей мѣдью въ приданое второй дочери своей, Вѣрѣ Николаевнѣ, и закопать ихъ въ землю. Вѣроятно, онъ разсчиталъ, что впослѣдствіи извлечетъ изъ этого большія выгоды. Вообще въ семействѣ онъ былъ большимъ деспотомъ; въ особенности бѣдная жена страдала отъ этого. Сколько разъ намъ случалось быть свидѣтелями его жестокаго обращенія съ нею! За малѣйшій безпорядокъ въ домѣ, за дурно изготовленное блюдо, онъ не только бранилъ ее самыми гнусными словами, но иногда, засучивая рукава свои и говоря: «а ходы лишъ сюда, моя родино!» чуть не билъ ее въ присутствіи всѣхъ. Послѣ подобныхъ поступковъ мудрено ли, что и дочери ея не имѣли къ ней должнаго уваженія и впослѣдствіи наносили ей страшныя оскорбленія!

Въ особенности она терпѣла всю свою жизнь отъ старшей дочери, Софіи Николаевны, которая завладѣла до того и отцомъ, и всѣмъ домомъ, что, наконецъ, мать была принуждена даже получать отъ нея деньги, нужныя для разныхъ домашнихъ расходовъ. Обыкновенно, при какихъ-нибудь важныхъ семейныхъ спорахъ дядя говаривалъ: «буде такъ, якъ Софійка скаже!» И это, дѣйствительно, исполнялось.

Такъ какъ сынъ ихъ въ дѣтствѣ былъ слабаго здоровья, то дядя со всѣмъ семействомъ ѣздилъ на два года за границу. Возвратясь оттуда и пріѣхавъ къ намъ, онъ поразилъ насъ всѣхъ великолѣпіемъ экипажей и пышностью нарядовъ.

Я помню, какъ мнѣ было совѣстно, стыдно и непріятно, подходить въ простомъ бѣленькомъ платьицѣ къ богато одѣтымъ двоюроднымъ сестрамъ. Но болѣе всего поразилъ насъ костюмъ брата, Петра Николаевича, тогда десятилѣтняго мальчика. Онъ былъ одѣтъ въ такой-то блестящій мундиръ, съ каской на головѣ; чудные черные волосы разсыпались длинными локонами по плечамъ; какъ будто сконфуженный своимъ нарядомъ, онъ стоялъ серьезно у дверей и никто изъ братьевъ моихъ не смѣлъ подойти къ нему; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока его не переодѣли; тогда онъ какъ будто ожилъ, и братья мои дружески приняли его въ свое общество.

Сестра Софія Николаевна возвратилась изъ-за границы обворожительной красавицей, сводя многихъ съ ума. Но отецъ, цѣня ее слишкомъ высоко, никогда не находилъ и до смерти своей не нашелъ для нея достойнаго жениха.

Имѣвъ болѣе сорока жениховъ (этотъ счетъ впослѣдствіи она сама намъ показывала), она никогда не вышла замужъ и, оставшись въ дѣвкахъ, не только не желала, но и употребляла всѣ средства, чтобы и сестры ея не устроили своей судьбы. Къ несчастію, она достигла этой цѣли, какъ мы увидимъ впослѣдствіи.

Николай Васильевичъ по виду былъ чрезвычайно набоженъ; онъ наблюдалъ всѣ посты, молился долго и усердно не только по

утрамъ и вечерамъ, но всегда передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, и требовалъ той же набожности отъ всѣхъ своихъ.

Обыкновенно, меньшія дѣти приходили къ нему только утромъ здороваться и молча выслушивать наставленія, какъ вести себя и проч.

Онъ сдѣлалъ заблаговременно духовную, въ которой отдавалъ все свое имѣніе пополамъ сыну своему и старшей дочери, Софіи Николаевнѣ, такъ что каждый изъ нихъ долженъ былъ получить, по крайней мѣрѣ, по пятисотъ тысячъ рублей, а другимъ дочерямъ назначилъ не болѣе, какъ по 30-ти тысячъ. Эта несправедливость и вообще всѣ поступки его были истинно возмутительны и произвели горькія послѣдствія, дѣйствуя морально явнымъ образомъ на здоровье младшихъ дѣтей его.

Обыкновенно, въ обществѣ, онъ окружалъ себя всѣми своими дочерьми, какъ бы гордясь красотой ихъ, и такъ гордо себя держалъ, что никто не смѣлъ подходить къ нимъ. Онъ не позволялъ имъ танцовать, находя это не благопристойнымъ, и, не знаю по какой причинѣ, положилъ себѣ правиломъ не учить ихъ музыкѣ. Если онѣ выучились немного французскому языку, то и этимъ обязаны единственно матери своей, которая употребила послѣднія свои средства, чтобы нанять имъ для этого языка француженку.

Вторую дочь, Вѣру, дядя нашъ любилъ болѣе меньшихъ дѣтей своихъ именно потому, что она часто забавляла его своими шутками и странностями. Онъ съ малыхъ лѣтъ пріучилъ ее болтать всякій вздоръ, разсказывать и объяснять сны и иногда предсказывать, и видѣлъ въ этомъ какое-то сверхъестественное вдохновеніе. Будучи сама убѣждена въ этомъ и полагая, что ей это откровеніе послано свыше, она до того ударилась въ набожность, что въ своей комнатѣ устроила престолъ, окружила его образами своей работы, изображавшими разныя ея видѣнія то во снѣ, то на яву, и часто передъ престоломъ, уставленнымъ крестами, евангеліемъ и свѣчами, она въ бѣломъ облаченіи, запершись, по ночамъ отправляла какія-то служенія и въ это-то время видѣла разныя видѣнія. Она по природѣ была добра, мы всѣ ее любили за ея причуды и иногда жалѣли о ней, потому что въ домѣ она была истинной сиротой, живя затворницей, въ отдаленномъ строеніи, называемомъ оранжереей и тоже не оконченномъ. Часто по цѣлымъ недѣлямъ она оставалась тамъ больная, и никто не навѣщалъ ея и не спрашивалъ о ней.

Такимъ образомъ провела она свою молодость въ обществѣ однѣхъ своихъ горничныхъ. Сватали и ее очень хорошіе люди, но отецъ имъ отказывалъ до тѣхъ поръ, пока, будучи уже не молода и желая перемѣнить горькую жизнь свою, она, не смотря ни на что, рѣшилась выйти замужъ за самаго ничтожнаго и пустого армейскаго офицера, стоявшаго тогда у нихъ въ деревнѣ; про-

живъ съ нимъ до старости, она умерла, оставивъ единственную дочь, которая, не получивъ никакого образованія, будучи очень красива собой, но избалована и своенравна до крйности, разсорясь впослѣдствіи съ отцомъ своимъ, котораго никогда не уважала и оставшись совершенно одна, повела распущенную жизнь.

III.

Семейные праздники.—Праздникъ у Петра Васильевича.—Праздникъ въ Обуховкѣ.— Д. П. Трощинскій.— Странная посѣтительница (Д. А. Державина).— Встрѣча Державина съ Трощинскимъ.— И. М. Муравьевъ-Апостолъ и его сыновья.—Курьезный обѣдъ.—Н. В. Гоголь.—Къ характеристикѣ Трощинскаго.— Его дочь, княгиня Хилкова.— Племянникъ Трощинскаго.— Наши визиты къ Муравьевымъ.

Между братьями, Николаемъ Васильевичемъ, Петромъ Васильевичемъ, и отцомъ моимъ, были положены семейные праздники. Къ дядѣ Николаю Васильевичу должны были съѣзжаться всѣ родные и знакомые къ 17-му сентября, ко дню имянинъ дочерей его. Семейный праздникъ у дяди нашего Петра Васильевича назначенъ былъ 20-го іюля, въ день имянинъ его сына. Мы, обыкновенно, выѣзжали рано, чтобы поспѣть къ вечеру въ деревню дяди. На половинѣ дороги, въ маленькомъ городкѣ Миргородѣ, мы останавливались обѣдать и кормить лошадей у старичковъ, нашихъ знакомыхъ, Бровковыхъ, которые славились въ то время удивительною добротою и хлѣбосольствомъ.

Старикъ и старушка встрѣчали насъ всегда съ большимъ радушіемъ и не знали, чѣмъ и какъ угощать. Чуть ли не ихъ описалъ Н. В. Гоголь въ своей повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики». Подъѣзжая къ ихъ маленькому домику, мы всегда встрѣчали старика съ трубочкой въ рукахъ, высокаго роста, съ правильными чертами лица, выражавшими и умъ и доброту, сидѣвшаго на простомъ деревянномъ крылечкѣ съ небольшими столбиками; онъ привѣтливо встрѣчалъ насъ, вводилъ въ маленькую, низенькую и мрачную гостиную съ какимъ-то постояннымъ особеннымъ запахомъ и съ широкой деревянной дверью, издававшей при всякомъ входѣ и выходѣ ужасный скрипъ.

Тутъ насъ радостно встрѣчала, переваливаясь съ ноги на ногу, добрая старушка, его жена, небольшого роста, толстенькая, съ маленькими свѣтло-карими глазами и съ передними зубами, выдававшимися во время разговора на подобіе клавишъ. Одѣта она была всегда въ ситцевое платье, съ чистенькимъ бѣлымъ платочкомъ на груди и на головѣ. Она жила положительно только для добра. Каждую субботу пеклись у нея всякаго рода калачи, хлѣбы,

пироги, и полной телѣгой отправлялись въ городскую тюрьму для раздачи нищимъ, толпа которыхъ окружала ея домъ и въ этотъ день.

При нашихъ посѣщеніяхъ она больше всего хлопотала о томъ, чтобы изготовить повкуснѣе малороссійскій столъ и накормить нашихъ людей и лошадей досыта и доотвала.

Ея мужъ, отъ природы человѣкъ умный, будучи раньше простымъ казакомъ, съумѣлъ пріобрѣсти порядочное состояніе, приписавъ къ своей землѣ людей, жившихъ на ней, въ томъ числѣ и нѣсколькихъ своихъ родственниковъ, которые впослѣдствіи и оставались у него крѣпостными.

Никто въ городѣ не запомнитъ такихъ трогательныхъ похоронъ, какія были устроены старушкѣ-покойницѣ, женѣ его. Домъ и дворъ ихъ до того были наполнены плачущими и облагодѣтельствованными ею людьми, что стороннему человѣку трудно было добраться до ея гроба. До сихъ поръ память о ней сохраняется въ Мирогородѣ. Отдохнувъ у этихъ добрыхъ людей, мы обыкновенно продолжали нашъ путь.

Дорогою мать любила слушать наши разсказы; заставляла насъ пѣть и сама пѣла съ нами хоромъ иногда русскіе романсы, какъ напримѣръ «Ты зачѣмъ сюда влетѣла, скажи, бабочка, скажи?» или же любимую свою французскую пѣсню «Frère Iaco, frère Iaco, dormez vous?»

Не доѣзжая верстъ пяти, мы останавливались въ казачьемъ селеніи, чтобы умыться отъ пыли и переодѣться. Съ какою радостью привѣтствовали мы выбѣгавшихъ къ намъ на встрѣчу брата, Илью Петровича, и товарища его Н. И. Лорера. Вставъ изъ экипажей, мы оканчивали путешествіе вмѣстѣ съ ними пѣшкомъ. Подходя къ дому, мы видѣли уже сидѣвшаго на скромномъ крылечкѣ въ большомъ креслѣ дядю, Николая Васильевича, окруженнаго семействомъ, и множество гостей, гулявшихъ на зеленомъ лугу, передъ домомъ и по цвѣтникамъ.

На другой день, рано утромъ, множество экипажей стояло уже у крыльца, чтобы ѣхать къ обѣднѣ. Возвращаясь изъ церкви, мы видѣли толпы крестьянъ, бѣжавшихъ въ нарядныхъ и пестрыхъ одеждахъ къ господскому дому и на островъ, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ, между деревьями, приготовлялись столы для ихъ угощенія, гдѣ уже играла музыка и были устроены различныя качели. Молодые крестьяне и старики подходили съ радостнымъ видомъ къ дядѣ и теткѣ, усердно поздравляя ихъ съ праздникомъ. Къ вечеру зала въ домѣ, украшенная цвѣтами, освѣщалась, музыка грѣмѣла, и молодежь съ нетерпѣніемъ ожидала танцевъ. Отецъ мой, обыкновенно, открывалъ балъ польскимъ съ теткой по всѣмъ комнатамъ; потомъ начинались экосезы, кадрили съ вальсомъ, манимаски; оканчивался балъ всегда матродурой и малороссійскимъ танцемъ

«горлицей». Во время танцевъ дяди мои сидѣли обыкновенно на крыльцѣ, наслаждаясь чистымъ воздухомъ и ароматомъ цвѣтовъ.

По обѣимъ сторонамъ крыльца разложенъ былъ огонь для того, чтобы избавляться отъ комаровъ, которыхъ въ лѣтнее время тамъ была гибель. Обыкновенно, когда отецъ мой присоединялся къ старикамъ, разговоръ ихъ оживлялся; сужденіямъ и спорамъ не было конца. Иногда онъ разсказывалъ имъ такія забавныя вещи, что старики умирали со смѣху, отъ котораго у Николая Васильевича часто слезы лились градомъ. Одинъ разъ, это было въ 1812 году, я чрезвычайно была удивлена сужденіемъ дяди Николая Васильевича, который, обратясь къ отцу моему, пресерьезно спросилъ его этими словами:

— Скажите мнѣ, Василій Васильевичъ, что вы будете дѣлать, если Бонапартъ пойдетъ на Малороссію? Какіе будутъ ваши планы и куда вы утечете?

Мой отецъ отвѣчалъ:

— Я никуда не намѣренъ уходить; зная хорошо Малороссію и будучи любимъ ею, я надѣюсь поставить ее на ноги и со стыдомъ изгнать его изъ нашихъ предѣловъ.

— А я не такъ думаю,—сказалъ Николай Васильевичъ,—я самъ пойду къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ и солью, къ этому умному человѣку.

Можно себѣ представить удивленіе моего отца и дяди Петра Васильевича при такомъ оригинальномъ сужденіи и именно въ то время, когда всѣ страшились, чтобы Наполеонъ не пошелъ на Малороссію! Но дядя Николай Васильевичъ всегда отличался оригинальничаньемъ.

Ко дню имянинъ брата Ильи Петровича пріѣзжалъ всегда изъ другой деревни несчастный и больной дядя нашъ Андрей Васильевичъ, котораго мы страшно боялись, въ особенности, когда должны были подходить къ его рукѣ. Будучи большого роста, худой, смуглый, смѣясь самъ съ собой и дѣлая разныя гримасы, онъ стоялъ, обыкновенно, у дверей съ большимъ серебрянымъ образомъ на груди, сложивъ крестомъ руки. Я никогда не забуду, какъ однажды онъ страшно испугалъ меня. Мнѣ вздумалось въ сумерки поиграть на фортепьяно; прибѣжавъ, я сѣла и начала что-то фантазировать, какъ вдругъ услышала за собой страшный хохотъ; я оглянулась и, увидѣвъ его стоявшаго въ углу комнаты, не помня себя отъ страха, стремглавъ убѣжала.

Приступаю теперь къ описанію нашего семейнаго праздника въ чудной Обуховкѣ. Этотъ торжественный праздникъ бывалъ въ весеннее время, въ самый Троицынъ день, когда яркая зелень уже покрывала и луга, и роскошныя группы деревьевъ, окружавшихъ нашъ домъ, соломенная кровля котораго вся осѣнялась пушистыми вѣтвями столѣтняго клена, стоявшаго у самой стѣны его.

Видя на каждомъ шагу приготовленія, мы съ нетерпѣніемъ ожидали самаго праздника. Съ любопытствомъ мы слѣдили за необычайной суетой въ домѣ. Нашъ отецъ, вставая ранѣе обыкновеннаго, спѣшилъ въ садъ смотрѣть работы по проведенію разныхъ новыхъ дорожекъ, усыпанію ихъ пескомъ и устроиванію всего по своему вкусу. Дома, бесѣдки и всѣ строенія, чистились и бѣлились къ этому дню, а наша мать съ помощью своей Натальи Митрофановны заботилась о томъ, чтобы покрыть новой шерстяной матеріей, домашняго издѣлья, скромную, выкрашенную въ черную краску и натертую воскомъ мебель. На другой сторонѣ Псёла устроивались купальня и паромъ для переѣзда къ ней; у павильона, близь рѣки, смолились опрокинутыя лодки, готовившіяся для чудныхъ прогулокъ по рѣкѣ. Все это насъ восхищало, и мы заранѣе радовались, помышляя о будущихъ удовольствіяхъ. Наканунѣ праздника нашъ домъ убирался цвѣтами, всѣ полы усыпались свѣжей травой, избы крестьянъ и двери у всѣхъ домовъ украшались большими вѣтвями деревьевъ. Цвѣтники передъ домомъ и въ разныхъ мѣстахъ сада къ этому времени уже покрывались благоухающими кустами цвѣтущихъ розъ.

Кромѣ родныхъ, къ намъ пріѣзжали и сосѣди, достойнѣйшіе люди, о которыхъ и теперь не могу я вспоминать безъ особеннаго чувства любви и уваженія.

Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ, о коемъ я буду говорить послѣ, жилъ съ семействомъ своимъ въ двадцати верстахъ отъ насъ.

Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, вельможа и сановникъ во время царствованій Екатерины II, Павла I и Александра I, извѣстный умомъ и правотою души своей, жилъ въ 45-ти верстахъ отъ насъ, въ своей деревнѣ Кибенцахъ, съ семействомъ, состоявшимъ изъ единственной побочной дочери (онъ не былъ никогда женатъ), княгини Хилковой, зятя и двухъ племянниковъ, генераловъ Трощинскихъ. Онъ былъ родомъ изъ Малороссіи, какъ говорятъ, сынъ казака. Будучи бѣденъ, онъ дошелъ почти пѣшкомъ до Кіева, чтобы учиться въ бурсѣ. По его разсказамъ, онъ бывалъ принужденъ цѣлые дни писать для другихъ, чтобы имѣть право вечеромъ заниматься въ бурсѣ при чужой сальной свѣчкѣ.

И этотъ-то человѣкъ достигъ впослѣдствіи безъ всякой посторонней помощи, только трудами и своимъ умомъ, высокаго сана, сдѣлавшись вельможей, полезнымъ слугой отечества, особенно же благодѣтелемъ своей родины, получивъ въ награду отъ государыни Екатерины II богатыя имѣнія.

Онъ былъ очень друженъ съ моимъ отцомъ, заботясь вмѣстѣ съ нимъ о благоденствіи Малороссіи. Его любовь къ родинѣ извѣстна была не только дворянству, но и всему народонаселенію. У насъ

въ деревнѣ, во время гуляній, народъ, обыкновенно, бѣжалъ толпами, чтобы только посмотрѣть на него.

Въ 12-мъ году, когда правительствомъ велѣно было отправлять изъ Малороссіи сухари для нашихъ войскъ въ Польшу, онъ съ живымъ участіемъ спѣшилъ помочь несчастному народу, который рисковалъ потерять въ этой дальней дорогѣ воловъ—единственное свое достояніе и средство къ жизни. Онъ упросилъ моего отца ѣхать немедленно въ Петербургъ и хлопотать о томъ, чтобы правительство позволило это пожертвованіе сдѣлать не натурою, а деньгами.

Мой отецъ, не смотря на болѣзнь и на страшный зимній холодъ, уѣхалъ въ Петербургъ, взявъ съ собою и старшаго брата нашего Семена для опредѣленія на службу. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ и, возвратясь оттуда, по порученію начальства и всего дворянства, онъ самъ сдѣлалъ закупку хлѣба въ Житомірѣ, доставивъ его куда слѣдовало.

Для Малороссіи это было величайшее облегченіе, и я помню, какъ однажды, во время нашихъ прогулокъ, мы до глубины души были тронуты рѣчью одного сѣдинами покрытаго старца, который, вышедъ изъ толпы крестьянъ, окружавшихъ насъ, и подошедъ къ Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому и къ отцу моему, выразилъ благодарность за это пособіе съ такимъ чувствомъ и въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ, что мой отецъ, старикъ Трощинскій и все наше общество прослезились.

Утромъ, въ день Троицына дня, отправлялись всѣ мы съ букетами цвѣтовъ въ церковь; возвратясь оттуда, находили уже столы, уставленные легкимъ, простымъ завтракомъ. Послѣ завтрака, чтобы укрыться отъ зноя и солнца, спѣшили всѣ къ рѣкѣ, въ темныя аллеи и въ прохладный павильонъ отца моего, и только по колокольчику сходились всѣ къ обѣду, который былъ всегда устроенъ въ большой залѣ оранжереи, окруженной группами цвѣтовъ, усыпанной свѣжею зеленою травой, и столбы которой, обыкновенно, увязывались роскошными дубовыми вѣтвями, представляя видъ живыхъ деревьевъ.

Послѣ обѣда и послѣ нѣкотораго отдыха, обыкновенно, устроивалось гулянье въ чудныхъ и разнообразныхъ окрестностяхъ нашей деревни. Туда заранѣе отсылались и ковры, и разные фрукты, и кислое молоко, и чай; мы же всѣ отправлялись, кто въ экипажахъ, кто верхомъ, кто въ лодкахъ.

Тамъ, на вершинѣ горы или на берегу рѣки, мы находили разосланные ковры, уставленные разными угощеніями, и толпы любопытнаго народа, стекавшагося со всѣхъ сторонъ, забавляя общество музыкой, пѣснями и плясками.

Тутъ мы оставались до поздняго вечера, то гуляя по рощамъ и лугамъ, то удя рыбу, и возвращались домой всегда водою, на лод-

кахъ, при звукахъ ѣхавшей вмѣстѣ съ нами музыки, при чудномъ лунномъ сіяніи. Вышедъ на берегъ и поднявшись на гору, мы любовались издали нашимъ освѣщеннымъ домомъ съ открытыми окнами и съ залой, готовой для танцевъ. Здѣсь молодежь, обыкновенно, веселилась до свѣта. Такимъ образомъ проходили не только дни, но иногда и цѣлыя недѣли.

Въ 1813 году въ день этого праздника мы поражены были нечаянной радостью.

Мать моя обыкновенно отдыхала послѣ обѣда; мнѣ въ то время пришли сказать, что какая-то бѣдная женщина желаетъ ее видѣть. Я пошла сказать объ этомъ матери; мать вышла къ посѣтительницѣ и, посадивъ подлѣ себя на диванѣ, начала спрашивать, откуда она и что ей нужно? Та отвѣчала, что она бѣдная, изъ Москвы, разоренная французами, проситъ помощи, и при этихъ словахъ засмѣялась; мама моя, испугавшись и полагая, что это какая-нибудь сумасшедшая, поспѣшно встала и хотѣла уйти, но та, схвативъ ее за руку и снявъ поспѣшно капишонъ салопа своего съ головы, остановила ее сказавъ: «другъ мой, Сашенька, неужели ты меня не узнаешь?»

Мать моя, узнавъ въ ней сестру свою Дарью Алексѣевну Державину, которую болѣе двадцати лѣтъ не видѣла, до такой степени обрадовалась, что съ нею сдѣлалось дурно. Тетка наша и мы всѣ не знали, что дѣлать и чѣмъ ей пособить; но скоро мать пришла въ себя и узнавъ, что и дядя нашъ Гавріилъ Романовичъ тоже пріѣхалъ и остановился на горѣ, въ экипажѣ съ племянницей своей П. Н. Львовой, мать моя, обнявъ дорогую сестру, въ сопровожденіи нашего отца и насъ всѣхъ, поспѣшила къ нему на встрѣчу.

Дядя и тетка чрезвычайно обласкали насъ; съ сестрой Прасковьей Николаевной мы въ минуту познакомились и скоро подружились. Пришедъ въ домъ, они поражены были чуднымъ мѣстоположеніемъ, представившимся ихъ глазамъ, и еще болѣе большимъ обществомъ, котораго вовсе не ожидали найти въ Обуховкѣ.

Для насъ въ особенности интересна была встрѣча Трощинскаго и Державина, двухъ сановниковъ царствованія Екатерины II, впрочемъ не совсѣмъ дружныхъ въ то время. Съ какимъ взаимнымъ уваженіемъ они раскланивались! Какъ величали другъ друга вашимъ высокопревосходительствомъ и не хотѣли сѣсть одинъ прежде другого! Эта сцена была поистинѣ замѣчательна.

Сначала въ ихъ отношеніяхъ была видна нѣкоторая холодность; но, проживъ нѣсколько дней вмѣстѣ, они, наконецъ, сошлись и подолгу непринужденно бесѣдовали другъ съ другомъ.

Дядя мой, Гавріилъ Романовичъ, былъ въ восхищеніи отъ Обуховки и нѣсколько разъ повторялъ, что онъ былъ бы счастливъ,

если бы могъ жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, по мнѣнію его, все дышетъ поэтическимъ вдохновеніемъ! Покрытый сѣдинами, Державинъ былъ чрезвычайно пріятной наружности, всегда веселъ и въ хорошемъ расположеніи духа; онъ обыкновенно припѣвалъ, или присвистывалъ что-нибудь, или адресовался стишками то къ птичкамъ, которыхъ было такъ много у моей матери, то къ собачкѣ своей «Тайкѣ», которую обыкновенно носилъ за пазухой. Онъ полюбилъ очень двухъ дѣвицъ, проживавшихъ у насъ, прехорошенькихъ собою, блондинку и брюнетку, съ которыми обыкновенно гулялъ подъ руку и много шутилъ.

Тетка наша была и въ то время еще хороша собою, большого роста, чрезвычайно стройна и, при величественномъ видѣ своемъ, имѣла много пріятности. Она меня очень полюбила, нѣсколько разъ уговаривала ѣхать съ нею въ Петербургъ и называла меня всегда «милой малороссіяночкой». Я всякое утро ходила съ нею на наше семейное кладбище, гдѣ былъ похороненъ прахъ ея отца. Тамъ, сѣвъ на скамью подъ тѣнь роскошнаго, покрытаго цвѣтами каштановаго дерева, она въ молчаніи восхищалась чудной далью и розовымъ небосклономъ при великолѣпномъ восходѣ солнца.

Меня несказанно удивляло въ ней то, что, не смотря на свою знатность и богатство, она, любя порядокъ, собственными руками мыла и гладила, когда нужно было, всѣ кружева, чепцы и шемизетки.

Кузина наша, Прасковья Николаевна Львова, была очень мила, хорошенькая брюнетка, удивительно какъ привлекательна и скромна. Проживя у насъ болѣе мѣсяца, они уѣхали, оставивъ по себѣ самыя пріятныя воспоминанія! Мы проводили ихъ за 70 верстъ къ дядѣ нашему Петру Васильевичу, откуда они черезъ Кіевъ отправились въ Петербургъ.

Сосѣдство Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола, бывшаго посланника въ Испаніи, было для насъ очень пріятно. Онъ былъ человѣкъ образованный, говорилъ на всѣхъ языкахъ, любилъ музыку и самъ отлично пѣлъ, чрезвычайно привѣтливъ и любезенъ, считался вездѣ душею общества.

Но въ семействѣ онъ былъ и деспотиченъ, и несправедливъ къ своимъ старшимъ дѣтямъ, которые во всемъ нуждались и въ молчаніи должны были переносить тьму непріятностей. Не имѣя никакого состоянія, онъ былъ несказанно счастливъ, получивъ по наслѣдству отъ своего двоюроднаго брата, Апостола, имѣніе, состоявшее изъ 500 душъ въ Малороссіи. Это имѣніе, впрочемъ, вскорѣ было прожито. Въ то время возвратилась изъ Парижа его жена съ дѣтьми, которыя тамъ воспитывались: старшія двѣ дочери въ пансіонѣ, а сыновья: Матвѣй и Сергѣй въ политехнической школѣ.

Всѣ они въ то время почти не знали русскаго языка и только впослѣдствіи выучились ему. Старшія дочери были совершенныя красавицы, образованныя и съ талантами. Отецъ ихъ былъ друженъ съ моимъ отцомъ и часто со всѣмъ семействомъ пріѣзжалъ къ намъ.

Но умная и истинно достойная уваженія жена его не долго жила и вскорѣ, по возвращеніи своемъ изъ Парижа, умерла.

Такъ какъ въ то время, промотавъ имѣніе, Муравьевъ не имѣлъ чѣмъ жить съ семействомъ въ Петербургѣ, отецъ мой посовѣтовалъ ему ѣхать опять къ родственнику своему Апостолу въ Малороссію, что онъ исполнилъ, получивъ отъ него опять 500 душъ въ Малороссіи и имя Апостола.

Тогда, помѣстивъ старшихъ сыновей для окончанія наукъ въ учебныя заведенія и отдавъ старшую дочь свою замужъ за графа Ожаровскаго, Муравьевъ женился въ Москвѣ на Грушецкой, внучкѣ извѣстнаго Долгорукаго, и возвратился съ меньшими дѣтьми своими въ Малороссію. Вторая дочь его въ то время сдѣлана была фрейлиной и принята ко двору. Въ 1817 году старшіе сыновья его Матвѣй и Сергѣй были опредѣлены въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ.

Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій часто проживалъ у насъ по цѣлымъ мѣсяцамъ и всѣхъ насъ любилъ, какъ близкихъ родныхъ, распоряжался иногда въ нашемъ домѣ совершенно какъ у себя, что, конечно, доказывало его искреннюю дружбу къ намъ. Помню, разъ въ жаркій лѣтній день ему показалось, что слишкомъ душно обѣдать въ столовой; онъ, не смотря на то, что столъ былъ уже накрытъ, сказалъ, что надо все перенести въ оранжерею, гдѣ была большая зала и гдѣ мы часто лѣтомъ обѣдали и, чтобы не утруждать слишкомъ прислугу, самъ, взявъ, что могъ въ руки, несъ въ оранжерею; конечно, и мы всѣ бросились слѣдовать его примѣру, перенеся все вмигъ; но въ оранжереѣ оказалось еще жарче, ибо солнце грѣло со всѣхъ сторонъ. Онъ прехладнокровно продолжалъ идти внизъ, къ рѣкѣ, мы всѣ слѣдовали за нимъ, неся въ рукахъ, что только могли взять. Внизу самъ онъ выбралъ мѣсто, въ тѣни, близь павильона нашего отца, и въ нѣсколько минутъ столъ былъ накрытъ, кушанье поспѣшно снесли съ горы внизъ, и всѣ мы усѣлись обѣдать.

Но откуда ни возьмись — страшная гроза съ вихремъ и проливнымъ дождемъ; всѣ вскочили и бросились было бѣжать; но онъ, немного сконфуженный, остановилъ насъ, сказавъ, что начатое дѣло всегда надо оканчивать, не смотря ни на какія препятствія, и потому, схвативъ самъ, что могъ, скорыми шагами понесъ въ павильонъ, мы за нимъ вслѣдъ, со смѣхомъ, потащили, кто посуду, кто скатерти, кто столы и въ минуту опять столъ былъ накрытъ въ павильонѣ, и тутъ уже мы спокойно кончили нашъ обѣдъ.

Такимъ образомъ онъ распоряжался у насъ, какъ бы у себя, и часто для бо́льшаго порядка пряталъ въ карманѣ своемъ ключи отъ нашей купальни и отъ парома, единственно для того, чтобы все дѣлалось въ свое время.

Деревянный домъ его, въ Кибенцахъ, былъ въ два этажа; снаружи онъ не казался великолѣпенъ, но внутри былъ богато отдѣланъ; въ немъ было множество картинъ, фарфора, бронзы и мрамора; тутъ же у него была и коллекція чудныхъ золотыхъ монетъ и медалей.

Мы у него проживали часто по нѣскольку недѣль; но главный праздникъ тамъ былъ 26-го октября, въ день его имянинъ. Къ этому дню съѣзжались къ нему родные, друзья и знакомые изъ разныхъ губерній и въ особенности изъ Кіевской. Театръ, живыя картины, маскарады и разные сюрпризы, были приготовлены заранѣе къ этому дню зятемъ его, княземъ Хилковымъ, и дочерью, которая была такъ хороша, такъ мила и привлекательна, что сводила съ ума всѣхъ молодыхъ людей, а женщины всѣ искренно ее любили. Мужъ ея тоже былъ очень красивый, любезный и образованный молодой человѣкъ, любилъ очень своего тестя, стараясь всегда забавлять его, чѣмъ только могъ.

Такъ какъ старикъ очень любилъ малороссійскія пьесы, то ихъ сочинялъ и устроивалъ обыкновенно родственникъ племянника его, Гоголь, отецъ извѣстнаго Николая Васильевича Гоголя, котораго я знала мальчикомъ всегда серьезнымъ и до того задумчивымъ, что это чрезвычайно безпокоило его мать, съ которой мы всегда были очень дружны.

Помню его и молодымъ человѣкомъ, только-что вышедшимъ изъ Нѣжинскаго лицея. Онъ также былъ серьезенъ, но только съ болѣе наблюдательнымъ взглядомъ.

Ѣхавъ въ Петербургъ и прощаясь со мной, онъ удивилъ меня слѣдующими словами: «Прощайте, Софія Васильевна! Вы, конечно, или ничего обо мнѣ не услышите, или услышите что-нибудь весьма хорошее».

Эта самоувѣренность насъ удивила въ то время, какъ мы ничего особеннаго въ немъ не видѣли. Но, вѣроятно, у него было какое-то тайное предчувствіе, что имя его не останется въ безъизвѣстности. Незадолго до его смерти я напомнила ему его слова; онъ ничего не сказалъ мнѣ на это, но на глазахъ его показались слезы.

Сколько разъ случалось, что ко дню имянинъ Дмитрія Прокофьевича являлась какая-нибудь бѣдная старушка, родственница его, въ платочкѣ на головѣ и въ простомъ ситцевомъ платьѣ. Какъ ласково онъ ее принималъ и, усадивъ подлѣ себя, угощалъ за обѣдомъ! Это истинно трогательно было видѣть! Онъ никогда не скрывалъ своего происхожденія и часто разсказывалъ разные случаи

изъ своего дѣтства. Одинъ разъ, я помню, въ деревнѣ Яреськахъ, гдѣ онъ родился и гдѣ впослѣдствіи проводилъ всегда лѣто, сходя въ жаркій день къ водосвятію съ большой горы, въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ и съ помощью двухъ лакеевъ, державшихъ и его, и зонтикъ надъ его головою, покрытой сѣдинами, онъ сказалъ: «здѣсь я помню себя мальчишкой семи лѣтъ, бѣгавшимъ по этой же дорогѣ и горѣ босымъ и въ одной рубашенкѣ».

Онъ, обыкновенно, до двѣнадцати часовъ утра занимался серьезными дѣлами въ своемъ кабинетѣ и принималъ посѣтителей; потомъ выходилъ къ завтраку въ гостиную, гдѣ ожидали его родные, и гости, и шуты, которыхъ было всегда нѣсколько въ домѣ и коихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы шутками его развеселять. Такъ какъ, обыкновенно, онъ бывалъ очень серьезенъ и задумчивъ, дочь его часто давала при насъ деньги которому-нибудь изъ шутовъ, чтобы онъ только былъ повеселѣе и усерднѣе забавлялъ старика. За обѣдомъ игралъ всегда оркестръ музыки, а послѣ обѣда и послѣ отдохновенія приготовлялась всегда партія въ шахматы, при которой старикъ любилъ присутствовать; въ это время пѣвчіе обыкновенно пѣли разныя пѣсни. Иногда онъ самъ заставлялъ ихъ пѣть извѣстную малороссійскую пѣсню «Чайку», которая аллегорически представляла Малороссію, какъ птицу, свившую гнѣздо свое близь дорогъ, окружавшихъ ее со всѣхъ сторонъ. Прекрасная музыка этой пѣсни, а болѣе еще значеніе словъ ея, до того были трогательны, что, слушая ее, почтенный старикъ Трощинскій часто закрывалъ лицо свое рукою и проливалъ слезы.

Къ шутамъ его присоединялись обыкновенно и такъ называемые тамъ шутодразнители, которые и пріѣзжали только для того, чтобы дразнить первыхъ и тѣмъ забавлять хозяина. Иногда выходили изъ этого пресмѣшныя сцены, отъ которыхъ старикъ бывалъ въ совершенномъ удовольствіи. У него былъ одинъ баронъ 105 лѣтъ, который танцовалъ съ разными антраша французскую кадриль, пѣлъ, и всегда былъ въ домѣ; его держали единственно для того, чтобы старикъ Трощинскій, видя его танцующимъ въ такія лѣта, не считалъ бы себя слишкомъ старымъ.

Въ числѣ шутовъ былъ и священникъ, отецъ Варѳоломей, разстриженный (какъ онъ всѣмъ говорилъ) за то, что онъ будто бы обвѣнчалъ кого-то вмѣсто вѣнцовъ бубликами. Вѣроятно,онъ выдумалъ это для большей забавы; вообще онъ былъ вовсе не глупъ и изъ хитрости представлялся дуракомъ, не умѣющимъ иногда даже сказать, когда спрашивалъ у него старикъ Трощинскій, сколько дней въ недѣлѣ.

Дмитрій Прокофьевичъ, привыкнувъ съ молодости, учившись сначала въ Кіевской бурсѣ, а потомъ служа въ канцеляріяхъ, къ шуму чтенія и разговоровъ, сохранилъ эту привычку и до старости, имѣя у себя всегда или чтецовъ, или сказальщиковъ; когда

приходила иногда очередь и отцу Варѳоломею разсказывать ночью что-нибудь, то онъ съ пользой для себя употреблялъ этотъ случай, представляя иногда свое жалкое положеніе и, тронувъ старика, получалъ на другой день денежное пособіе, а иногда, сердясь на него за что-нибудь и говоря какъ бы о комъ другомъ, представлялъ его такимъ угрюмымъ, сердитымъ и капризнымъ вельможей, что старикъ легко могъ узнавать себя въ этой особѣ и на другой день, за завтракомъ, смѣясь, разсказывалъ намъ о хитрости отца Варѳоломея, называя его при этомъ скотиной.

Чтобы дать вамъ понятіе о томъ, что позволялось дѣлать въ то время для того, чтобы забавлять старика, я разскажу вамъ слѣдующую сцену.

Я помню, какъ одинъ разъ такъ называемые шутодразнители, сдѣлавъ чучело въ видѣ отца Варѳоломея, во весь ростъ, въ его рясѣ, совершенно съ его физіономіей и съ сѣдой бородой, повѣсили его на ближайшемъ деревѣ, близь балкона, предупредивъ, однако, объ этомъ Дмитрія Прокофьевича, который пришелъ и, усѣвшись на балконѣ, ожидалъ, улыбаясь, съ нетерпѣніемъ настоящаго отца Варѳоломея, чтобы посмотрѣть, какое колѣнце онъ выкинетъ, увидя своего двойника.

Трудно представить себѣ страхъ и изумленіе несчастнаго Варѳоломея, увидѣвшаго себя висѣвшимъ на деревѣ; перекрестясь, онъ сталъ на колѣни, съ поднятыми руками къ небу, искрививъ жалобно свою физіономію, сказалъ съ большимъ умиленіемъ: «Благодарю Господа, что это не я!» Я и теперь живо представляю себѣ довольную улыбку на лицѣ Дмитрія Прокофьевича и громкій смѣхъ всѣхъ окружавшихъ его! Такими-то шутками нужно было иногда развеселять задумчиваго, мрачнаго и почти всегда грустнаго старика Трощинскаго.

Онъ обожалъ свою дочь, и въ домѣ она дѣлала все, что̀ хотѣла; будучи обворожительной кокеткой, она въ то же время до того мучила своего мужа ревностью, что, наконецъ, они совсѣмъ разсорились, и князь, не смотря на любовь тестя и двухъ дѣтей, долженъ былъ разстаться съ ними и уѣхать изъ дому навсегда.

Въ 1813 году государь Александръ I призвалъ къ себѣ Трощинскаго и сдѣлалъ его министромъ юстиціи. Въ 1816 году скончалась въ Петербургѣ дочь его, оставивъ ему единственную внучку двѣнадцати лѣтъ, а въ слѣдующемъ году онъ опять попалъ въ немилость, какъ говорятъ, за прямодушіе свое и, вышедъ въ отставку, къ большой радости нашей возвратился въ Малороссію.

Тогда опять оживился нашъ край: праздники начались попрежнему; только въ семействѣ его была большая перемѣна. Вмѣсто дочери была при немъ внучка его, княжна Хилкова, тринадцати лѣтъ, которую онъ очень любилъ и которая, не смотря на лѣта

свои, оставаясь совершенно одна при немъ, развилась и начала жить слишкомъ рано.

Хотя она не была такъ хороша собой, какъ мать ея, но миловидностью, добротой сердца и необыкновенной граціозностью не менѣе матери сводила съума всѣхъ молодыхъ людей. При ней была въ то время очень хорошенькая гувернантка швейцарка m-lle Guenè. Хозяйкой въ домѣ была тетка княжны, жена племянника старика Трощинскаго.

Племянникъ Д. П. Трощинскаго, А. А. Трощинскій, уже сорока лѣтъ женился въ Москвѣ на шестнадцатилѣтней дѣвицѣ Кудрявцевой. Она, едва вышедшая изъ пансіона, была въ то время совершеннымъ ребенкомъ. Хорошенькая собой, съ большими карими глазами, съ чудными густыми, черными рѣсницами, съ длинными густыми каштановаго цвѣта локонами по плечамъ, она казалась скорѣе дочерью его, чѣмъ женой.

Странно было видѣть, когда она прибѣгала, истинно какъ дитя, спрашивать у него позволенія идти гулять, или надѣть платье, какое она желала. Этотъ-то ребенокъ долженъ былъ въ то время играть роль хозяйки въ домѣ дяди своего, который ее очень любилъ и ласкалъ и за любовь котораго часто ссорились тетка съ племянницей. Вообще онѣ во всемъ завидовали другъ другу; но при немъ скрывали это и часто въ угодность ему танцовали вмѣстѣ въ богатыхъ костюмахъ русску пляскую (любимый его танецъ) и мастерски играли вмѣстѣ на театрѣ.

Обѣ онѣ очень меня любили; но впослѣдствіи я была болѣе дружна съ женой А. А. Трощинскаго, и эта дружба сохранилась у насъ до ея смерти; она умерла нѣсколько лѣтъ прежде своего стараго мужа.

Послѣ отъѣзда братьевъ моихъ въ Петербургъ, для опредѣленія на службу, отецъ мой былъ долженъ ѣхать на довольно долгое время вмѣстѣ съ сестрою моею въ Екатеринославскую губернію для раздѣла имѣнія племянницъ своихъ Верещагиныхъ. Тутъ осталась я совершенно одна съ матерью моей, которая, видя скуку мою, не смотря на наши занятія съ ней, и жалѣя меня, стала выѣзжать противъ обыкновенія довольно часто то къ роднымъ, то къ знакомымъ.

У Муравьевыхъ-Апостолъ мы проводили очень пріятно время. Онъ жилъ и роскошно, и вмѣстѣ съ тѣмъ просто; роскошь его состояла въ изящномъ столѣ. Онъ, какъ отличный гастрономъ, ничего не жалѣлъ для стола своего, за которымъ, чисто и франтовски одѣтый, дородный испанецъ maître d'hôtel ловко подносилъ блюда, предлагая лучшіе куски и объясняя изъ чего они состояли.

Но домъ его былъ не большой, на низкомъ и плоскомъ мѣстѣ, окруженный большимъ фруктовымъ садомъ. Большая гостиная

вмѣщала въ себѣ и кабинетъ, и обширную его библіотеку, и рояль, и разныя игры, и каминъ, вокругъ котораго усаживались, обыкновенно, и гости, и хозяева, бесѣдуя или читая, а большею частію слушая то чудное пѣніе самого хозяина, то его дуэты съ прекрасной дочерью. Меньшія его дочери меня очень любили и много разсказывали мнѣ о чужихъ краяхъ и о жизни ихъ въ Парижѣ.

Братья ихъ, Матвѣй Ивановичъ и Сергѣй Ивановичъ, поступили въ то время на службу, опредѣлясь въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Сергѣй Ивановичъ былъ любимцемъ отца и имѣлъ большое вліяніе на него. Такъ какъ старикъ былъ иногда не справедливъ къ другимъ дѣтямъ и вообще не любилъ ихъ послѣ второй своей женитьбы, то пріѣздъ въ домъ Сергѣя имѣлъ всегда благодѣтельныя послѣдствія.

Всѣ его обожали и не называли иначе, какъ «un génie bienfaisant»; онъ всегда все улаживалъ и всѣхъ примирялъ, давалъ хорошіе совѣты; меньшія сестры называли его вторымъ своимъ отцомъ.

С. Скалонъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. В. СКАЛОНЪ (УРОЖДЕННОЙ КАПНИСТЪ) [1].

IV.

Неудавшійся побѣгъ Петра Николаевича, сына моего дяди Николая Васильича.—Отъѣздъ всего семейства въ Петербургъ.—Ихъ петербурская жизнь.—А. И. Полетика и его сумасбродныя выходки.—Смерть его жены и пріѣздъ на похороны сестры-странницы и свѣтской монахини.—Оригинальная свадьба, съ горькими послѣдствіями.—Пріѣздъ брата Ивана.—Одно стихотвореніе моего отца.—Посѣщеніе Полтавы Александромъ I.—Наше путешествіе въ Крымъ.—Бахчисарай и Байдарская долина.

ЕПЕРЬ БУДУ продолжать разсказъ о событіяхъ въ семействѣ моего дяди, Николая Васильевича. Братъ Петръ Николаевичъ, видя огорченія и страданія своихъ сестеръ и не имѣя средствъ помочь ихъ горю, думалъ только объ одномъ, какъ бы вырваться поскорѣе изъ семейства и опредѣлиться на службу. Сколько не просилъ онъ объ этомъ своего отца, тотъ никакъ не соглашался до тѣхъ поръ, пока Петръ Николаевичъ самъ не рѣшился въ одну мрачную дождливую ночь бѣжать изъ отцовскаго дома, узнавъ, что дядя Петръ Васильевичъ отправилъ своего сына вмѣстѣ съ моими братьями въ Петербургъ. Петръ Николаевичъ намѣревался присоединиться къ нимъ и съ ними доѣхать до Петербурга. Испуганный отецъ, не зная, что дѣлать, разослалъ во всѣ стороны людей искать его. Мать была въ совершенномъ отчаяніи, сестры плакали и весь домъ былъ въ тревогѣ.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIV, стр. 338.

Трудно описать общую радость, когда его нашли гдѣ-то недалеко отъ дому, совсѣмъ мокраго отъ дождя! Онъ сказалъ, что рѣшился на этотъ поступокъ единственно потому, что желалъ ѣхать поскорѣе въ Петербургъ и что не хочетъ долѣе оставаться въ деревнѣ.

Какъ ни разгнѣванъ былъ отецъ поступкомъ сына, но рѣшился, наконецъ, исполнить его желаніе и вскорѣ со всѣмъ своимъ семействомъ отправился въ Петербургъ на два года. Поѣздка его въ то время была самая оригинальная.

Страшась разбойниковъ послѣ войны 1812 года, онъ поѣхалъ на долгихъ; для предосторожности онъ велѣлъ привязать на всякомъ углу своей кареты по нѣскольку пикъ, а сыну своему велѣлъ ѣхать впереди для того, чтобы, въ случаѣ нападенія разбойниковъ, онъ скорѣе скакалъ давать знать объ этомъ на станціи и въ ближайшія селенія.

Пріѣхавъ въ Петербургъ и опредѣливъ сына въ Кавалергардскій полкъ, онъ не щадилъ ничего для блеска; желая похвастать и показать свое богатство, онъ тратилъ страшныя деньги на покупку для сына лошадей.

Меньшія дочери его были въ то время въ полномъ блескѣ своей красоты, ожили въ столицѣ и, нравясь многимъ, конечно, могли бы устроить отлично свою судьбу, если бы не старшая сестра ихъ, Софія Николаевна, которая, страшась этого, дѣлала все возможное, чтобы не допустить никого знакомиться съ ними.

Управляя домомъ, она нарочно устроила все такъ дурно, что брату Петру Николаевичу совѣстно было пригласить къ себѣ въ домъ кого-либо изъ товарищей, опасаясь, чтобы босой лакей или какая-нибудь неопрятная оборванная горничная не встрѣтила гостя. Вотъ почему онѣ большую часть времени сидѣли дома, иногда выѣзжали на дачи и въ Лѣтній садъ, но и тутъ имъ какъ-то стыдно было, ибо, при великолѣпномъ и дорогомъ ландо, у нихъ часто на запяткахъ стоялъ лакей въ изорванномъ платьѣ, лошади были худыя, а кучеръ въ армякѣ изъ простого сѣраго сукна. Такимъ образомъ, проживя два года въ Петербургѣ, дядя возвратился въ Малороссію, и жизнь бѣдныхъ моихъ сестеръ потекла попрежнему грустно и однообразно.

Чтобы не разставаться съ сыномъ, Николай Васильевичъ испросилъ позволеніе ему ѣхать за ремонтомъ лошадей въ Малороссію, на покупку коихъ употреблялъ ежегодно десятки тысячъ рублей.

Въ 1822 году онъ умеръ отъ водяной болѣзни въ страшныхъ страданіяхъ, прощаясь со всѣми своими. Странно, что въ продолженіе всей болѣзни и до самой смерти не допускалъ къ себѣ и не могъ видѣть старшую дочь свою, Софію Николаевну.

По кончинѣ его, надѣвъ монашескій нарядъ, она переселилась

въ свои имѣнія въ Харьковской губерніи, живя тамъ совершенно одиноко, тратя страшныя деньги на монастыри, на монаховъ и монахинь; брала къ себѣ сиротъ, воспитывала ихъ, какъ могла, и потомъ, надѣливъ приданымъ, отдавала замужъ или, но большей части, помѣщала въ монастыри.

Тяжело подумать, что, дѣлая, повидимому, столько добра ближнимъ, она до такой степени была жестока съ своими крестьянами, что, наконецъ, страшась ихъ мести и суда, рѣшилась отдать все свое имѣніе брату Петру Николаевичу, а сама, купивъ домъ въ Таганрогѣ, поѣхала жить туда; но не долго оставалась она тамъ и, соскучившись, отдала домъ свой въ пользу приходскаго училища, сама же возвратилась въ Малороссію.

Мать ея, овдовѣвъ и будучи совершенно разстроена здоровьемъ, уѣхала за границу, взявъ съ собою меньшую дочь, Анастасію.

Среднія же дочери ея, Надежда и Любовь, оставшись совершенно однѣ, переѣхали жить къ намъ. Родители мои приняли ихъ, какъ дѣтей своихъ, любили ихъ, какъ нельзя больше, и доставляли имъ всевозможныя удовольствія, такъ что вскорѣ онѣ забыли горькую жизнь въ домѣ родителей, наслаждаясь мирной и тихой жизнью въ нашемъ семействѣ. Я болѣе всѣхъ радовалась тому, что онѣ жили съ нами, ибо послѣ замужества моей сестры, которая въ 19-мъ году вышла за Александра Ивановича Полетику, я оставалась совершенно одна и очень скучала.

Моя сестра, будучи сама въ лѣтахъ, рѣшилась выйти за старика 55 лѣтъ, вдовца, у котораго были уже двѣ замужнія дочери. Онъ, повидимому, былъ добрый, честный и прямого характера человѣкъ; но впослѣдствіи оказалось, что, будучи съ дѣтства избалованъ и живя постоянно въ деревнѣ, былъ большимъ оригиналомъ и деспотомъ.

Сестра до смерти своей не могла привыкнуть къ его странностямъ. Онъ обѣдалъ всегда въ двѣнадцать часовъ и ни для кого на свѣтѣ не перемѣнялъ этого часа. Бывъ большимъ гастрономомъ, приглашалъ часто обѣдать такихъ вельможъ, какъ, напр., князь Рѣпнинъ, или графъ Строгоновъ, и тѣ должны были обѣдать у него не иначе, какъ въ двѣнадцать часовъ. У него былъ назначенъ часъ для заводки часовъ, которыхъ было у него нѣсколько, и ни для чего, и ни для кого на свѣтѣ, онъ не измѣнялъ строго заведеннаго порядка.

Любя очень спорить, онъ спорилъ иногда до настоящей ссоры; впрочемъ, разъ онъ удивилъ насъ своимъ поступкомъ. Споря съ однимъ молодымъ человѣкомъ и родственникомъ своимъ, онъ, наконецъ, разсердясь, сказалъ ему: «Вы, молодой человѣкъ, ничего не знаете!» а тотъ на это отвѣчалъ ему поспѣшно: «А вы, старый человѣкъ, что и знали, то забыли». Александръ Ивановичъ, пора-

женный этимъ неожиданнымъ отвѣтомъ, вмѣсто того, чтобы больше разсердиться, бросился его обнимать.

Обыкновенно, когда за обѣдомъ кушанье было приготовлено по его вкусу, онъ призывалъ повара и говорилъ ему: «Кузюшка, сердце, дай ручку поцѣлую». Тотъ пресерьезно отвѣчалъ всегда: «Не надо руки, дайте рюмку водки»—и онъ ему давалъ. Это повторялось почти всякій день. Онъ боялся очень лошадей и, когда въѣзжалъ на гору, то страшась, чтобы лошади не остановились, высовывался изъ окна и умолялъ кучера, называлъ его душкой, голубчикомъ, чтобы только взвезъ на гору; но въѣхавъ, онъ перемѣнялъ тонъ и кричалъ: «проклятый рабъ! вези такъ, какъ я велю!» Причудамъ его не было конца.

Имѣя слабое зрѣніе, онъ обыкновенно сидѣлъ въ гостиной и, пресерьезно надѣвъ очки, вязалъ филе изъ разнаго шелку или дѣлалъ меледу. А между тѣмъ онъ былъ не глупъ, разсужденія его были такъ здравы и такъ иногда поучительны, что нельзя было не удивляться его странностямъ.

Екатерину II любилъ страстно и никогда не могъ говорить о ней равнодушно.

У него былъ младшій братъ, Петръ Ивановичъ, который, будучи уже два раза посланникомъ въ Америкѣ и потомъ нѣсколько лѣтъ сенаторомъ, продолжалъ ежемѣсячно присылать ему, какъ старшему брату, записки своихъ расходовъ. Если не онъ самъ, Александръ Ивановичъ, то его камердинеръ внимательно всегда прочитывалъ. Братъ его тоже былъ въ свою очередь большимъ оригиналомъ.

Будучи въ Малороссіи, онъ въ лѣтнее время ходилъ всегда въ куртκѣ изъ легкой матеріи, за что̀ старшій братъ называлъ его всегда «башмачникомъ»; но однако же являлся къ нему, какъ почетный попечитель училища со всѣми учителями въ мундирѣ и во всемъ парадѣ съ рапортомъ; А. И. тоже съ большою важностью принималъ его рапортъ и раскланивался важно, какъ слѣдуетъ сенатору.

Но, выйдя въ другую комнату, Александръ Ивановичъ тотчасъ же говорилъ ему: «Эхъ ты, башмачникъ!» и Петра Ивановича это очень забавляло.

Его камердинеръ долженъ былъ всякій день утромъ являться къ нему босымъ, чтобы показать, что у него ноги и руки чисто вымыты; тогда онъ сажалъ его подлѣ себя и во время бритья заставлялъ читать Исторію Карамзина.

Любовь Николаевна, будучи мягкаго и чувствительнаго характера, конечно, вслѣдствіе прежнихъ тревогъ и огорченій, къ несчастью, начала видимо худѣть и чахнуть, и послѣ продолжительной изнурительной чахотки скончалась у насъ и похоронена на нашемъ семейномъ кладбищѣ.

Во время ея болѣзни пріѣзжали навѣщать ее мать, братъ и Софія Николаевна. Но на этотъ разъ пріѣздъ ея былъ самый странный и оригинальный.

Во-первыхъ, она пріѣхала совершенно одна, безъ человѣка и безъ горничной, сама таскала свои вещи и убирала комнату, говоря при этомъ, что считаетъ душу свою госпожей, а тѣло слугой и потому, по ея мнѣнію, тѣло должно служить своей госпожѣ. Во-вторыхъ, она привезла съ собой монахиню, какую-то таинственную особу, которая выдавала себя, не знаю почему, тайно за великую княгиню Елену Павловну, которая, какъ извѣстно, давно умерла. Эта таинственная особа, будучи совершенно простой и необразованнной женщиной, кланяясь въ поясь и крестясь ежеминутно на всякомъ шагу, совершенно овладѣла Софьей Николаевной и дѣлала съ нею, что̀ хотѣла, обирала ее кругомъ, обѣщая ей въ будущемъ несмѣтныя богатства; сестрамъ Надеждѣ Николаевнѣ и Любови Николаевнѣ тоже много обѣщала, но мнѣ какъ невѣрующей ничего не сулила, о чемъ сестры очень жалѣли, говоря, что я не поняла ее и не умѣла ей угодить. Впослѣдствіи кончилось тѣмъ, что въ Кіевѣ полиція, узнавъ объ этомъ, схватила ее и, наказавъ тѣлесно, отправила неизвѣстно куда, что̀, конечно, случилось бы и съ Софьей Николаевной, которая была съ ней неразлучна, если бы не братъ мой Алексѣй, находившійся въ то время въ Кіевѣ и служившій адъютантомъ у генерала Раевскаго. Узнавъ объ этомъ скандальномъ происшествіи и страшась за Софіею Николаевну, онъ прискакалъ ночью къ ней и, посадивъ на перекладную, въ сутки привезъ ее къ намъ сконфуженную и совсѣмъ обезкураженную. Всѣ эти происшествія и еще болѣе семейное ханжество сильно подѣйствовали на Петра Николаевича. Онъ нетолько возненавидѣлъ всѣ наружныя проявленія набожности, но сдѣлался совершеннымъ атеистомъ, не вѣрившимъ ни во что̀.

Софія же Николаевна, желая умереть въ Малороссіи и быть похороненной на общемъ ихъ семейномъ кладбищѣ, выстроила близь него на церковной землѣ маленькій домикъ, жила тамъ совершенно одна съ горничной, истинной мученицей: она должна была по цѣлымъ ночамъ тереть ей ноги, стоя передъ нею дремать, не смѣя ни сѣсть, ни лечь.

Софія Николаевна, страшно больная, не вставая почти съ мѣста, закутанная въ подушкахъ, нѣсколько лѣтъ не выходила на воздухъ, влача жизнь самую страдальческую.

Въ это время ея мать, уѣхавъ опять за границу, не взяла уже съ собой, не знаю по какой причинѣ, меньшую дочь Анастасію, которая въ то время была почти сговорена за очень хорошаго человѣка и, оставшись совершенно одна въ пустомъ и мрачномъ домѣ въ холодное осеннее время, заболѣла горячкой. Жестокая се-

стра ея, Софія Николаевна, будучи въ десяти верстахъ отъ нея, зная, что она больная, не пріѣхала и не приняла въ ней никакого участія.

Несчастная больная, видя себя совершенно брошенной, безъ всякой помощи, успѣла еще, будучи въ жару, написать нѣсколько словъ о своей болѣзни старшему брату моему, Семену, жившему съ своимъ семействомъ въ 30 верстахъ, въ городѣ Кременчугѣ. Онъ, разумѣется, тотчасъ поскакалъ за нею, со всевозможною осторожностью, укутавъ, въ каретѣ перевезъ ее къ себѣ въ домъ, призвалъ лучшаго медика, который и началъ ее лечить. Но, къ несчастью, болѣзнь ея не поддавалась; пролежавъ нѣсколько дней въ совершенномъ безпамятствѣ, произнося однакожъ имя своего жениха, она скончалась въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полной красотѣ на восемнадцатомъ году своей жизни. Такъ какъ ее надо было хоронить на семейномъ кладбищѣ, то братъ послалъ извѣстить Софію Николаевну о ея смерти.

Она пріѣхала и, не уронивъ ни одной слезинки у праха сестры, перекрестясь, съ жестокой холодностью проговорила: «Слава Богу, что я вижу ее мертвою, а не замужемъ». Затѣмъ, уложивъ прахъ несчастной сестры въ карету, имѣла на столько присутствія духа или, лучше сказать, на столько жестокости, что сѣла съ нимъ рядомъ и повезла его за тридцать верстъ на семейное кладбище.

Горькая участь постигла и Надежду Николаевну. Послѣ смерти моего отца, въ 1824 году, она, будучи уже не такъ молода, рѣшилась ѣхать одна съ двумя горничными въ Петербургъ, который всегда любила.

Нанявъ тамъ маленькую квартиру, она жила въ совершенномъ уединеніи. Въ одинъ прекрасный день является къ ней какая-то торговка съ товарами и, узнавъ, что она имѣетъ деньги, предлагаетъ ей жениха (вѣроятно, это была городская сваха). Надежда Николаевна, думая, что это шутки, показала ей портретъ моего отца, стоявшій у нея на столѣ, и сказала: «Если ты найдешь мнѣ такого точно старичка, то я выйду за него».

Каково же было ея удивленіе, когда на другой день сваха пришла ей сказать очень серьезно, что такой женихъ, какого она желаетъ, нашелся и что завтра онъ самъ къ ней придетъ.

Можно себѣ представить ея испугъ и удивленіе, когда на другой день въ самомъ дѣлѣ подъѣхалъ къ ея подъѣзду экипажъ и къ ней вошелъ мужчина пожилыхъ лѣтъ, свѣтскій, неглупый, очень веселаго характера. Поговоривъ съ нею часа два, онъ тутъ же сдѣлалъ ей предложеніе, сказавъ, что онъ вдовъ, имѣетъ восемь человѣкъ дѣтей и ищетъ для нихъ матери.

Она такъ была поражена въ ту минуту нечаянностью всего происшедшаго, что съ нею сдѣлалось дурно. Женихъ же уѣхалъ, сказавъ, что черезъ день пріѣдетъ за ея отвѣтомъ.

Не имѣя никого въ Петербургѣ, кромѣ старшаго брата моего Семена, она тотчасъ послала за нимъ, умоляя его поѣхать въ домъ къ этому господину — Кармалину, познакомиться съ нимъ и узнать подробно о немъ и его семействѣ.

Братъ, исполнивъ ея просьбу и узнавъ, что Кармалинъ человѣкъ хорошій, съ состояніемъ, что дѣйствительно имѣетъ восемь человѣкъ дѣтей, пріѣхалъ къ ней съ этимъ извѣстіемъ. Она, посовѣтовавшись съ нимъ или, лучше сказать, болѣе сама съ собой, видя свое одиночество и впереди горькую будущность, рѣшилась попробовать счастье и дала ему слово съ благороднымъ намѣреніемъ быть полезной его дѣтямъ. Вскорѣ состоялась ихъ свадьба.

Къ несчастью, Кармалинъ вовсе не былъ такимъ хорошимъ человѣкомъ, какъ объ немъ думали, и рѣшилъ жениться на ней, повидимому, единственно для того только, чтобы воспользоваться ея деньгами для уплаты своихъ долговъ и вообще для поправленія стѣсненныхъ обстоятельствъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы онъ сталъ требовать у нея денегъ; она, увидавъ свою ошибку, рѣшительно отказала ему, вслѣдствіе чего онъ началъ такъ дурно съ нею обращаться, такъ угнетать ее, что она вскорѣ, будучи и безъ того всегда слабаго здоровья, впала въ чахотку и, не проживъ съ нимъ года, умерла на чужой сторонѣ безъ родныхъ, безъ всякой помощи. Его дѣти вначалѣ любили ее и принимали въ ней участіе; она съ своей стороны ласкала ихъ и отдала имъ при жизни всѣ свои дорогія вещи.

Такимъ образомъ, Софія Николаевна пережила и послѣднюю свою сестру! Проѣзжая иногда мимо той деревни, гдѣ жила Софія Николаевна, мы заѣзжали къ ней; она въ то время была по истинѣ страшна; но, не смотря на это, слѣды красоты все еще оставались на ея лицѣ. Окружена она была образами; въ углу ея комнаты стоялъ гробъ съ хоругвями,—гробъ, который она приготовила еще за нѣсколько лѣтъ до своей смерти и въ которомъ ее потомъ похоронили. Пострадавъ въ свою очередь нѣсколько лѣтъ, недавно и она, переживъ отца, мать и четырехъ сестеръ, умерла безъ друзей, безъ всякой помощи, безъ всякаго участія.

Въ 1817 году, мы были обрадованы нечаяннымъ пріѣздомъ брата Ивана, который, боясь внезапной радостью встревожить мать мою, остановился въ деревнѣ, прославъ съ человѣкомъ письмо отъ дяди Петра Васильевича, которое извѣщало о его скоромъ пріѣздѣ. Трудно описать радость нашу при этомъ извѣстіи.

Наша жизнь пошла попрежнему,—выѣзды и праздники шли своимъ чередомъ: верховая ѣзда, катанье по водѣ, рыбная ловля, любимое мое занятіе—все это дѣлалось попрежнему, и братъ раздѣлялъ со мною всѣ эти удовольствія.

Вначалѣ отецъ сердился на него за то, что онъ такъ рано

оставилъ службу, но потомъ, видя, что онъ былъ полезенъ въ домѣ, помогая матери въ хозяйствѣ и занимаясь постройкой новаго дома, онъ примирился съ этимъ и только шутя иногда называлъ его министромъ юстиціи, не предвидя и не предчувствуя въ то время, что онъ точно со временемъ пойдетъ такъ далеко по службѣ.

Не смотря на желаніе его жить въ неизвѣстности и вполнѣ наслаждаться деревенской жизнью, Провидѣніе устроило все иначе, возвысивъ его на ту степень, на которой онъ истинно былъ полезенъ и отечеству, и семейству своему.

По возвращеніи его въ Малороссію, дворянство Миргородскаго уѣзда, узнавъ его, избрало предводителемъ своимъ на два трехлѣтія, т. е. на шесть лѣтъ.

Потомъ онъ выбранъ былъ единогласно губернскимъ предводителемъ и въ этомъ званіи оставался четыре трехлѣтія, т. е. двѣнадцать лѣтъ. Въ концѣ послѣдняго года государь императоръ Николай I, въ пріѣздъ свой въ Полтаву, лично узналъ его и, разсуждая съ нимъ о разныхъ вещахъ у себя за обѣдомъ, до того оцѣнилъ и умъ, и достоинства его, что послѣ обѣда сказалъ своимъ приближеннымъ: «теперь я вижу, что не лѣта дѣлаютъ человѣка опытнымъ».

Вскорѣ онъ былъ сдѣланъ смоленскимъ губернаторомъ и черезъ два года московскимъ, оставаясь въ этомъ званіи долѣе 10-ти лѣтъ. Въ настоящее время онъ нѣсколько лѣтъ уже сенаторомъ и почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ, гдѣ въ полной мѣрѣ пользуется всеобщей любовью и уваженіемъ.

Прогулки съ отцомъ продолжались, по обыкновенію, ежедневно. Бывало, обойдя весь садъ, мы шли отдохнуть на островъ, подъ тѣнь роскошнаго береста, который стоялъ на берегу Псёла и, подмытый имъ, наклоняясь въ рѣку, ежеминутно грозилъ паденіемъ. Это было любимое мѣсто отца; тутъ онъ, преисполненный поэтическимъ вдохновеніемъ, написалъ слѣдующіе прекрасные стихи, говоря о любимомъ своемъ берестѣ:

«Тамъ сяду я подъ берестъ мшистый,
«Опершись на дебелый пень.
«Увы! недолго въ жаркій день
«Здѣсь будетъ верхъ его вѣтвистый
«Мнѣ стлать гостепріимну тѣнь.

«Ужъ онъ склонилъ чело на воду,
«Подмывшу брега крутизну,
«Ужъ смотритъ въ мрачну глубину
«И скоро въ бурну непогоду
«Вверхъ корнемъ ринется ко дну.

«Такъ въ мірѣ времени струями
«Все рушится средь вѣчности,
«Такъ пали древни алтари,
«Такъ съ ихъ престольными столпами
«И царства пали и цари».

Отецъ мой до того любилъ это дерево, что тайно отъ насъ велѣлъ вытащить его изъ рѣки послѣ его паденія, распилить на доски и сохранить ихъ для своего гроба,—что и было исполнено; мы объ этомъ узнали только послѣ его смерти.

И такъ роскошный берестъ, укрывавшій его подъ тѣнью своею отъ солнечнаго зноя въ этой жизни, сохраняетъ въ себѣ драгоцѣнный для насъ прахъ его и послѣ смерти.

Въ тотъ же годъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отецъ долженъ былъ уѣхать въ Петербургъ какъ по дѣламъ Малороссіи, такъ и для того, чтобы повидаться съ дѣтьми и навѣстить нашу тетку Дарью Алексѣевну Державину послѣ смерти незабвеннаго дяди, скончавшагося въ 1816 году, оставивъ по себѣ память добродѣтельнаго гражданина и славу безсмертнаго поэта! Въ день его смерти нашли написанными его рукою на грифельной доскѣ слѣдующіе послѣдніе его стихи:

«Рѣка временъ въ своемъ теченьи
«Уноситъ всѣ дѣла людей
«И топитъ въ пропасти забвенья
«Народы, царства и царей.
«А если что̀ и остается
«Чрезъ звуки лиры и трубы,
«То вѣчности жерломъ пожрется
«И общей не уйдетъ судьбы».

Тетка наша, послѣ смерти Гавріила Романовича, имѣя много хлопотъ по имѣнію и неожиданный процессъ родственника со стороны мужа своего, поручила всѣ дѣла свои старшему брату моему Семену, который привелъ все въ порядокъ съ большимъ трудомъ и тѣмъ совершенно ее успокоилъ. За это, по смерти своей, она и оставила ему чудное имѣніе въ Херсонской губерніи, состоящее изъ 10,000 десятинъ земли по Днѣпру, обезпечивъ на всю его жизнь съ семействомъ.

Въ 1817 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, мнѣ предстояло величайшее удовольствіе. По случаю пріѣзда въ Полтаву Александра I готовился великолѣпный балъ, на который дворянство Полтавской губерніи избрало мать мою хозяйкой при пріемѣ царя.

Трудно описать то впечатлѣніе, которое чувствовала я при входѣ въ великолѣпную, освѣщенную залу, наполненную множествомъ посѣтителей: толпою богато одѣтыхъ и блестящихъ драгоцѣнными камнями и брилліантами дамъ, множествомъ генераловъ въ парадныхъ мундирахъ, съ звѣздами и лентами, придворныхъ въ камергерскихъ и камеръ-юнкерскихъ нарядахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, съ напудренными головами, множествомъ военныхъ и между всѣми ними добраго и величественнаго царя нашего, привѣтствовавшаго всѣхъ съ лаской и съ пріятной улыбкой. Въ ту минуту я чувствовала себя на седьмомъ небѣ. Государь открылъ балъ польскимъ съ моей матерью, потомъ начались танцы.

На другой день предположено было быть примѣрному сраженію на бывшемъ полѣ брани, близь шведской могилы.

Для этого были собраны многочисленныя войска пѣхоты, кавалеріи и артилеріи; для дамъ устроена была особенная обширная галлерея.

Хотя мы пріѣхали рано, но галлерея была уже наполнена до того дамами въ ихъ блестящихъ нарядахъ, что мы только съ большимъ трудомъ могли протискаться и съ помощью брата найти себѣ мѣста.

Въ 1819 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, мы были опять обрадованы пріѣздомъ тетки нашей Дарьи Алексѣевны Державиной съ ея племянницей и нашей двоюродной сестрой, Александрой Николаевной Дьяковой, и со старшимъ братомъ моимъ Семеномъ, сопровождавшимъ ихъ; въ то же время пріѣхали къ намъ два брата Муравьевыхъ: Никита Михайловичъ и Александръ Михайловичъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ С. Н. Лунинымъ. Особенно увлекалъ насъ своимъ умомъ Никита Михайловичъ Муравьевъ. Братъ его Александръ Михайловичъ былъ въ то время еще слишкомъ молодъ; но трудно изобразить экзальтацію и оригинальность ума Лунина, который живостью своего характера, увлекальнымъ краснорѣчіемъ и чуднымъ талантомъ въ музыкѣ, очаровалъ всѣхъ насъ; къ этому обществу слѣдуетъ прибавить Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола, который въ то время, живя у себя въ деревнѣ, часто навѣщалъ насъ.

Вскорѣ мы съ теткой нашей Дарьей Алексѣевной отправились въ Одессу; заѣхавъ по дорогѣ въ деревню ея Гавриловку (Херсонской губ.), мы остановились тамъ на нѣсколько дней.

Въ Одессѣ мы застали уже все семейство Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола и мать Муравьевыхъ Екатерину Михайловну Муравьеву.

Добрый Николай Ивановичъ Лореръ отправился туда впередъ, приготовилъ намъ прекрасную квартиру и все нужное для пребыванія нашего въ Одессѣ. Зная хорошо этотъ городъ, онъ сопутствовалъ намъ вездѣ и показывалъ все, что было въ немъ интереснаго.

Въ то время графъ Ланжеронъ, бывшій тамъ генералъ-губернаторомъ, узнавъ о пріѣздѣ тетки нашей Державиной, немедленно пріѣхалъ къ намъ, пригласилъ насъ всѣхъ къ себѣ на обѣдъ и во все пребываніе наше въ Одессѣ былъ очень любезенъ и внимателенъ, доставляя намъ всевозможныя удовольствія.

Мы часто видѣлись тамъ съ Иваномъ Матвѣевичемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, у котораго была прекрасная квартира надъ самымъ моремъ. Я никогда не забуду, какъ одинъ разъ отецъ мой, сидя у нихъ на балконѣ и видя молодыхъ людей нашихъ, ходившихъ взадъ и впередъ по двору, споривших горячо и толковав-

шихъ о политическихъ дѣлахъ и о разныхъ предположеніяхъ и преобразованіяхъ,—въ самомъ жару ихъ разговоровъ, внезапно остановилъ ихъ вопросомъ:

— Знаете ли, господа, какъ далеко простираются ваши политическія предположенія?

Лунинъ первый вскрикнулъ:

— Скажите, ради Бога!

— Не далѣе, какъ отъ конюшни до сарая!—сказалъ мой отецъ; и эта неожиданная иронія совершенно смутила всѣхъ.

Проживъ въ Одессѣ недѣли три, мы, простясь съ нею и обществомъ нашимъ, отправились въ Крымъ въ своихъ экипажахъ и на тѣхъ же лошадяхъ. Путешествіе это было очень пріятное, не смотря на медленность его. Вначалѣ страшныя или, лучше сказать, необъятныя степи Херсонской и Таврической губерній намъ сильно надоѣли, тѣмъ болѣе еще, что въ иныхъ мѣстахъ трудно было достать даже воды, не говоря уже о пищѣ; иногда только кучера наши поспѣшно останавливались, увидя на обширной степи колодезь глубиною въ 40 саженъ, изъ котораго верховой на лошади, скакавшій во весь духъ по степи съ веревкой въ рукѣ, вытаскивалъ цеберъ съ водою. Развлекали насъ иногда въ дорогѣ цѣлые табуны верблюдовъ, кочевавшихъ на обширныхъ степяхъ и часто пугавшихъ своимъ внезапнымъ появленіемъ въ густомъ туманѣ нашихъ лошадей.

Наконецъ, мы увидѣли вдали синѣющія крымскія горы и берега обширнаго Чернаго моря.

Останавливаясь всякій день часа на три гдѣ-нибудь для обѣда и для корма лошадей, мы имѣли довольно времени и гулять, и наслаждаться чудными видами, изучать нравы и обычаи крымскихъ татаръ, ихъ дикость и странный бытъ, въ особенности бытъ несчастныхъ женщинъ, запертыхъ въ сырыхъ землянкахъ и совершенно одичалыхъ.

Видя ихъ горькую участь, мнѣ все хотѣлось взбунтовать ихъ и выпустить на волю. Онѣ были до того дики, что, замѣтивъ насъ, со страхомъ подходили къ намъ и съ любопытствомъ ощупывали и разсматривали, какъ будто видя не такихъ людей, какъ онѣ сами. Занятія ихъ состояли въ вышиваньи, въ крашеньи себѣ волосъ и ногтей краской кирпичнаго цвѣта и вырываніи себѣ волосъ на лбу навощенной ниткой для того, чтобы имѣть большіе лбы и тѣмъ нравиться своимъ мужьямъ, которые, будучи почти всѣ очень красивы и наслаждаясь полной свободой, летаютъ, обыкновенно, по полямъ верхомъ на славныхъ лошадяхъ въ богатыхъ костюмахъ.

Такъ какъ на южномъ берегу не было въ то время никакихъ дорогъ и его объѣзжать можно было только верхомъ, то мы проѣхали только юго-западную часть Крыма, начиная отъ Перекопа

до Байдарской долины и обратно. Не смотря на осеннее время, поля тамъ были покрыты прелестными цвѣтами, погода же стояла чудная, теплая.

Въ Севастополѣ мы прожили нѣсколько дней, чтобы осмотрѣть хорошенько и городъ, и всѣ его окрестности. Комендантъ Севастополя былъ такъ любезенъ, предложилъ намъ шлюпку, чтобы съѣздить осмотрѣть древній Херсонесъ, который находился въ 6 верстахъ.

Въ Бахчисарай мы пріѣхали довольно поздно, остановились въ самомъ дворцѣ, который вечеромъ показался мнѣ такимъ мрачнымъ, что я почти цѣлую ночь не могла уснуть; мнѣ все казалось, что тѣни умершихъ хановъ бродятъ по немъ и что я вижу котораго-нибудь изъ нихъ въ углу комнатъ, раздѣленныхъ большими арками и устланныхъ какими-то соломенными блестящими коврами, которые отъ вѣтра изъ-подъ полу поднимались волнами.

Дворецъ въ то время не былъ ни обновленъ, ни передѣланъ, какъ теперь, и находился въ томъ видѣ, какъ былъ при ханахъ. Вызолоченые пестрые потолки и стѣны высокихъ комнатъ были истинно великолѣпны, съ ихъ низкими парчевыми диванами.

Мраморныя ванны съ фонтанами, бьющими со всѣхъ сторонъ и окруженными кустами цвѣтущихъ розъ, казались чѣмъ-то волшебнымъ.

Только терема и гаремы съ ихъ рѣшетками, оградами и маленькими садиками у каждаго, казались мнѣ чѣмъ-то грустнымъ и тяжелымъ; въ особенности я не могла смотрѣть равнодушно на теремъ и на особенный фонтанъ съ изображеніемъ креста на верху, принадлежавшій послѣдней плѣнницѣ хана, княжнѣ Потоцкой, которая прожила тамъ нѣсколько лѣтъ въ заточеніи и похоронена въ саду близь дворца; на ея памятникѣ изображенъ тоже крестъ, но окна его замуравлены для того (какъ сказалъ намъ сторожъ), чтобы татары не издѣвались надъ прахомъ христіанки. Мы удивились, увидя въ ея теремѣ картину, подаренную ей однимъ изъ обуховскихъ жителей, Ф. Гр. Григоровскимъ, который будучи въ Бахчисараѣ до того понравился послѣднему хану, что тотъ предложилъ ему жить у него и забавлять за стѣною любимую плѣнницу его, Потоцкую, игрою на гитарѣ и пріятнымъ пѣніемъ русскихъ и польскихъ пѣсенъ.

Онъ довольно долго жилъ тамъ, но приближенные къ хану, неизвѣстно за что, возненавидѣли его до того, что едва не убили. Они подложили подъ его постель значительное количество ханскаго серебра, обличивъ его въ кражѣ, за что по ихъ законамъ онъ былъ присужденъ къ смерти; одно спасенье его было, какъ онъ самъ говорилъ, въ бѣгствѣ съ опасностью жизни, ибо онъ долженъ былъ, чтобы спасти себя, броситься съ страшно высокой стѣны.

Ф. Г. Григоровскій былъ бѣдный дворянинъ, котораго мой отецъ очень любилъ и впослѣдствіи пріютилъ у себя со всѣмъ семействомъ, выстроивъ ему особенный домикъ въ саду и снабдивъ его землею, прислугою и всѣмъ вообще нужнымъ.

Я его помню старикомъ, но очень живымъ и веселымъ; онъ всегда забавлялъ всѣхъ своимъ пѣніемъ съ гитарой и разными шутками; дѣтей, обыкновенно, утѣшалъ онъ тѣмъ, что во время тишины и молчанія иногда такъ крѣпко чихалъ или падалъ внезапно разомъ со всѣхъ ногъ, что всѣ вскрикивали и потомъ съ хохотомъ бѣжали за нимъ; иногда онъ позволялъ себѣ эти штуки и въ гостиной, въ кругу дамъ, во время тишины и молчанія.

Онъ до смерти не оставлялъ семейства нашего; три дочери его воспитывались въ нашемъ домѣ, а сыновья его на иждивеніи нашего отца въ казенныхъ заведеніяхъ.

Осмотрѣвъ все интересное въ Бахчисараѣ, мы хотѣли видѣть жилища жидовъ-караимовъ, которые отличаются особенной честностью и красотою, носятъ тоже ермолки только краснаго цвѣта, наблюдаютъ шабашъ, какъ настоящіе жиды, но странно то, что женщины у нихъ взаперти и не смѣютъ показываться безъ покрывалъ, какъ и у татаръ. Небольшой городокъ этотъ называется Чуфутъ-Кале; онъ расположенъ близь Бахчисарая, на вершинѣ утесистой горы, куда можно въѣхать только верхомъ.

Такъ какъ съ нами были женскія сѣдла, то отецъ мой велѣлъ для меня осѣдлать одну изъ форейторскихъ лошадей, а другую для себя, не подумавъ, что онѣ не такъ кованы, какъ татарскія лошади, и что потому не вездѣ на нихъ можно проѣхать.

Мы сѣли на лошадей и, взявъ проводника изъ татаръ, отправились.

Ѣдучи у подошвы высокой горы, на которой стоялъ этотъ городокъ, мой отецъ, указавъ на него, спросилъ проводника по-русски, это̀ ли Чуфутъ-Кале?

Тотъ, не понявъ его и думая, что отецъ желаетъ взъѣхать прямо туда, внезапно поворотилъ по тропинкѣ, по которой одни только мулы таскаютъ воду; мы поѣхали вслѣдъ за нимъ по камнямъ на страшную утесистую гору.

Я ѣхала впереди, лошадь моя скользила по камнямъ, безпрестанно спотыкаясь. Мнѣ стало страшно, я остановилась около ужасной пропасти, сказавъ отцу, что встану съ лошади; онъ въ испугѣ такъ сильно ударилъ лошадь своимъ хлыстомъ, что она стремглавъ пустилась скакать въ гору — и я въ одно мгновеніе очутилась на вершинѣ, откуда на насъ смотрѣли караимы съ ужасомъ, поднимая вверхъ руки и говоря, что сюда можно ѣздить только на однихъ мулахъ. Въѣхавъ на гору, отецъ перекрестился и, думая, что я очень испугалась, просилъ караима дать намъ стаканъ воды; но вообразите его негодованіе, когда ему сказали, что воды намъ

нельзя дать, потому что у нихъ сегодня шабашъ. Отецъ мой внѣ себя разругалъ ихъ какъ нельзя больше, не захотѣлъ смотрѣть ихъ городка и велѣлъ проводнику ѣхать обратно другой дорогой.

Выѣхавъ изъ Бахчисарая, намъ надо было подняться на ужаснѣйшую гору, покрытою лѣсомъ, чтобы взглянуть оттуда на обширную Байдарскую долину. Подъѣзжая къ ней, мы видѣли, что облака ходили ниже ея вершины. Это сильно удивило нашихъ людей, которые и безъ того не понимали, для чего мы ѣздимъ съ мѣста на мѣсто, только утомляя лошадей, едва тащившихъ насъ все выше и выше въ гору. Съ какимъ восторгомъ, въѣхавъ, наконецъ, въ облако, кучеръ нашъ громогласно и съ ироніей, свойственной малороссамъ, сказалъ: «теперь бачу, що мы йдемъ на небо!» Еще болѣе удивило ихъ то, что, въѣхавъ съ такимъ трудомъ на эту ужаснѣйшую гору, мы велѣли остановить лошадей, встали изъ экипажей и, полюбовавшись нѣсколько минутъ на Байдарскую долину, которая, откровенно говоря, была ничѣмъ не лучше Обуховской долины, мы велѣли поворотить экипажи и отправились обратно. Тутъ кучеръ нашъ опять съ насмѣшкой сказалъ: «було на що дивиться; слава Богу, що теперь все изъ горы, а не въ гору».

V.

Мой братъ Алексѣй. — Братья Муравьевы-Апостолы. — Ихъ сравнительная характеристика. — Бестужевъ-Рюминъ. — Женитьба моего брата Семена на Е. И Муравьевой-Апостолъ.—Наше семейное горе: болѣзнь и смерть отца.—Н. И. Лореръ.— «Nous travaillons pour la même cause». — Арестъ Муравьевыхъ и брата моего, Алексѣя.—Его освобожденіе и разсказъ о заточеніи въ Петропавловской крѣпости.—Судьба братьевъ Муравьевыхъ.—Предсмертныя минуты и прощаніе съ отцомъ.

Братъ Алексѣй нѣсколько лѣтъ служилъ въ гвардіи; онъ былъ всѣми любимъ, считаясь въ полку отличнымъ офицеромъ; чтобы жить поближе къ намъ, онъ поступилъ въ адъютанты къ генералу Н. Н. Раевскому, который любилъ его какъ сына и въ семействѣ котораго онъ былъ принятъ какъ близкій родной.

Живя въ Кіевѣ, братъ могъ часто пріѣзжать къ намъ и пріѣздъ его обыкновенно оживлялъ всѣхъ, особенно мать, которая его очень любила.

Въ то же почти время братъ, Петръ Николаевичъ Капнистъ, послѣ смерти своего отца, и Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, поступили адъютантами къ генералъ-губернатору Полтавской губерніи, князю Рѣпнину, который былъ всегда въ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ, вмѣстѣ съ нимъ работая для блага Малороссіи.

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ недолго былъ адъютантомъ, вскорѣ выйдя въ отставку и поселившись отшельникомъ въ своей деревнѣ; онъ никуда не выѣзжалъ, кромѣ Обуховки, и, не смотря на большое состояніе, жилъ очень просто, довольствуясь малымъ, любя все дѣлать своими руками: онъ самъ копалъ землю для огорода и для цвѣтниковъ, самъ ходилъ за водою для ихъ поливки и не имѣлъ почти никакой прислуги. Въ то время, конечно, онъ не зналъ и не предчувствовалъ, что вскорѣ жестокая судьба броситъ его въ мрачную и холодную Сибирь и что тамъ-то онъ сдѣлается истиннымъ труженикомъ и страдальцемъ.

Братъ его, Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, иногда пріѣзжалъ къ нему изъ Бобруйска, куда послѣ несчастной исторіи Семеновскаго полка въ 23-мъ году былъ сосланъ за излишнее стремленіе его къ добру, за свои человѣколюбивые поступки съ солдатами.

Живя въ Бобруйскѣ, лишенный права не только выйти въ отставку, но и проситься въ отпускъ, онъ тѣмъ не менѣе довольно часто пріѣзжалъ и къ намъ, и въ деревню къ своему брату, съ которымъ былъ очень друженъ.

Я имѣла случай оцѣнить и умъ, и благородство, и возвышенныя чувства этого рѣдкаго человѣка и никакъ не могла примириться съ его печальнымъ положеніемъ.

Послѣ службы въ гвардіи, гдѣ умѣли цѣнить его достоинства, гдѣ всѣ его искренно любили, отдавая полную справедливость его уму и добрымъ качествамъ души его, онъ брошенъ былъ въ Бобруйскъ, въ страшную глушь къ необразованному и почти всегда пьяному полковому командиру.

Въ Бобруйскѣ онъ былъ совершенно одинъ, безъ родныхъ, безъ товарищей, окруженный каторжными въ цѣпяхъ и въ дикихъ нарядахъ, получерныхъ и полубѣлыхъ, съ головами на половину обритыми, народомъ несчастнымъ и угнетеннымъ, на который нельзя смотрѣть безъ ужаса и безъ состраданія. Послѣ этого не мудрено, что онъ всегда былъ раздражительнымъ; все его томило, все казалось ему въ черномъ видѣ и все ожидалъ онъ чего-то ужаснаго въ будущемъ. Бывая же у насъ, какъ бы отдыхалъ, забывалъ свою обычную серьезность и молчаливость. Онъ любилъ говорить — и говорилъ увлекательно: глаза его блестѣли, лицо загоралось румянцемъ, въ эти мгновенія онъ бывалъ поистинѣ прекрасенъ. Ростомъ онъ былъ не великъ, довольно толстъ; чертами лица и въ особенности въ профиль онъ такъ походилъ на Наполеона I, что этотъ послѣдній, увидѣвъ его разъ въ Парижѣ въ политехнической школѣ, гдѣ онъ воспитывался, сказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ: «qui dirait què ce n'est pas mon fils». Пылкость характера погубила этого благороднаго человѣка, который по уму и сердцу своему могъ бы быть истинно полезнымъ отечеству.

Очень жалѣю, что не могу помѣстить здѣсь писемъ его изъ Петропавловской крѣпости къ своему отцу, особенно же чрезвычайно интересное письмо, писанное имъ наканунѣ своей смерти къ брату Матвѣю Ивановичу. Копіи съ этихъ писемъ долго сохранялись у меня, какъ драгоцѣнность, но къ величайшему моему сожалѣнію, кто-то ихъ у меня похитилъ.

Братъ его, Матвѣй Ивановичъ, былъ человѣкъ совсѣмъ иного склада. Всегда живой, веселый и разговорчивый, онъ, обыкновенно, своимъ присутствіемъ оживлялъ общество.

Но будучи немного легкомысленъ, онъ не имѣлъ твердости характера брата своего, увлекался иногда мнѣніемъ другихъ и потому часто мѣнялъ свое собственное. Сергѣй Ивановичъ имѣлъ надъ нимъ большое вліяніе; онъ-то и увлекъ его въ несчастную исторію 1825 года, въ чемъ и сознается, для оправданія своего брата, въ послѣднемъ письмѣ къ отцу изъ Петропавловской крѣпости.

Матвѣй Ивановичъ страстно любилъ своего брата, гордился имъ и всегда сердился за то, что онъ былъ молчаливъ и не любилъ выказывать себя. Пріѣздъ Матвѣя Ивановича въ Обуховку былъ для меня всегда истиннымъ праздникомъ. Онъ, обыкновенно, привозилъ мнѣ читать, что-нибудь интересное; въ бесѣдахъ съ нимъ незамѣтно пролетали цѣлые часы.

Съ Сергѣемъ Ивановичемъ пріѣзжалъ иногда къ намъ и другъ его, Бестужевъ-Рюминъ, образованный молодой человѣкъ съ пылкою душою, но съ головою до того экзальтированною, что иногда онъ казался намъ даже страннымъ и непонятнымъ въ своихъ мечтахъ и предположеніяхъ. Дружба его съ Сергѣемъ Ивановичемъ была истинно примѣрная, за него онъ готовъ былъ броситься въ огонь и воду; но впослѣдствіи время доказало, что дружба эта была вредна какъ для одного, такъ и для другого, доведя обоихъ до гибели.

Меньшой братъ Муравьевыхъ—Иполитъ Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, воспитывавшійся въ Одесскомъ лицеѣ и только-что опредѣлившійся въ то время въ Петербургѣ въ свиту Государя по квартирмейстерской части, узнавъ объ участи брата своего Сергѣя Ивановича въ 1825 году, немедленно поскакалъ къ нему, чтобы раздѣлить съ нимъ его участь.

Я забыла сказать, что въ началѣ 1823 года судьба старшаго брата моего Семена рѣшилась; онъ предложилъ свою руку младшей дочери Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола—Еленѣ Ивановнѣ и, получивъ общее согласіе, былъ въ совершенномъ восторгѣ, ибо находилъ въ будущей спутницѣ жизни своей все, чего желалъ и что составляетъ семейное счастіе; хотя она не была красавицей, какъ старшія сестры ея, но душа ея была прекрасна и она впослѣдствіи оправдала въ полной мѣрѣ общее мнѣніе о себѣ—была отличной матерью, доброй женою и поистинѣ добродѣтельной женщиной.

Выборъ брата не могъ насъ не радовать, хотя отецъ этого семейства и былъ, какъ я выше сказала, честолюбивъ, эгоистъ и страшно не справедливъ къ дѣтямъ первой жены; притомъ его собственныя либеральныя идеи имѣли пагубное вліяніе на сыновей. Но для насъ онъ былъ очень хорошъ, былъ искренно привязанъ ко всему нашему семейству, и мы были рады породниться съ нимъ.

Но радость наша не была продолжительна; въ концѣ того же года Милосердому Богу угодно было поразить насъ жестокимъ ударомъ—смертью несравненнаго отца нашего! Одно воспоминаніе объ этомъ леденитъ мою душу—и мой разсудокъ мутится.

Въ началѣ 1823 года и въ продолженіе лѣта отецъ мой былъ совершенно здоровъ.

Жизнь наша попрежнему текла пріятно и покойно; отецъ въ это время занимался постройкой новаго дома, которая подходила уже къ окончанію, и вырубкой аллеи, которая шла отъ семейнаго кладбища прямо внизъ къ рѣкѣ. Мы были совершенно счастливы и покойны, не предвидя грозившаго намъ несчастія.

17-го сентября, въ день моихъ имянинъ, отецъ былъ еще совершенно здоровъ и веселъ, участвовалъ въ нашихъ играхъ и даже, какъ теперь помню, танцовалъ со мною экосезъ, а 28-го октября его уже не существовало.

Въ началѣ октября отцу надо было ѣхать въ Манжелею къ Петру Николаевичу, чтобы дать ему нѣкоторые совѣты насчетъ его раздѣла имѣнія съ сестрой Софіей Николаевной послѣ смерти ихъ отца.

Я и сестра Надежда Николаевна, которая проживала въ то время у насъ, отправились вмѣстѣ съ нимъ. Мы пріѣхали туда благополучно, и отецъ былъ совершенно здоровъ; но, проживъ тамъ нѣсколько времени въ довольно сырыхъ и холодныхъ комнатахъ, онъ простудился; у него сдѣлался сильный насморкъ, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія, остался тамъ еще нѣсколько дней, потомъ спѣшилъ ѣхать, чтобы проѣздомъ заѣхать къ Д. П. Трощинскому, къ 8-му октября, ко дню освященія его домовой церкви.

Дорогой отцу стало хуже, носъ у него покраснѣлъ и на немъ сдѣлалась опухоль; онъ безпрестанно закрывался отъ воздуха, ему казалось, что со всѣхъ сторонъ кареты дуетъ; мы съ сестрой закладывали окна и всѣ щели, чѣмъ только могли, но онъ чувствовалъ все какой-то холодъ.

Когда онъ пріѣхалъ въ Кибенцы, то у него оказалась рожа на лицѣ; онъ легъ въ постель и началъ леченіе. Черезъ недѣлю рожа совсѣмъ сошла и онъ, полагая, что скоро будетъ совершенно здоровъ, послалъ меня въ Обуховку, чтобы уговорить мать пріѣхать къ 26-му числу, къ именинамъ Трощинскаго, въ Кибенцы,

и привезти съ собой двухъ сиротъ, внучекъ его, проживавшихъ у насъ, чтобы дать имъ возможность повеселиться во время этого праздника.

Въ это самое время заѣхала въ Кибенцы моя сестра съ мужемъ, ѣдучи изъ Крыма отъ дяди Петра Васильевича. Отцу моему было уже лучше, рожа съ лица совсѣмъ сошла; ему слѣдовало бы еще посидѣть въ комнатѣ, но, обрадовавшись прибытію дочери, которая пріѣхала только на нѣсколько часовъ, онъ вышелъ обѣдать съ ними вмѣстѣ въ довольно холодную залу и тутъ-то, къ несчастью, опять простудился.

Между тѣмъ я все собиралась въ Кибенцы съ моими племянницами, но мать моя, будучи слабаго здоровья, не могла ѣхать; въ то самое время, когда все было готово къ отъѣзду, пріѣхалъ нарочный отъ Муравьева-Апостола съ извѣстіемъ, что отцу нашему стало хуже и чтобы мы какъ можно скорѣе пріѣзжали.

Мы тотчасъ же съ братомъ Семеномъ отправились, по дорогѣ заѣхавъ къ Ивану Матвѣевичу Муравьеву-Апостолу, гдѣ и невѣста брата Семена, и все семейство ея, встрѣтили насъ съ грустными лицами, говоря, что намъ надо спѣшить ѣхать, что отцу нашему очень худо и что ихъ докторъ поѣхалъ туда на консиліумъ.

Пріѣхавъ и войдя въ комнату отца моего, я почти не узнала его—такъ онъ измѣнился! Доктора, коихъ было тамъ четыре, сказали мнѣ, что у него сдѣлалось воспаленіе въ лѣвомъ боку и сильная нервная горячка. Мы застали его въ безнадежномъ положеніи. Онъ иногда узнавалъ насъ, но болѣе былъ въ безпамятствѣ. Къ брату Алексѣю въ Кіевъ немедленно послали эстафету. Онъ пріѣхалъ, но отецъ уже не узналъ его.

Братъ Иванъ былъ въ то время въ нашемъ имѣніи въ Екатеринославской губерніи,—и странная вещь,—именно въ день кончины нашего отца 28-го октября онъ видѣлъ его во снѣ умирающимъ. Сонъ этотъ его сильно встревожилъ, онъ немедленно выѣхалъ, скакалъ день и ночь, но уже не засталъ его въ живыхъ, пріѣхавъ послѣ похоронъ.

Къ Трощинскому между тѣмъ начали съѣзжаться гости со всѣхъ сторонъ къ 26 числу. Онъ, конечно, на этотъ разъ не радовался ихъ пріѣзду, но дѣлать было нечего; къ празднику все готовилось попрежнему. Ночь 25 числа была для насъ страшная!

Отецъ находился въ безнадежномъ положеніи, и мы не видѣли средствъ спасти его, ибо доктора терялись, нѣсколько дней почти не давая лекарствъ.

Мы въ молчаливомъ отчаяніи окружали его.

Онъ иногда приходилъ въ себя, начиналъ говорить и опять впадалъ въ безпамятство.

Я рѣшилась, наконецъ, идти сама ночью къ медикамъ, чтобы заставить ихъ дѣйствовать.

Въ минуту прихода моего былъ у нихъ консиліумъ; поговоря при мнѣ на латинскомъ языкѣ, они рѣшили, что̀ ему дать. Во все время болѣзни онъ принималъ лекарства только отъ меня. И теперь я съ трепетомъ подошла къ его постели, чтобы попросить принять лекарство.

Онъ быстро посмотрѣлъ на меня, тихо проговоривъ: «знаешь ли ты, что̀ даешь?» Вѣроятно, онъ узналъ по запаху, что это былъ мускусъ. Я отвѣчала, что знаю, и онъ принялъ лекарство. Ему стало какъ бы лучше; онъ велѣлъ себя приподнять и, подозвавъ насъ къ себѣ, обратился къ брату Алексѣю, сказавъ: «назови мнѣ по именамъ всѣхъ тѣхъ, которые послѣ меня остаются».

И когда братъ назвалъ всѣхъ, онъ сказалъ: «хорошо, прощайте, я умираю». Потомъ немного погодя, прибавилъ: «но это ничего! Старайтесь забыть меня первое время», и еще разъ повторилъ: «да, говорю, первое время!» Потомъ опять впалъ въ безпамятство.

Описать, что̀ происходило въ душахъ нашихъ, невозможно! Страшно, страшно не только писать, но и подумать объ этомъ! 26-го утромъ ему было лучше, онъ вспомнилъ, что это былъ день имянинъ Трощинскаго, подозвалъ меня, велѣлъ наряднѣе одѣться и пойти поздравить старика. Потомъ опять впалъ въ безпамятство, которое и продолжалось почти сутки.

Мускусъ все еще ему давали, но онъ принималъ уже его безсознательно.

28-го утромъ, въ страшный день кончины его, ему стало такъ хорошо, что мы съ сестрой Надеждой Николаевной были въ восторгѣ и не переставали благодарить Бога за милость Его къ намъ. Но какъ же поражены мы были въ минуту спокойствія нашего, когда вдругъ отворилась дверь, вошелъ племянникъ Трощинскаго и за нимъ вслѣдъ священникъ съ чашею въ рукахъ; у меня закружилась голова, потемнѣло въ глазахъ, и я не помню уже, кто и какъ отвелъ меня въ верхніе покои.

Послѣ причастія, говорили мнѣ, ему сдѣлалось опять лучше, онъ началъ смотрѣть во всѣ стороны и, наконецъ, спросилъ: «гдѣ Соня?» Меня позвали; я съ ужасомъ подошла къ его кровати и, чтобы онъ не замѣтилъ моихъ заплаканныхъ глазъ, поспѣшила стать у него въ головѣ, но онъ, увидя меня, сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы я стала противъ него. Я перешла, и онъ, не говоря ни слова, съ минуту посмотрѣвъ на меня пристально, опять закрылъ глаза и какъ бы задремалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ очнулся и, увидя сидящаго доктора подлѣ себя, котораго очень любилъ (это былъ домашній докторъ Муравьева-Апостола), крѣпко схватилъ его за руку и сказалъ: «Cher ami, m-r Lan». Потомъ черезъ минуту съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ: «Pauvre m-r Lan, dans une pays étranger et six enfants!»

Докторъ залился слезами, тронутый до глубины души этими словами, свидѣтельствовавшими въ предсмертную минуту о любви, живомъ участіи и состраданіи къ ближнему. Растроганный докторъ поспѣшилъ выбѣжать изъ комнаты.

Когда подошелъ къ нему Д. П. Трощинскій, вѣроятно, чтобы проститься, онъ схватилъ его за руку, громко и съ чувствомъ начавъ благодарить его за постоянную дружбу. Это были его послѣднія слова: голосъ его задрожалъ, онъ склонилъ голову на подушку и, казалось, въ изнеможеніи уснулъ. Тогда братья, увѣривъ меня, что ему лучше и что надо дать ему покой, отвели меня на верхъ и, уложивъ въ постель, просили, чтобы я, если можно, хотя немного отдохнула.

Въ совершенномъ изнеможеніи я крѣпко заснула.

Черезъ нѣсколько времени братъ Алексѣй вошелъ ко мнѣ. Пробудясь внезапно, я спросила, что съ папà? Онъ молчалъ; я еще спрашиваю; онъ продолжалъ молчать. Тогда страшная мысль о смерти блеснула въ моей головѣ. Обильныя слезы облегчили мое безъисходное горе.

Что было дальше, я не знаю; добрые хозяева не пускали меня ни на шагъ отъ себя; доктора, чтобы меня успокоить и заставить уснуть, дали мнѣ на ночь опіума и очень дурно сдѣлали, ибо средство это вмѣсто того, чтобы успокоить, привело меня въ такое раздраженіе, что я, при усиленной дремотѣ, безпрестанно просыпалась въ изступленіи и съ какимъ-то ужаснымъ чувствомъ, котораго не могу никогда забыть.

Вечеромъ 28-го числа подвезли карету къ крыльцу, чтобы ночью, уложивъ въ нее тѣло покойнаго отца нашего, перевезти его въ Обуховку. Мнѣ послѣ говорили, что братъ Семенъ до того потерялся въ ту минуту, какъ надо было отправлять драгоцѣнный для насъ прахъ отца, что, не смотря на морозъ и на страшный холодъ, бѣгалъ, какъ безумный, съ открытой головой вокругъ экипажа до тѣхъ поръ, пока Алексѣй, крикнувъ на него, не привелъ его въ память.

На другой день мы были уже въ Обуховкѣ; встрѣча наша съ матерью и съ старшей сестрой была ужасная; описать ее и трудно, и тяжело. Чтобы сколько-нибудь сберечь и не тревожить бѣдную мать, тѣло покойнаго отца провезли прямо въ любимый его павильонъ, что на берету Псёла, и поставили гробъ въ той самой комнатѣ, которую онъ такъ любилъ и въ которой обыкновенно отдыхалъ въ лѣтніе знойные дни. Гробъ былъ сдѣланъ изъ досокъ любимаго имъ береста.

Священный прахъ его похороненъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое описалъ онъ въ своихъ стихахъ, говоря объ Обуховкѣ, гдѣ слѣдующая эпитафія:

«Капнистъ сей глыбою покрылся,
«Другъ музъ, другъ родины онъ былъ;
«Отраду въ томъ лишь находилъ,
«Что ей, какъ могъ, служа, трудился,
«И только здѣсь онъ опочилъ».

Въ началѣ ноября 1824 года, насъ обрадовалъ нечаяннымъ пріѣздомъ Николай Ивановичъ Лореръ. Онъ былъ все тотъ же милый, веселый и разговорчивый, но нельзя было не замѣтить, что его тревожила какая-то неотвязная мысль, которую, казалось, ему было тяжело скрывать отъ меня, друга его дѣтства. Онъ былъ озабоченъ, говорилъ, что у него есть нѣкоторыя порученія отъ полковаго командира, Пестеля, къ Матвѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу.

Вынимая при мнѣ письма и бумаги изъ своего портфеля, онъ показалъ мнѣ разныя переписанныя имъ конституціи. Взявъ въ руки письмо Пестеля, я невольно обратила вниманіе на печать, гдѣ изображенъ былъ улей пчелъ съ надписью: «Nous travaillons pour la même cause». Я спросила у него, что это за печать? Онъ улыбнулся и сказалъ: «это теперь общій нашъ девизъ».

Все это было подозрительно, и я безъ всякой особенной мысли попеняла Николаю Ивановичу за его неосторожность и легкомысліе, какъ бы предчувствуя несчастіе, ожидающее его въ будущемъ.

Съѣздивъ къ Муравьеву-Апостолу и проживя у насъ еще нѣсколько дней, онъ съ какимъ-то особенно грустнымъ чувствомъ простился съ нами, какъ бы на долгую разлуку. Предчувствіе его не обмануло: черезъ годъ онъ былъ сосланъ въ Сибирь на двадцать лѣтъ. Но объ этомъ горестномъ происшествіи я разскажу послѣ.

Свиданія наши съ семействомъ Д. П. Трощинскаго продолжались; по обыкновенію, къ Троицыну дню они пріѣзжали къ намъ; все устроивалось попрежнему: тѣ же прогулки по окрестностямъ, тѣ же катанья по водѣ; но все чего-то не доставало, все было какъ-то натянуто, тяжело, грустно; всѣ видѣли, что не достаетъ души общества—незабвеннаго нашего отца. Каждый въ свою очередъ съ участіемъ вспоминалъ о немъ.

Въ ноябрѣ 1825 года, мы отправились, не помню къ какому празднику, къ Д. П. Трощинскому. Съѣздъ былъ большой, обѣдъ великолѣпный, всѣ готовились веселиться вечеромъ. Музыка загремѣла; старикъ по обыкновенію открылъ балъ польскимъ. Всѣ пустились въ танцы. Въ числѣ молодыхъ людей были тамъ Матвѣй и Сергѣй Муравьевы-Апостолы и другъ ихъ Вестужевъ-Рюминъ.

Всѣ трое собирались пріѣхать къ намъ на нѣсколько дней въ Обуховку къ 26-му ноября, ко дню рожденія матери нашей, и именно въ ту минуту, какъ они говорили мнѣ объ этомъ ихъ на-

мѣреніи, дверь кабинета Трощинскаго растворилась, старикъ вышелъ въ залу съ какимъ-то тревожнымъ таинственнымъ видомъ и тихо объявилъ нѣкоторымъ особамъ извѣстіе о внезапной смерти государя Александра I. Музыка утихла; все замолкло. Потомъ начался всеобщій говоръ, разные толки: отчего онъ умеръ? что за болѣзнь? Кто сожалѣлъ, кто радовался.

Но трудно описать положеніе братьевъ Муравьевыхъ и Бестужева-Рюмина при этомъ извѣстіи, они какъ бы сошли съ ума, не говорили ни слова, но страшное отчаяніе было на ихъ лицахъ; они въ смущеніи ходили изъ угла въ уголъ по комнатѣ, говоря шопотомъ между собой; Бестужевъ-Рюминъ, болѣе всѣхъ встревоженный, рыдалъ какъ ребенокъ, подходилъ ко всѣмъ намъ и прощался съ нами какъ бы на вѣки.

Въ такомъ положеніи всѣ разошлись по своимъ комнатамъ и только утромъ мы узнали, что въ ту же ночь Муравьевы-Апостолы и Бестужевъ-Рюминъ поспѣшно уѣхали, но неизвѣстно куда.

Въ непродолжительномъ времени мы поражены были извѣстіемъ, что братья нашей невѣстки Елены Ивановны, Матвѣй и Сергѣй Ивановичи Муравьевы-Апостолы, были схвачены и отправлены въ Петропавловскую крѣпость, вслѣдствіе возмущенія цѣлаго полка, въ которомъ баталіономъ командовалъ Сергѣй Ивановичъ.

Младшій мой братъ, Алексѣй, служившій адъютантомъ у Н. Н. Раевскаго, получивъ впослѣдствіи батальонъ въ одномъ изъ армейскихъ полковъ и стоявшій въ то время съ своимъ баталіономъ въ Глуховѣ, пріѣхалъ къ намъ въ 1825 году наканунѣ 1826 года. Но на этотъ разъ противъ обыкновенія онъ былъ задумчивъ и мраченъ. Его думы меня сильно безпокоили; я нѣсколько разъ спрашивала о причинѣ его тоски, но онъ скрытничалъ и, проживъ у насъ самое короткое время, поспѣшилъ въ Кіевъ къ генералу Раевскому, который любилъ его, какъ сына. Вскорѣ послѣ его отъѣзда я узнала отъ одного молодого человѣка, Менгеса, жившаго у насъ, что ночью пріѣзжалъ чиновникъ отъ генералъ-губернатора, князя Рѣпнина, отыскивать съ жандармами брата Алексѣя, съ строгимъ однакожъ приказаніемъ не тревожить нашу мать, исполнивъ порученіе какъ можно тише и осторожнѣе.

Не найдя его въ домѣ и напугавъ страшно Менгеса, который въ страхѣ на вопросъ ихъ: кто онъ? старался произнести фамилію свою сквозь зубы такъ, чтобы они никакъ ее не поняли, они отправились обратно, а мы, съ ужасомъ узнавъ объ этомъ утромъ на другой день, старались всячески скрыть отъ матери это страшное происшествіе. Легко представить, съ какимъ ужасомъ и нетерпѣніемъ мы ожидали вѣстей отъ брата Алексѣя! Вскорѣ дошла до насъ роковая вѣсть, что 14-го января онъ былъ взятъ въ Кіевѣ и отправленъ въ Петербургъ.

Мы узнали, что братъ, къ счастью, былъ отправленъ не пѣш-

комъ и не въ цѣпяхъ, но съ фельдъегеремъ и въ сопровожденіи знакомаго и пріятеля, Егора Петровича Врангеля, бывшаго въ то время адъютантомъ у генерала Красовскаго. Этотъ добрый человѣкъ, вовсе не зная насъ, единственно изъ дружбы къ несчастному Алексѣю, а еще болѣе изъ состраданія, писалъ къ намъ объ немъ съ дороги и изъ Петербурга.

Черезъ нѣсколько времени къ намъ возвратился изъ Петербурга слуга брата Алексѣя, служившій ему нѣсколько лѣтъ, столь любившій его и привязанный къ нему, что отъ душевной тревоги за своего барина онъ въ однѣ сутки совершенно посѣдѣлъ. Хотя онъ былъ уволенъ отъ всѣхъ работъ, награжденъ нашей матерью, какъ нельзя больше, но вскорѣ умеръ.

Обуховка сдѣлалась для насъ мрачнымъ и горестнымъ жилищемъ. Въ этотъ печальный періодъ всѣ чуждались насъ, никто насъ не навѣщалъ, вѣроятно, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія.

Всѣ знали, что братъ Алексѣй былъ взятъ, что Елена Ивановна разомъ лишилась троихъ братьевъ и что мой старшій братъ Семенъ, какъ зять Муравьева-Апастола, былъ подъ надзоромъ полиціи.

Брату было позволено изъ крѣпости писать къ намъ, конечно, открытыя письма и получать отъ насъ такія же. Изъ писемъ его мы могли видѣть только, что онъ живъ. Но и за то мы благодарили Бога.

Мать наша, наконецъ, до того начала тревожиться неизвѣстностью о немъ (нужно замѣтить, что ей не говорили объ арестѣ Алексѣя), что совсѣмъ стала падать духомъ; часто, не вѣря уже намъ, съ горечью спрашивала любимую его собаку: «Орсетъ, скажи хоть ты мнѣ, гдѣ твой баринъ?»

Видя ея страданія и опасаясь за ея жизнь, мы рѣшились просить несчастнаго брата, чтобы онъ для утѣшенія своей матери, испросилъ позволеніе написать къ ней письмо изъ крѣпости какъ бы изъ города Глухова, гдѣ стоялъ его полкъ; ему позволили, и онъ написалъ длинное и самое веселое письмо, совершенно успокоившее мать.

Мы же страдали вдвойнѣ и оттого еще, что и братъ Иванъ, жившій въ то время съ нами въ Обуховкѣ, возвратясь изъ Полтавы, куда ѣздилъ по своимъ дѣламъ, сказалъ по секрету, что, быть можетъ, и онъ будетъ арестованъ, ибо князь Рѣпнинъ, показавъ ему зашнурованную уже переписку братьевъ Муравьевыхъ, найденную въ деревнѣ Хомутцы, указалъ въ ней на то мѣсто, гдѣ они, говоря о братѣ Иванѣ, назначали его въ случаѣ удачи своего дѣла членомъ временнаго правленія.

Поэтому князь Рѣпнинъ и предупреждалъ брата Ивана, что и его, можетъ быть, потребуютъ въ Петербургъ. Это, однако, не тре-

вожило брата, какъ человѣка вовсе не причастнаго къ тайному обществу и никогда не имѣвшаго съ его членами никакихъ сношеній; онъ просилъ только насъ, чтобы мы не тревожились и берегли нашу мать.

24-го апрѣля 1826 года, мы были обрадованы извѣстіемъ, что братъ Алексѣй, наконецъ, оправданъ, освобожденъ и что вскорѣ возвратится домой. (Изъ крѣпости онъ былъ освобожденъ 15-го апрѣля). Въ концѣ мѣсяца разбудили меня рано утромъ извѣстіемъ, что онъ пріѣхалъ и когда я спросила, гдѣ онъ, то мнѣ сказали, что онъ, вставъ изъ экипажа, побѣжалъ на могилу отца нашего! Я безъ памяти, надѣвъ одинъ только чулокъ, башмаки и пудермантель, полетѣла къ нему и тутъ же на могилѣ отца совершилось радостное свиданіе послѣ тяжкой разлуки и горькаго трехмѣсячнаго заключенія.

Какъ описать радость матери, ея страхъ, ужасъ и слезы при извѣстіи, что онъ былъ въ Петропавловской крѣпости въ числѣ государственныхъ преступниковъ. Подобной сцены я не встрѣчала въ моей жизни. Мать и плакала, и смѣялась въ одно время, повторяя всѣмъ и каждому: «Вообразите, Алеша былъ въ крѣпости», крѣпко прижимая его при этомъ къ своему сердцу.

Когда все утихло и всѣ успокоились, онъ, по нашему желанію, разсказалъ слѣдующую исторію своего заточенія.

Арестованный 14-го января 1826 года въ Кіевѣ, въ домѣ генерала Раевскаго, онъ черезъ нѣсколько дней былъ привезенъ въ Петербургъ на главную гауптвахту. Здѣсь было уже столько арестованныхъ, что всѣ комнаты были заняты, и его ввели въ большую залу, гдѣ онъ встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, такъ же привезенныхъ. Когда они начали было разговаривать, бывшій комендантъ дворца, Башуцкій, потерявъ совсѣмъ голову, страшась отвѣтственности за сношенія между ними, не зная, что дѣлать, въ страхѣ и суетѣ ставилъ съ поспѣшностью между одними столъ, между другими диванъ, приговаривая: «между вами нѣтъ никакого сообщенія!»

При этой сценѣ, говорилъ братъ, онъ не помнитъ, чтобы когданибудь въ жизни столько смѣялся. Черезъ сутки его съ жандармами перевезли на придворную гауптвахту, гдѣ просидѣлъ онъ больше трехъ дней подъ стражею солдатъ съ обнаженнымъ оружіемъ. Тутъ, хотя хорошо кормили, но не давали ему ни ножей, ни вилокъ. На четвертый день, посадивъ его въ сани съ тѣми же вооруженными солдатами, быстро повезли черезъ Неву въ Петропавловскую крѣпость.

Онъ явился къ коменданту, который повелъ его по сѣрымъ и мрачнымъ коридорамъ казематовъ, то спускаясь внизъ, то подымаясь наверхъ. Наконецъ, поднявшись выше, комендантъ остановился у двери одного каземата и, отомкнувъ со скрипомъ замокъ,

ввелъ брата въ довольно большую комнату, съ двумя забѣленными и подъ желѣзной рѣшеткой окнами на Неву и, указавъ на печь, сказалъ: «вотъ вамъ и печь». Братъ подумалъ: что за радость ты мнѣ сулишь? «Кажется, вамъ будетъ хорошо»,—продолжалъ онъ: «вы можете, когда захотите, звать къ себѣ сторожа». Сказавъ это, онъ раскланялся и ушелъ.

Сначала, оставшись одинъ, онъ ходилъ какъ безумный скорыми шагами по пустой комнатѣ, гдѣ, кромѣ бѣдной соломенной постели, стола и стула, ничего не было; у него при входѣ въ казематъ отобранъ былъ и чемоданъ, и всѣ его вещи.

Въ отчаяніи и въ тоскѣ, онъ звалъ нѣсколько разъ въ теченіе дня часоваго, единственно для того, чтобы видѣть, что дверь отворяется и что къ нему входитъ живое существо. Обѣдать ему давали щи, кашу, кусокъ жаркого и рюмку простой водки. Отъ скуки онъ вымѣрилъ шагами казематъ и ходилъ въ немъ всякій день по 7 верстъ.

Печь ему служила тоже большимъ развлеченіемъ; онъ сушилъ сырыя дрова, потомъ самъ топилъ ее, тогда только понявъ выраженіе коменданта о печи и мысленно благодаря его за нее. Цѣлые часы сидѣлъ онъ передъ огнемъ, размышляя о всемъ, что съ нимъ случилось, о матери своей, о насъ всѣхъ и о горькомъ своемъ положеніи.

Хотя въ душѣ онъ былъ увѣренъ въ своей невинности, но по ходу дѣла не могъ угадать, чѣмъ оно кончится. Впослѣдствіи онъ узналъ, что при допросахъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ надѣлалъ ему много вреда; что, напротивъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ совершенно его оправдалъ и что, быть можетъ, ему онъ и обязанъ своимъ освобожденіемъ.

Сколько тяжкихъ безсонныхъ ночей проводилъ онъ въ своемъ заточеніи! Какъ страшился, чтобы въ отвѣтахъ своихъ на заданные ему комиссіей письменные вопросы не навредить кому-либо! Въ самыя затруднительныя минуты онъ, не зная, что сказать и не полагаясь на себя, прибѣгалъ всегда къ евангелію и, открывъ его, писалъ свои отвѣты почти всегда очень удачно. Сколько разъ въ самыя тягостныя и затруднительныя минуты, засыпая отъ утомленія, онъ бывалъ разбуженъ утѣшительными словами отца, коего голосъ слышался ему и по пробужденіи, и какъ благословлялъ онъ его въ эти сладостныя минуты! Вскорѣ послѣ заточенія, онъ просилъ письменно тетку свою Дарью Алексѣевну Державину прислать ему Библію, что она и исполнила; и онъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ прочелъ ее трижды отъ доски до доски. Потомъ онъ просилъ ее же прислать ему трубку и табаку, что она и исполнила, испросивъ на это позволеніе. Тогда заточеніе казалось ему легче.

Во время похоронъ императора Александра I, когда тѣло пе-

ревозили черезъ Неву въ Петропавловскій соборъ, отъ пушечнаго выстрѣла въ казематѣ брата разбились стекла, чему, конечно, онъ очень обрадовался, ибо могъ видѣть всю похоронную церемонію.

Обыкновенно, не спавъ цѣлую ночь отъ разныхъ думъ и душевныхъ тревогъ, онъ крѣпко засыпалъ утромъ; его будилъ всегда несносный голосъ сторожа, стучавшаго въ дверь и спрашивавшаго—здоровъ ли онъ, и живъ ли онъ?

Такимъ образомъ онъ просидѣлъ три мѣсяца. Въ концѣ третьяго мѣсяца дѣла запутывались; отвѣчать на запросы день ото дня становилось труднѣе и онъ начиналъ страшиться за свою будущность, какъ вдругъ въ ночь 15-го апрѣля къ нему явился часовой съ приказомъ идти къ коменданту. Это его встревожило, онъ былъ увѣренъ, что его засадятъ еще куда-нибудь подальше и потому явился къ коменданту смущенный, испуганный.

Каково же было его удивленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ радость, когда комендантъ сказалъ ему: «Капнистъ, поздравляю тебя, ты свободенъ!» Братъ говорилъ, что нельзя объяснить, что происходило тогда въ его душѣ. Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить, но когда комендантъ повторилъ ему радостную вѣсть, онъ бросился бѣжать изъ крѣпости, не смотря на то, что это было въ 12 часовъ ночи и что комендантъ предлагалъ ему переночевать у себя.

Онъ ничего не хотѣлъ слушать, прибѣжалъ къ Невѣ, сѣлъ въ лодку и не хотѣлъ вѣрить, что онъ точно свободенъ, и можетъ ѣхать, куда хочетъ. Переѣхавъ рѣку, онъ спѣшилъ въ домъ къ теткѣ своей Державиной; пройдя нѣсколько пустыхъ комнатъ, онъ остановился у дверей маленькаго кабинета, гдѣ она сидѣла; увидавъ его, она испугалась и закричала: «Алеша, это ты?» Онъ, будучи всегда веселаго характера и любя пошутить, и тутъ не могъ удержаться и поспѣшно отвѣчалъ ей: «тетенька, я бѣжалъ». Она въ первую минуту испугалась, но потомъ несказанно обрадовалась, отъ души благодаря Бога за его освобожденіе.

Такимъ же образомъ были арестованы и оправданы сыновья генерала Раевскаго, да и сколько было невинно пострадавшихъ и пожертвовавшихъ или своею жизнью или жизнью близкихъ сердцу ихъ въ эту ужасную эпоху!

Не стану говорить объ ужасномъ положеніи семейства Муравьева-Апостола. Всякій легко можетъ понять его. Кому неизвѣстна страшная участь, постигшая несчастныхъ декабристовъ?

Долго бѣдная Елена Ивановна не знала о смерти несчастнаго брата своего Сергѣя Ивановича и только въ одномъ обществѣ нечаянно услышала роковое слово: «повѣшенъ!» Пораженная ужасомъ, она упала безъ чувствъ, и ее долго не могли привести въ память.

Спустя нѣсколько времени послѣ смерти брата, она получила письмо отъ своей сестры Е. И. Бибиковой, которая писала, что

съ соизволенія государя она была у несчастнаго брата наканунѣ его смерти; онъ зналъ уже, что его ожидало и, не смотря на это, показалъ въ послѣднее свиданіе съ нею столько твердости, столько религіозности и столько самоотверженія, что не только не нуждался въ утѣшеніи, но самъ поселилъ въ ней твердость для перенесенія этого несчастія.

Духовникъ его тоже былъ пораженъ твердостью его характера; когда онъ пришелъ къ нему для того, чтобы приготовить его къ смерти, С. И. въ ту минуту писалъ послѣднее письмо свое къ старшему брату своему Матвѣю Ивановичу.

Увидя священника, онъ съ спокойнымъ видомъ попросилъ его присѣсть и съ твердостью духа продолжалъ оканчивать письмо.

Этотъ священникъ говорилъ послѣ, что во всю жизнь не встрѣчалъ человѣка съ такими возвышенными религіозными чувствами и съ такою твердостью духа шедшаго на смерть. Тутъ же Екатерина Ивановна описывала и трогательную сцену послѣдняго свиданія и прощанія отца съ несчастными сыновьями; получивъ повелѣніе выѣхать за границу, онъ тогда испросилъ позволеніе увидѣть сыновей своихъ и проститься съ ними.

Съ ужасомъ ожидалъ онъ ихъ прихода въ присутственной залѣ; Матвѣй Ивановичъ, первый явившись къ нему, выбритый и чисто одѣтый, бросился со слезами обнимать его; не будучи въ числѣ первыхъ преступниковъ и надѣясь на милость царя, онъ старался утѣшить отца надеждою скораго свиданія. Но когда явился любимецъ отца, несчастный Сергѣй Ивановичъ, обросшій бородою, въ изношенномъ и изорванномъ платьѣ, старику сдѣлалось дурно, онъ весь дрожащій подошелъ къ нему и, обнимая его, съ отчаяніемъ сказалъ: «въ какомъ ужасномъ положеніи я тебя вижу! зачѣмъ ты, какъ братъ твой, не написалъ мнѣ, чтобы прислать и тебѣ все, что нужно?»

Онъ съ свойственной ему твердостью духа отвѣчалъ, указывая на свое изношенное платье: «Mon père, celà me siffira!», т. е. что для жизни моей этого достаточно будетъ! Неизвѣстно, чѣмъ и какъ кончилась эта тяжкая и горестная сцена прощанія старика отца съ сыновьями, которыхъ онъ нѣжно любилъ и достоинствами которыхъ гордился...

С. Скалонъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. В. СКАЛОНЪ (УРОЖДЕННОЙ КАПНИСТЪ)[1].

VI.

Болѣзнь и смерть Д. П. Трощинскаго.— Корыстолюбивые наслѣдники.— Недовольство дочери духовнымъ завѣщаніемъ.— Любопытная исторія жизни Петра Николаевича.—Его женитьба на графинѣ Девонвиль.— Взаимное охлажденіе.— Супруги расходятся.—Вторичное замужество.—Странная дружба.—Рѣдкое великодушіе.— Итальянка и ея дочь.—Скандалъ на домашнемъ балу.— Отъѣздъ за границу и жизнь тамъ Петра Николаевича и его бывшей супруги.—Ея печальная судьба.—Благодарный сюжетъ для романиста.

ВЪ 1828 ГОДУ сильно заболѣлъ нашъ почтенный старикъ Д. П. Трощинскій водяной болѣзнью въ груди; никакіе медики, ни богатство, не могли спасти его отъ смерти.

Онъ долго страдалъ и страдалъ какъ истинный христіанинъ, съ смиреніемъ покоряясь волѣ Божіей. Недѣли за двѣ до смерти онъ просилъ моего брата Ивана, бывшаго въ то время предводителемъ дворства въ Миргородскомъ уѣздѣ, и насъ всѣхъ, пріѣхать къ нему въ Кибенцы. Онъ все время болѣзни, до самой кончины, былъ въ совершенной памяти и твердымъ, яснымъ голосомъ говорилъ и давалъ совѣты своимъ наслѣдникамъ, двумъ племянникамъ и внучкѣ, которые ни наминуту не оставляли его и, казалось, страдали вмѣстѣ съ нимъ; но впослѣдствіи оказалось, что каждый изъ нихъ съ нетерпѣніемъ ждалъ только кончины его для полученія наслѣдства. Всѣ они безпокоились о томъ, что онъ не сдѣлалъ ни-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIV, стр. 599.

какого распоряженія, хлопотали, чтобы въ минуту его смерти тотчасъ приложили бы печати ко всей движимости, приведя въ извѣстность всѣ драгоцѣнности.

Въ продолженіе двухъ недѣль онъ всякій вечеръ прощался съ ними и благословлялъ, въ особенности нѣжно любимую внучку, которой, прощаясь, всякій разъ давалъ потихоньку или безъимянные векселя, или дорогія вещи; такъ какъ она была дочерью его незаконной дочери, то онъ и не могъ или не хотѣлъ дѣлать иначе.

Каждую ночь ожидали его смерти и каждое утро удивлялись, что онъ живъ; эта неизвѣстность до того истомила наслѣдниковъ, что когда за день до смерти докторъ утромъ сказалъ, что онъ ночью вычиталъ въ одномъ лечебникѣ, будто есть надежда на выздоровленіе, если водяная болѣзнь длится такой продолжительный періодъ, они вмѣсто того, чтобы обрадоваться, пришли въ совершенное негодованіе на доктора, называя его сумасшедшимъ. Тутъ мы ясно увидѣли, что и тѣни истиннаго участія и состраданія не было въ наслѣдникахъ и что корыстолюбіе было у нихъ на первомъ планѣ. Тяжко было видѣть этого несчастнаго страдальца, окруженнаго людьми, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидающими его смерти ради наслѣдства!

Не даромъ онъ при жизни своей всегда отъ души радовался, когда кто женился, говоря, что онъ по себѣ видитъ, какъ худо не быть женатымъ и не имѣть своего семейства. Но надо было видѣть, какимъ удивленіемъ были поражены всѣ его наслѣдники, когда Д. П., чувствуя приближеніе смерти, приготовясь къ ней, какъ истинный христіанинъ, исполнивъ священный обрядъ причащенія, будучи въ совершенной памяти, созвалъ всѣхъ насъ къ себѣ и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Подайте мнѣ мою духовную!

Интересно было видѣть, какими глазами посмотрѣли они другъ на друга и съ какимъ любопытствомъ спросили: «гдѣ же она?» Онъ позвалъ камердинера и, указавъ на дорожный ящикъ, который незамкнутый стоялъ небрежно подъ столомъ, велѣлъ подать его къ себѣ и, вынувъ оттуда духовную, просилъ брата моего Ивана прочесть ее; во время чтенія, Д. П. твердымъ и яснымъ голосомъ объяснялъ, почему раздѣлялъ онъ между двумя племянниками такъ, а не иначе.

Внучка его и мужъ ея, полковникъ баронъ Сакенъ, между тѣмъ съ нетерпѣніемъ ожидали, чѣмъ и ихъ судьба рѣшится. Будучи всегда совершенно убѣждена, что она, какъ внучка его, есть единственная наслѣдница, при чтеніи духовной пришла въ такое тревожное состояніе, что не могла долѣе стоять и должна была выйти изъ комнаты.

Тогда старикъ вынулъ особенную духовную, гдѣ, называя ее дочерью воспитанницы своей, даетъ ей 800 душъ въ Кіевской гу-

берніи благопріобрѣтеннаго имѣнія. Эта вѣсть такъ сильно поразила ее, что она, заболѣвъ, въ скорости родила; отъ продолжающейся душевной тревоги молоко бросилось ей въ голову и черезъ три недѣли послѣ смерти старика она скончалась, оставивъ въ отчаяніи мужа и маленькую сиротку дочь.

Говорятъ, что до смерти старика она все грустила и тревожилась при одной мысли, что они въ бѣдности и что старикъ поступилъ съ нею несправедливо.

Онъ скончался при насъ тихо и спокойно, поручая наслѣдникамъ своихъ бѣдныхъ родныхъ и людей, которые ему служили и коихъ вопль раздавался по всему дому.

Черезъ три мѣсяца все опустѣло въ Кибенцахъ, гдѣ царствовало радушное гостепріимство, веселье и откуда несчастный и бѣдный не выходилъ никогда безъ утѣшенія и безъ помощи. Наслѣдники, раздѣливъ между собой всѣ драгоцѣнности, разъѣхались, разославъ людей, преданныхъ старику, и всю дворню по деревнямъ, наградивъ весьма немногихъ изъ нихъ по желанію покойнаго.

Домъ опустѣлъ, дворъ заросъ травою и только прахъ этого достойнаго, добродѣтельнаго старика и вельможи остался скромно похороненнымъ въ той самой церкви, гдѣ онъ, покрытый сѣдинами, молился всегда съ такимъ христіанскимъ чувствомъ и благоговѣніемъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ безъ всякихъ перемѣнъ; мы продолжали жить съ матерью нашей тихо и спокойно въ Обуховкѣ; наконецъ, братья мои приступили къ раздѣлу имѣнія, ибо каждый изъ нихъ желалъ уже заняться своею частью; и такъ какъ любимая Обуховка наша была въ этомъ случаѣ камнемъ преткновенія для всѣхъ и каждый изъ братьевъ желалъ имѣть ее для себя, то, чтобы избѣжать непріятностей, мать моя предложила имъ дѣлить имѣніе по жребію, на что̀ они и согласились; Обуховка досталась, какъ и слѣдовало по закону, меньшому брату моему, Алексѣю, который, получивъ ее, отъ радости бросясь на могилу отца нашего, плакалъ какъ ребенокъ.

Такъ какъ старшимъ братьямъ моимъ имѣніе досталось въ Кременчугскомъ уѣздѣ, то каждый изъ нихъ купилъ домъ въ Кременчугѣ. Между тѣмъ здоровье матери съ каждымъ днемъ слабѣло, помощь доктора была необходима; поэтому мы рѣшились всѣ переѣхать на жительство въ Кременчугъ, гдѣ мать и жила до своей смерти, окруженная дѣтьми и внуками, нѣжно ее любившими, не переставая благословлять судьбу свою и благодарить Всевышняго за милость его къ ней. Я забыла сказать, что въ то время и второй братъ мой Иванъ былъ уже женатъ и имѣлъ нѣсколько дѣтей. Я же не оставляла матери ни на минуту. Она и въ глубокой старости была всегда занята, много читала и писала, только

въ свободные часы призывая къ себѣ и дѣтей, и внуковъ, и утѣшаясь ими. Несмотря на счастливую и спокойную старость, мать съ нетерпѣніемъ и съ восторгомъ ожидала всегда смерти и радостнаго свиданія съ отцомъ нашимъ въ будущей жизни. Въ 1832 году послѣ продолжительной болѣзни ангельская душа ея тихо и спокойно отошла къ Престолу Всевышняго.

Говоря выше о жалкомъ семействѣ дяди, Николая Васильевича, я ничего еще не сказала о сынѣ его, Петрѣ Николаевичѣ, исторія жизни котораго очень оригинальна и очень интересна.

Кажется, я говорила, что онъ послѣ смерти своего отца служилъ адъютантомъ у полтавскаго генералъ-губернатора, князя Рѣпнина; съ тѣхъ поръ я и начну исторію его жизни.

Въ 1823 году, поѣхавъ съ Рѣпнинымъ въ Петербургъ, онъ, по письмамъ его ко мнѣ, былъ въ такомъ тоскливомъ настроеніи, что никуда не выѣзжалъ, большую часть времени сидя дома, взаперти.

Но разъ какъ-то, будучи любителемъ музыки, онъ рѣшился поѣхать на одинъ концертъ и на этомъ-то концертѣ неожиданно встрѣтилъ тотъ самый идеалъ, о которомъ мечталъ столько лѣтъ и, наконецъ, потерялъ уже надежду встрѣтить когда-либо.

Это была прелестная блондинка, высокаго роста, съ стройнымъ станомъ, съ нѣжными и правильными чертами лица, со взглядомъ, преисполненнымъ и нѣжности, и доброты, полная той гармоніи въ лицѣ, о коей онъ мечталъ съ юношескихъ лѣтъ своихъ. Онъ, увидя ее, былъ совершенно пораженъ, не спускалъ съ нея глазъ и одно желаніе наполняло его душу, узнать, кто она, откуда и гдѣ живетъ; но всѣ старанія его узнать что-либо остались тщетными; она, какъ прелестный метеоръ, исчезла изъ глазъ его, — не попадалась ему ни на гуляньяхъ, ни въ театрахъ, куда началъ онъ ѣздить единственно для встрѣчь съ ней. Не отыскивая ее нигдѣ, онъ, наконецъ, впалъ въ страшное уныніе, заперся у себя въ комнатѣ и никуда не выходилъ.

Недѣли двѣ спустя, къ нему заѣхалъ одинъ чиновникъ, служившій у князя же Рѣпнина, съ предложеніемъ, не хочетъ ли онъ купить имѣніе въ Малороссіи, такое, какое Петръ Николаевичъ и желалъ всегда пріобрѣсти для одной изъ своихъ сестеръ. Онъ согласился, обѣщалъ пріѣхать познакомиться съ тѣмъ, кто продаетъ; но, предавшись опять унынію, совершенно забылъ объ этомъ. Знакомый его пріѣзжалъ еще два раза и все напрасно; наконецъ, пріѣхалъ онъ къ нему съ тѣмъ, чтобы рѣшительно взять его съ собою и повезти къ продавцу имѣнія, къ какому-то графу Девонвиль. Петръ Николаевичъ согласился и, пріѣхавъ туда, познакомившись съ нимъ, переговорилъ съ графомъ о дѣлѣ; старикъ обласкалъ его и, какъ любитель живописи, предложилъ ему посмотрѣть нѣкоторыя изъ своихъ картинъ; онъ разсматривалъ ихъ съ любопытствомъ. Но войдя въ третью комнату, онъ остолбе-

нѣлъ,—ноги у него подкосились, онъ чуть не упалъ, увидя на стѣнѣ портретъ именно той, которую видѣлъ въ концертѣ и которую столько времени искалъ такъ напрасно! Онъ съ трепетомъ спросилъ, какая это картина или чей это портретъ? И какъ описать радость его и совершенный восторгъ, когда старикъ сказалъ ему, что это портретъ его дочери.

Легко себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ началъ онъ ѣздить къ графу Девонвиль подъ предлогомъ покупки имѣнія, какъ счастливъ былъ, познакомясь, наконецъ, съ его дочерью. Ей было въ то время шестнадцать лѣтъ; она только-что кончила курсъ въ пансіонѣ, не видя еще свѣта и не выѣзжая почти никуда.

Братъ Петръ Николаевичъ съ первой минуты свиданія съ ней рѣшился предложить ей руку; для большаго же успѣха попросилъ князя Рѣпнина помочь ему, переговоривъ поэтому поводу съ графомъ Девонвиль. Князь, любя его, принялъ въ немъ живое участіе и, рекомендуя его графу какъ отличнаго молодого человѣка, съ значительнымъ состояніемъ, испросилъ, наконецъ, его согласіе; дочь съ своей стороны тоже согласилась, хотя мало знала его и какъ дитя еще не чувствовала къ нему особеннаго влеченія. Ихъ помолвили и черезъ двѣ недѣли назначена была свадьба. Петръ Николаевичъ въ это время еще болѣе узналъ и полюбилъ ее, доставлялъ ей всевозможныя удовольствія и утѣшалъ ее ежедневными подарками.

За недѣлю до свадьбы они всѣ были приглашены на балъ къ какому-то посланнику. Она не желала ѣхать, но Петръ Николаевичъ уговорилъ ее и съ восторгомъ занялся ея изящнымъ бѣлымъ нарядомъ съ дорогимъ головнымъ уборомъ, браслетами, серьгами и жемчужнымъ съ бирюзой колье на шеѣ.

Въ этомъ нарядѣ, говорилъ онъ, она была обворожительна и на балѣ произвела такой эфектъ, что Петръ Николаевичъ, наконецъ, испугался, слыша со всѣхъ сторонъ восклицанія: «venez voir une beauté, venez voir la comptesse Devonville!» Его страхъ еще болѣе увеличился, когда онъ увидѣлъ великихъ князей и даже самого государя Александра Павловича, наводящихъ на нее свои лорнеты, когда она танцовала въ кадрили vis à vis съ извѣстной въ то время красавицей Влодекъ, которая начинала уже отцвѣтать и должна была уступить преимущество невѣстѣ Петра Николаевича.

Черезъ нѣсколько дней онъ женился и съ восторгомъ увезъ ее въ Малороссію.

Дорогой все ее занимало: и скорая ѣзда, и звуки колокольчика, всѣмъ она восхищалась, особенно же восхожденіемъ солнца, котораго прежде никогда не видѣла. Петръ Николаевичъ разсказывалъ ей о Малороссіи, увѣряя, что у него нѣтъ тамъ никакого дома и что они будутъ жить въ простой хижинѣ.

Каково же было ея удивленіе, когда, подъѣзжая, она увидѣла великолѣпный каменный домъ въ два этажа на берегу быстрой и прозрачной рѣки Псёла, окруженный чудными деревьями и прекрасными цвѣтниками.

Ихъ съ радостью встрѣтило все семейство: старушка-мать, простая, но добрая женщина, старшая сестра Софія Николаевна въ монашескомъ платьѣ, вторая Вѣра въ обыкновенномъ странномъ нарядѣ своемъ и три меньшихъ сестры въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты своей.

Такъ какъ въ этомъ семействѣ всегда было много странностей, то Петръ Николаевичъ устроилъ для жены отдѣльную комнату во второмъ этажѣ, обращенную окнами на рѣку и на чудный видъ; боясь на нее семейнаго вліянія, онъ оставлялъ ее почти всегда одну, какъ птичку въ клѣткѣ, расписавъ ей часы занятій, которыя она въ точности и исполняла; онъ забавлялъ ее всякій день, какъ дитя, разными подарками, къ которымъ она, наконецъ, такъ привыкла, что считала ихъ ни за что и потому принимала иногда довольно хладнокровно, что нерѣдко огорчало Петра Николаевича.

Онъ же большую часть времени сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, занимаясь рисованіемъ плана дома собственно для своего семейства, который предполагалъ строить въ саду на берегу той же рѣки. Домъ этотъ чудной архитектуры въ теченіе года былъ уже почти готовъ вчернѣ, и они напередъ уже восхищались мысленно, какъ все хорошо будетъ тамъ устроено и съ какимъ восторгомъ они въ немъ поселятся!

Часто пріѣзжая къ нимъ и проживая у нихъ нѣсколько времени, я, по просьбѣ брата Петра Николаевича, проводила съ милой женой его цѣлые дни; какъ восхищалась я этимъ чуднымъ существомъ, имѣвшимъ въ душѣ своей начало всего прекраснаго и готоваго любить всей душой того, кому поручила счастье своей жизни.

Все могло бы осуществиться, если бы не несчастная система Петра Николаевича, которая сдѣлалась причиной его несчастья на всю жизнь.

Любя страстно жену, онъ старался удаляться отъ нея и быть съ нею какъ можно рѣже, полагая, что это самое усилитъ ея любовь къ нему. Вотъ тутъ-то онъ и ошибся!

Будучи всегда одна, она, конечно, начала скучать и тосковать, желая другихъ развлеченій. Онъ привезъ ее къ намъ въ Обуховку; все семейство наше было въ восторгѣ отъ ея красоты и ея милаго характера; въ особенности братья такъ восхищались ею, что шутя просили брата Петра увезти ее поскорѣе, страшась, какъ они говорили ему, влюбиться въ нее.

Зная женино желаніе ѣздить верхомъ, Петръ Николаевичъ купилъ для нея дорогую лошадь, велѣлъ ее выѣздить лучшему берейтору и, выписавъ изъ Петербурга послѣдней моды чудный нарядъ для верховой ѣзды, разложилъ его въ гостиной, велѣлъ привести къ балкону осѣдланную лошадь и съ нетерпѣніемъ ожидалъ своей жены, чтобы показать ей все это и обрадовать ее. Но когда она пришла и съ обыкновеннымъ хладнокровіемъ сказала: «oui, c'est joli, ce n'est pas mal!» онъ съ досады былъ готовъ все изорвать и все уничтожить. Конечно, при такомъ расположеніи духа и прогулка его была не весьма пріятная. Онъ послѣ говорилъ мнѣ, что съ досады хотѣлъ ее завести куда-нибудь въ лѣсъ и бросить тамъ на произволъ судьбы.

Такія сцены у нихъ нерѣдко происходили, но все-таки онъ продолжалъ страстно любить ее.

На слѣдующій годъ она обрадовала его рожденіемъ сына, прекраснаго и здороваго мальчика; это была большая радость для Петра Николаевича, который въ наслѣдникѣ своемъ видѣлъ все свое счастье, находилъ его необыкновеннымъ ребенкомъ и заранѣе строилъ планы о его воспитаніи.

Ребенокъ росъ и укрѣплялся; вся любовь и всѣ попеченія отца обратились на него; прелестная жена его оставалась въ сторонѣ, въ совершенномъ одиночествѣ; одно утѣшеніе находила она въ своемъ малюткѣ; но будучи сама ребенкомъ и неопытной матерью, она не умѣла обращаться съ нимъ; не мудрено, что его какъ-то простудили, держа въ осеннее время передъ окрытымъ окномъ, вслѣдствіе чего ребенокъ заболѣлъ и ничто не могло его спасти. Несчастный братъ былъ въ это время на службѣ, при генералъ-губернаторѣ, и, возвратясь нечаянно, нашелъ ребенка своего на столѣ.

Онъ потерялъ совершенно разсудокъ, хотѣлъ лишить себя жизни, предлагалъ то же и женѣ своей, на что она, конечно, не согласилась; онъ пришелъ въ совершенное негодованіе, приписывая это ея равнодушію, и съ того времени совершенно охладѣлъ къ ней. Въ тоскѣ и горѣ провели они нѣсколько мѣсяцевъ. Часто они проводили въ молчаньи цѣлые дни, сидя другъ подлѣ друга. Я не могла равнодушно видѣть, какъ съ каждымъ днемъ братъ все больше и больше охладѣвалъ къ своей женѣ. Часто, смотря на нее, я говорила ему: «неужели тебя болѣе не восхищаетъ красота этого ангела?» И онъ съ горькой улыбкой мнѣ отвѣчалъ: «все пройдетъ, она постарѣетъ, красота ея исчезнетъ!»

Проживъ у насъ въ такомъ печальномъ настроеніи зиму, онъ рѣшился весною ѣхать за границу какъ для развлеченія, такъ болѣе еще для поправленія разстроеннаго здоровья своей жены; эта поѣздка имѣла для нихъ роковое значеніе.

Проживъ за границей лѣтъ восемь, какъ братъ съ сестрою, пользуясь каждый отдѣльно удовольствіями большого свѣта, они со

вершенно охладѣли другъ къ другу, оставаясь все-таки въ дружескихъ отношеніяхъ. Братъ мой не переставалъ гордиться красотою своей жены, не щадилъ ничего для ея нарядовъ; она, имѣя за границей довольно знатныхъ родныхъ, много выѣзжала, очаровывала всѣхъ своей красотой, а мужъ ея издали гордился вниманіемъ всего высшаго общества къ его красавицѣ-женѣ.

Впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ, что въ то время за его женой ухаживали такія личности, противъ которыхъ никакая женщина не могла бы устоять; но жена его всегда удалялась и, нерѣдко видя, что ее преслѣдуютъ, спѣшила уѣзжать въ другія мѣста.

Но, встрѣтясь однажды съ однимъ русскимъ путешественникомъ, молодымъ человѣкомъ Б., они познакомились, прося его бывать у нихъ почаще, чѣмъ онъ и воспользовался; онъ приходилъ къ нимъ почти всякій день, проводя большую часть времени съ Екатериной Арамановной, занимаясь съ ней то чтеніемъ, то музыкой, не имѣя, впрочемъ, ни особеннаго ума, ни особеннаго образованія. Привыкнувъ къ нему, братъ мой не считалъ его иначе, какъ своей комнатной собачкой. Между тѣмъ стало замѣтно, что Екатерина Арамановна дѣлалась задумчива, грустна, худѣла. Вначалѣ Петръ Николаевичъ не обращалъ на это вниманіе; но, наконецъ, видя, что это продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, рѣшился допросить ее и узнать о причинѣ столь явной перемѣны въ ея характерѣ. Она молчала. Когда несчастный мужъ, убѣдившись, что она должно быть влюблена, началъ допрашивать ее, называя всѣхъ молодыхъ людей, обращающихъ на нее свое вниманіе, и видя, что мысли ея не останавливались ни на одномъ изъ нихъ, наконецъ, съ ужасомъ спросилъ: «ужъ не Б. ли?» она бросилась къ ногамъ его и въ ту же минуту созналась, что любитъ этого молодого человѣка и что не можетъ быть счастлива безъ него.

Петръ Николаевичъ говорилъ мнѣ, что въ эту роковую минуту страшная пропасть раздѣлила ихъ, и онъ смотрѣлъ уже на нее не какъ на жену, но какъ на совершенно стороннюю женщину.

Видя ея отчаяніе, онъ рѣшился, наконецъ, посовѣтовать ей выйти замужъ за Б.; она съ восторгомъ и удивленіемъ спросила его: «неужели это возможно?» Онъ отвѣчалъ ей, что это возможно только въ томъ случаѣ, если Б. дастъ клятву, что не возвратится никогда въ Россію: тогда она можетъ называться женою Б. и носить его имя, иначе въ Россіи второй бракъ не признается законнымъ.

Она съ восторгомъ передала это своему возлюбленному, и тотъ немедля у ногъ Петра Николаевича далъ клятву, что навсегда останется за границей и не возвратится уже никогда на родину. Вскорѣ бракъ ихъ совершился въ греческой церкви. Такимъ образомъ рѣшилась участь и ея, и ея несчастнаго мужа.

Но странная и почти невѣроятная вещь! Не смотря на все случившееся, братъ мой и Екатерина Арамановна оставались всегда

друзьями, постоянно были въ перепискѣ и даже путешествовали вмѣстѣ всѣ трое въ одномъ экипажѣ. Когда я спросила брата, зачѣмъ онъ это дѣлалъ, онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ дѣлалъ это изъ одного любопытства, чтобы наблюдать, такъ ли счастливъ съ нею Б., какъ и онъ самъ былъ въ прошедшее время. Тогда же онъ разсказалъ мнѣ, какъ одинъ разъ, будучи въ Парижѣ, просилъ его Б. поѣхать съ нимъ въ магазинъ, чтобы помочь ему купить туалетныя вещи для сюрприза женѣ своей.

Петръ Николаевичъ поѣхалъ и они вмѣстѣ выбрали, что было лучшаго; когда Б. привелъ жену свою, чтобы ей показать все, что онъ для нея купилъ, братъ въ сторонѣ смотрѣлъ съ любопытствомъ на эту сцену и въ душѣ порадовался, увидѣвъ, что она съ такою же холодностью принимала все это, говоря равнодушно: «c'est joli, ce n'est pas mal», какъ и въ прежнія времена, получая отъ него подарки. Въ такихъ отношеніяхъ онъ прожилъ съ ними еще года два за границей; не помню въ какомъ мѣстѣ, говорилъ онъ мнѣ, что одно озеро раздѣляло ихъ и что они часто и днемъ и ночью при лунномъ свѣтѣ переѣзжали въ лодкѣ другъ къ другу.

Не задолго до отъѣзда брата моего въ Россію, у Ек. Ар. родился сынъ Михаилъ Б. Возвратясь на родину, братъ Петръ Николаевичъ привезъ съ собою молодую, очень хорошенькую итальянку, у которой черезъ годъ родилась дочь, которой впослѣдствіи братъ мой и посвящалъ жизнь свою. Между тѣмъ у Б. родились еще двѣ дочери.

Проживъ года два въ деревнѣ въ совершенномъ уединеніи, братъ былъ постоянно въ перепискѣ съ своей женой, которая не переставала называть его своимъ другомъ и благодѣтелемъ, повѣряя ему всѣ тайны своего сердца, описывая всѣ подробности своей семейной жизни и жалуясь иногда на поступки второго мужа, на холодность его къ дѣтямъ. На письма ея онъ часто при мнѣ отвѣчалъ и въ одномъ изъ нихъ, я помню, написалъ ей, что въ случаѣ какого-либо несчастія она всегда найдетъ въ немъ друга и брата и пріютъ въ домѣ его.

Если бы я сама не читала переписки ихъ, то, конечно, никогда не повѣрила бы такимъ страннымъ и неимовѣрнымъ отношеніямъ ихъ другъ къ другу. Въ продолженіе цѣлаго года Петръ Николаевичъ жилъ въ имѣніи совершенно уединенно, такъ что мы даже рѣдко видѣли его. Вдругъ мы узнаемъ, что Б. съ женой, съ тремя дѣтьми и съ матерью своею, пріѣхали прямо въ деревню къ Петру Николаевичу. Извѣстіе это всѣхъ насъ поразило, мы не могли объяснить причины такого нечаяннаго пріѣзда. Впослѣдствіи оказалось, что старуха мать Б., имѣя въ немъ единственнаго сына и наслѣдника всего ея значительнаго состоянія, желала, чтобы сынъ ея вступилъ съ Екатериной Арамановной въ бракъ, признаваемый закономъ, и чтобы для того братъ Петръ Николаевичъ далъ ей предварительно законную разводную.

Какова была ихъ встрѣча и какъ принялъ онъ ихъ, — намъ ничего не было извѣстно; впослѣдствіи только узнали мы, что Екатеринѣ Арамановнѣ удалось умолить Петра Николаевича, чтобы, окрестя всѣхъ троихъ ея дѣтей, далъ бы имъ чрезъ то имя свое и чтобы доставилъ ей средства для ихъ воспитанія, а впослѣдствіи для службы въ Россіи.

Этотъ поступокъ моего брата былъ истинно великодушный, но впослѣдствіи послужилъ ему къ большому вреду, ибо, желая все состояніе свое оставить собственной дочери своей и страшась, въ случаѣ несчастной смерти, имѣть наслѣдниками дѣтей Б., онъ долженъ былъ продать все значительное и прекрасно устроенное имѣніе въ Малороссіи, уѣхавъ для увеличенія капиталовъ своихъ навсегда за границу. Посѣщеніе семейства Б. окончилось тѣмъ, что мать увезла своего сына въ Москву подъ предлогомъ впрочемъ справедливымъ, что въ Россіи второй бракъ не считается законнымъ и что поэтому Екатерина Арамановна въ Москвѣ не могла бы носить имя Б. Петръ Николаевичъ и тутъ показалъ свое истинно рѣдкое великодушіе. Онъ согласился оставить у себя жену Б. съ тремя дѣтьми ея съ тѣмъ условіемъ, однакожъ, чтобы Б. не возвращался ужъ къ ней и чтобы разлука ихъ была вѣчная, на что тотъ и согласился. Они разстались, но Б., какъ человѣкъ безхарактерный и ограниченнаго ума, проживъ двѣ недѣли въ Москвѣ, внезапно явился опять къ брату Петру Николаевичу, объявляя, что онъ не могъ долѣе выдержать разлуки и, соскучившись, рѣшился опять возвратиться. Негодованію Петра Николаевича не было мѣры, и онъ вмѣстѣ съ Екатериной Арамановной требовали, чтобы тотъ немедленно выѣхалъ, что онъ и долженъ былъ сдѣлать волей или неволей. Пріѣхавъ въ Москву, онъ вскорѣ женился на какой-то красавицѣ, но не долго жилъ съ нею; она, говорятъ, вскорѣ умерла.

Между тѣмъ добрый братъ мой, устроивъ въ своемъ домѣ бывшую жену Екатерину Арамановну попрежнему какъ хозяйку, былъ ласковъ съ нею и любилъ ея дѣтей; она съ своей стороны ласкала его малютку и заботилась о ней, какъ о своемъ ребенкѣ, вмѣстѣ съ итальянкой, которая попрежнему находилась въ домѣ. Когда все въ домѣ его устроилось и успокоилось, онъ просилъ меня пріѣхать къ нему, приласкать Екатерину Арамановну и быть съ нею, если можно, въ прежнихъ отношеніяхъ.

Хотя мнѣ было трудно и не совсѣмъ пріятно исполнить его желаніе, но видя, что онъ ее простилъ, я невольно должна была согласиться на его желаніе, и вскорѣ мы отправились къ нему въ деревню. Это было весною, въ самое лучшее время года въ Малороссіи. Подъѣхавъ къ дому, мы удивились, что никто насъ не встрѣчалъ.

Узнавъ, что Петръ Николаевичъ съ Екатериной Арамановной поѣхали съ визитами къ сосѣдямъ, прежнимъ своимъ знакомымъ,

мы взошли на балконъ и тамъ, усѣвшись, наслаждались и чуднымъ весеннимъ вечеромъ, и ароматомъ цвѣтовъ, коими была укрыта цѣлая терраса близь дома, и звонкимъ пѣніемъ соловьевъ, полагая, что мы совершенно одни; какъ вдругъ явилась къ намъ молодая и хорошенькая особа и, поклонившись, начала говорить съ нами едва понятнымъ французскимъ языкомъ; мы догадались, что это была итальянка. Она просила насъ погулять въ саду, срывала и подносила мнѣ лучшіе цвѣты, говоря весьма жалобно, что она очень скучаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина Арамановна здѣсь, она все одна. Она суетилась и хлопотала, что уже поздно, что, конечно, они скоро пріѣдутъ и что надо имъ послать лодку для переѣзда черезъ рѣку и, узнавъ, что они уже возвращаются, побѣжала къ нимъ на встрѣчу. Это существо казалось намъ какимъ-то идеальнымъ и романическимъ, которое весьма удачно можно бы помѣстить въ лучшемъ романѣ. Черезъ нѣсколько минутъ насъ съ радостью встрѣтили и хозяева дома; не видя столько лѣтъ Екатерины Арамановны, я была поражена ея неизмѣнной красотой; при ней хорошенькая итальянка, которою мы такъ недавно любовались, казалась намъ ничѣмъ инымъ, какъ простой субреткой,— такъ благородна и величественна была наружность Екатерины Арамановны.

Мы нашли, что съ присутствіемъ Екатерины Арамановны домъ Петра Николаевича оживился болѣе еще шумомъ и играми дѣтей, которыя подбѣгали къ нему, ласкались, называя его отцомъ. Она одинаково цѣловала и ласкала его малютку; все это казалось намъ чѣмъ-то непонятнымъ и неестественнымъ. Дѣти всѣ четверо жили въ одной комнатѣ, роскошно убранной и украшенной цвѣтами.

Отецъ и мать одинаково заботились и объ здоровьи ихъ, и объ ихъ воспитаніи. Казалось, что гармонія водворилась тамъ, гдѣ никогда не могла существовать.

Все это было какъ-то странно и загадочно тѣмъ болѣе, что и итальянка была въ дружбѣ съ хозяйкой дома. Нерѣдко я заставала, что послѣдняя давала первой уроки французскаго языка и что онѣ вдвоемъ, бесѣдуя, вышивали въ пяльцахъ.

Я никогда не забуду одну прогулку нашу у нихъ на островѣ. Впереди шелъ братъ, показывая Василію Антоновичу (мужу моему) разные виды въ какое-то черное стекло; итальянка, шедшая съ нами назади, увидѣвъ ихъ, побѣжала къ нимъ и, положивъ весьма наивно руку на плечо брата моего, громко сказала: «Pietro, Pietro, montre moi!» Я въ эту минуту посмотрѣла на Екатерину Арамановну и увидѣла въ первый разъ какую-то язвительную улыбку на ея лицѣ. Такимъ образомъ, прожили мы съ ними нѣсколько дней. Хотя у меня не было искреннихъ отношеній къ Екатеринѣ Арамановнѣ, которую я не могла уже любить попрежнему, но, видя ее постоянно грустною и задумчивою, я невольно

жалѣла о ней, тѣмъ болѣе потому, что во всемъ случившемся я болѣе винила самого брата, который, еслибы не слѣдовалъ вначалѣ своимъ какимъ-то страннымъ системамъ, конечно, сдѣлалъ бы изъ нея все, что хотѣлъ, и оба они были бы счастливы.

Онъ самъ это чувствовалъ и потому многое прощалъ ей, оказывая столько великодушія. Такимъ образомъ, они прожили цѣлое лѣто; къ осени мы узнали, что итальянка вышла замужъ за какого-то учителя рисованія въ Харьковѣ, что Екатерина Арамановна сама заботилась объ ея приданомъ и сама хлопотала о томъ, чтобы устроить ея судьбу. А между тѣмъ сама грустила и худѣла до того, что Петръ Николаевичъ, страшась слишкомъ большого уединенія зимою въ деревнѣ и заботясь объ ея здоровьѣ, рѣшился переѣхать съ ней на зиму въ Харьковъ. Это было сдѣлано совершенно напрасно, ибо на этотъ разъ великодушіе его явилось причиной окончательнаго разрыва.

Не смотря на то, что онъ ее простилъ, водворивъ въ домѣ какъ хозяйку, заботясь о ней, объ ея здоровьѣ, любя и лаская ея дѣтей, такъ что она могла бы спокойно и счастливо прожить всю жизнь свою подъ его покровительствомъ, разумѣется, не какъ жена, но какъ другъ и сестра. Но, къ сожалѣнію, случилось иначе. Въ Харьковѣ онъ нанялъ отличную квартиру; Екатерина Арамановна была всегда въ обществѣ, нѣсколько мѣсяцевъ они жили открытымъ домомъ. Братъ мой радовался, видя, что она не такъ грустна и поправляется, совершенно успокоился; но вдругъ, какъ громовымъ ударомъ, онъ былъ пораженъ слѣдующимъ происшествіемъ.

Въ одинъ вечеръ, когда собралось у него многочисленное общество, отворилась дверь, и вошла внезапно одна пожилая женщина, какая-то княгиня, съ большимъ пакетомъ въ рукахъ и, подавая его Петру Николаевичу, просила распечатать; онъ открылъ пакетъ и съ ужасомъ увидѣлъ, что это были письма Екатерины Арамановны къ сыну этой женщины, къ какому-то князю и студенту Харьковскаго университета; Петръ Николаевичъ былъ страшно пораженъ; незнакомая дама просила его войти въ ея положеніе и спасти, если можно, ея сына.

Сцена была ужасная; гости, конечно, разъѣхались. Въ справедливомъ негодованіи братъ мой велѣлъ Екатеринѣ Арамановнѣ, этой неблагодарной женщинѣ, выѣхать немедленно изъ города, что она и сдѣлала. Грязь и погода въ то время были страшныя; спустя сутки, онъ, по добротѣ сердца своего, страшась, чтобы не случилось чего дорогой, поѣхалъ вслѣдъ за нею.

Такимъ образомъ, они почти въ одно время возвратились въ деревню; но въ Петрѣ Николаевичѣ она не видѣла уже болѣе того добраго и снисходительнаго человѣка, который такъ великодушно прощалъ ее,—нѣтъ, онъ въ глазахъ ея теперь казался какимъ-то извергомъ, раздраженнымъ и охладѣвшимъ существомъ.

Она какъ бы умерла для него; онъ ея не видѣлъ и не слышалъ! Такимъ образомъ они провели остатокъ зимы. Весною онъ велѣлъ ей готовиться выѣхать за границу. Тогда же онъ просилъ насъ пріѣхать къ нему, и тутъ-то увидѣла я всю горечь его и всю силу его негодованія.

Нельзя все-таки не подивиться еще разъ его великодушію. Не смотря на все происшедшее, на холодность и на презрѣніе, которое питалъ къ ней въ душѣ своей, онъ, видя, что она съ тремя дѣтьми безъ денегъ и безъ всякихъ средствъ должна пуститься въ дорогу на произволъ судьбы, не зная сама, куда ѣхать и гдѣ устроить жизнь свою, онъ рѣшился провожать ее и поѣхалъ за границу съ своею малюткой вслѣдъ за ней. Пріѣхавъ туда и устроивъ ее съ дѣтьми въ одномъ итальянскомъ семействѣ, поѣхалъ самъ путешествовать и, наконецъ, купивъ прекрасный домъ въ Венеціи, поселился въ немъ съ своею дочерью. Проживъ тамъ года четыре, онъ возвратился въ Малороссію для того, чтобы окончательно продать здѣсь все свое имѣніе, желая оставить все состояніе дочери. Въ то время онъ привезъ съ собою и вторую дочь Екатерины Арамановны, Изабеллу, которая была чрезвычайно хороша—совершенный портретъ своей матери; я всегда удивлялась, какъ онъ могъ равнодушно смотрѣть на существо, которое такъ живо должно было напоминать ему ту, которая отравила всю его жизнь; но онъ, напротивъ, любовался ею, ласкалъ и любилъ ее. Они продолжали переписываться, и только, когда она стала требовать, чтобы онъ привезъ обратно къ ней ея дочь, что его чрезвычайно огорчило, онъ, продавъ здѣсь все свое имѣніе, поѣхалъ за границу навсегда и посвятилъ всю жизнь свою для своей дочери и для ея воспитанія.

Екатерина Арамановна между тѣмъ не перемѣнила безпутный образъ жизни: живя въ итальянскомъ семействѣ, гдѣ устроилъ ее Петръ Николаевичъ, назначивъ ей для содержанія опредѣленную сумму, она завладѣла совершенно итальянцемъ, хозяиномъ дома, который, въ свою очередь, воспользовавшись случаемъ, обиралъ ее, а она жила въ совершенной нищетѣ.

Брату моему все это было извѣстно, онъ искренно жалѣлъ объ ея дѣтяхъ и, желая какъ-нибудь спасти несчастныхъ дочерей, предложилъ ей переѣхать жить въ домъ его въ Венеціи; конечно, самъ онъ уѣхалъ оттуда.

Она согласилась и переѣхала; но и тамъ повела себя такъ худо, предаваясь гибельнымъ страстямъ, что бѣдный братъ, наконецъ, долженъ былъ выслать ее изъ дому.

Что было съ нею далѣе, гдѣ и какъ она жила, я не знаю; извѣстно только, что впослѣдствіи она отдала двухъ дочерей своихъ замужъ: красавицу свою Изабеллу за какого-то стараго адвоката,

а вторую — за содержателя какой-то итальянской театральной труппы; сынъ же ея помѣщенъ былъ въ какой-то пансіонъ.

Между тѣмъ, дочь Петра Николаевича росла и образовывалась; онъ ничего не жалѣлъ для ея воспитанія, любилъ ее искренно, и она была его единственнымъ утѣшеніемъ. Онъ продолжалъ сохранять дружескія отношенія къ безпутной женѣ своей, жалѣлъ о ней, переписывался съ ней, всегда старался ее оправдать, приписывая болѣзни всѣ ея поступки.

Прошло уже болѣе 30-ти лѣтъ, какъ они разстались; въ настоящее время (1859 г.) они оба живутъ въ разныхъ мѣстахъ за границей, оба постарѣли; красоты ея, говорятъ, и тѣни не осталось; она продолжаетъ жить почти въ нищетѣ, хотя и получаетъ на содержаніе отъ Петра Николаевича. Б. же надѣлили ее такими билетами, которые впослѣдствіи оказались недѣйствительными.

Говорятъ, что и теперь она пріѣзжаетъ иногда къ Петру Николаевичу, который принимаетъ ее, какъ постороннюю женщину.

Изъ писемъ его ко мнѣ я вижу, что они въ лучшихъ отношеніяхъ, и что онъ, отдавая теперь дочь свою замужъ за какого-то итальянскаго графа, хорошаго очень человѣка, обязанъ, какъ видно, этимъ бывшей женѣ своей, которая, по словамъ его, оказала въ этомъ случаѣ искреннее свое участіе и которая на свадьбѣ дочери брата Петра Николаевича играла роль матери, благословляла дочь П. Н. и ѣздила даже сама съ нею въ Парижъ, чтобы закупить здѣсь приданое.

Теперь брату подъ семьдесятъ лѣтъ [1]), онъ живетъ одинъ въ Висбаденѣ, гдѣ у него собственный домъ и гдѣ онъ отдыхаетъ отъ житейскихъ тревогъ, утѣшаясь за всѣ прежнія страданія счастьемъ дочери. Всякій можетъ видѣть, что исторія жизни моего двоюроднаго брата очень интересна и необыкновенна. Она могла бы послужить сюжетомъ для отличнаго романа или повѣсти; поэтому я и рѣшилась въ своихъ запискахъ такъ долго остановиться на ней. Вѣроятно читатель за это на меня не посѣтуетъ.

---

[1]) Эти записки писаны въ 1862 г.

VII.

Годъ заточенія Н. И. Лорера въ Петропавловской крѣпости. — Ссылка въ Сибирь на 10 лѣтъ. — О жизни декабристовъ въ Сибири. — Два года каторги въ Читѣ и 6 лѣтъ въ Петровскомъ острогѣ, въ Иркутской губерніи. — Жизнь и занятія декабристовъ въ Петровскомъ острогѣ. — Отправка Лорера на поселеніе въ Мертвый Култукъ и неожиданный переводъ въ г. Курганъ, въ Тобольской губерніи. — Служба рядовымъ на Кавказѣ. — Неожиданная встрѣча съ товарищемъ дѣтства. — Помилованіе. — Женитьба.

Окончивъ описаніе жизни брата моего Петра Николаевича, я думала, что пришелъ конецъ и запискамъ моимъ; но вспомня, что я почти ничего не сказала о несчастной судьбѣ добраго друга и товарища моего дѣтства, Николая Ивановича Лорера, я опять продолжаю свое повѣствованіе.

Въ молодости Лореръ служилъ въ гвардіи, въ Московскомъ полку, потомъ былъ переведенъ въ Варшаву, къ великому князю Константину Павловичу; впослѣдствіи, перешедши въ армію маіоромъ, служилъ въ полку Пестеля, котораго, къ несчастью, любилъ и единственно изъ довѣрія къ нему и къ другимъ товарищамъ своимъ попалъ онъ въ извѣстную исторію 14-го декабря.

Въ 1825 году онъ былъ еще у насъ въ Обуховкѣ, какъ я уже писала; потомъ въ числѣ декабристовъ былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и оставался цѣлый годъ. Это заточеніе его, какъ онъ говорилъ намъ послѣ, было для него самое тяжкое въ продолженіе 18-тилѣтняго изгнанія. Казематъ его былъ не болѣе трехъ аршинъ въ длину и ширину, слабо освѣщенный сверху; отъ сырости одежда была всегда холодная и мокрая, постель жесткая и пища самая скудная; одинъ благодѣтельный сонъ облегчалъ его тяжкое положеніе: онъ спалъ съ утра до ночи и, просыпаясь, съ изумленіемъ сбрасывалъ съ себя несчетное множество крысъ, которыя разбѣгались въ ту минуту по угламъ его каземата. Онъ говорилъ, что, въ теченіе этого тяжкаго года, онъ жилъ только одними воспоминаніями прошедшаго; часто мыслями переносился на родину свою и къ намъ въ Обуховку; читалъ наизусть стихи моего покойнаго отца и часто даже пѣлъ тѣ романсы, которые нѣкогда любилъ слушать. Проживъ такимъ образомъ цѣлый годъ и будучи осужденъ, какъ государственный преступникъ, къ ссылкѣ въ Сибирь на 10 лѣтъ въ каторжныя работы, онъ былъ отправленъ въ цѣпяхъ съ другими преступниками, вмѣстѣ съ товарищемъ и другомъ своимъ Нарышкинымъ, въ главный городъ Забайкальской области, Читу; здѣсь онъ два года находился въ весьма тѣсномъ и дурномъ острогѣ, откуда всякій день водили преступниковъ на разныя земляныя работы.

Въ этотъ ужасный край послѣдовали и многія изъ женъ несчастныхъ изгнанниковъ, какъ-то: жена Нарышкина, урожденная графиня Коновницына, которая очень любила Николая Ивановича Лорера, княгиня Волконская, урожденная Раевская, жена Никиты Михайловича Муравьева, урожденная графиня Чернышева, и многія другія.

Но что перенесли эти несчастныя и великодушныя женщины въ этомъ страшномъ краѣ, описать этого невозможно; довольно сказать, что онѣ жили близь острога въ простыхъ избахъ, сами готовили себѣ ѣсть, ходили за водой, рубили дрова, топили печи и сами мыли себѣ бѣлье; подходя иногда въ страшные морозы къ частоколу, окружавшему острогъ, онѣ бесѣдовали по нѣскольку минутъ съ мужьями, считая это для себя большимъ счастьемъ. Я забыла сказать, что по прошествіи года государыня Марія Ѳеодоровна, умирая, упросила императора Николая снять цѣпи съ преступниковъ, что и исполнили, и когда ихъ сняли со 120 человѣкъ, то привыкшимъ къ шуму ихъ несчастнымъ изгнанникамъ тишина, окружавшая ихъ, казалась мертвящей.

Такимъ образомъ прошли два года; преступниковъ (всѣхъ ихъ было 120) перевели во вновь отстроенный Петровскій острогъ, въ Иркутской губерніи; здѣсь Н. И. Лореръ прожилъ 6 лѣтъ. Для каждаго преступника была особенная комната съ окномъ въ общій корридоръ, куда всѣ сходились и обѣдали вмѣстѣ; тутъ у нихъ была общая артель и хорошій столъ.

Занимались они, кто чѣмъ хотѣлъ. Такъ какъ правительство дозволило присылать роднымъ для преступниковъ все, чего они пожелаютъ, то въ теченіе года туда приходило нѣсколько обозовъ со всевозможными вещами; цѣлыя библіотеки книгъ и всевозможныхъ журналовъ, фортепьяно и другіе музыкальные инструменты, и проч. и проч.; находились занятія для каждаго изъ нихъ. Часы для работъ были назначены; въ лѣтнее время ихъ водили на земляныя работы, какъ-то: чистить дороги, копать рвы, а впослѣдствіи и дѣлать шоссе, отличная работа котораго на протяженіи одной версты и теперь служитъ памятникомъ несчастныхъ изгнанниковъ. Въ зимнее же время ихъ заставляли по два часа въ день молоть муку на жерновахъ, поставивъ двухъ къ каждому жернову. Тутъ нѣкоторые изъ нихъ отличались тѣмъ, что мололи самую тонкую конфектную муку и этимъ хвастались; Лореръ съ Лунинымъ, его другомъ, мололи всегда самую крупную муку, лишь бы поскорѣе, на квасъ, и это ихъ забавляло, нисколько не утомляя.

Въ свободные же часы каждый изъ нихъ занимался какимъ-нибудь ремесломъ; у нихъ были и сапожники, и слесаря, и портные, и столяры, и живописцы, и музыканты; такъ какъ у нихъ былъ большой дворъ, они разводили садъ, сажали деревья, сѣяли цвѣты, устроили оранжерею и занимались огородами; зимою же во дворѣ устроены были ими же снѣжныя горы.

Лореръ намъ разсказывалъ много про Лунина, котораго онъ очень любилъ и къ которому часто ходилъ единственно для развлеченія въ самыя грустныя минуты. Лореръ находилъ его всегда въ веселомъ расположеніи духа, всегда довольнымъ, счастливымъ и занятымъ, то чтеніемъ, то письмомъ, то иногда чисткою своего самовара или комнаты, которая, будучи украшена большимъ образомъ Распятія Спасителя до самаго потолка, отличалась изящною чистотою и даже роскошью. Онъ всегда встрѣчалъ Лорера словами: «Eh bien, cher ami, tout va bien! nous sommes heureux et plus heureux,—que Nicolas lui même!» Лунинъ по истеченіи срока своего заточенія жилъ гдѣ-то на поселеніи въ Сибири.

По прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, въ Сибири скончалась жена Муравьева, которую любили и уважали всѣ изгнанники, считая ее своей благодѣтельницей, за искреннее участіе ея ко всѣмъ несчастнымъ, за то, что она была всегда ихъ единственнымъ корреспондентомъ, пиша и отправляя письма къ ихъ роднымъ.

Можно себѣ представить отчаяніе бѣднаго мужа и общее горе изгнанниковъ, которые въ память и изъ признательности къ ней собственноручно сдѣлали для нея гробъ изящной работы съ другимъ свинцовымъ внутри и съ воплемъ и рыданіемъ отнесли на рукахъ своихъ прахъ ея къ вѣчному ея жилищу въ снѣгахъ страшной и холодной Сибири.

Проживъ такимъ образомъ 6 лѣтъ въ Петровскомъ острогѣ, Лореръ, съ пятью преступниками, въ числѣ коихъ находился и другъ его Нарышкинъ, долженъ былъ отправиться на поселеніе, о чемъ имъ объявилъ ихъ начальникъ Лепарскій, бывшій въ продолженіе 6-ти лѣтъ чрезвычайно ласковымъ и снисходительнымъ ко всѣмъ преступникамъ. Память о немъ съ признательностью сохранили въ душѣ своей всѣ декабристы.

Иркутскій губернаторъ, Лавинскій, въ свою очередь объявилъ имъ Высочайшее повелѣніе поселить каждаго особенно въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ края. Такъ какъ въ числѣ этихъ мѣстъ находилось одно почти необитаемое, куда еще никого не отправляли, и гдѣ жизнь должна была быть самая ужасная, то онъ, не рѣшаясь самъ назначить кому-нибудь изъ нихъ жить тамъ, предложилъ имъ бросить жребій, что они и сдѣлали; судьбѣ угодно было, чтобы бѣдный другъ нашъ, Лореръ, попалъ въ это ужасное мѣсто, будучи принужденъ разстаться въ первый разъ съ другомъ своимъ Нарышкинымъ и съ женою его, коихъ дружба услаждала иногда его тяжкое положеніе. Онъ покорился своей злой участи. Начальникъ губерніи принялъ въ немъ искреннее участіе, помогъ ему запастись всѣмъ, чѣмъ было возможно, до послѣдняго гвоздя, ибо, говорилъ онъ Лореру, что въ странѣ изгнанія своего онъ не найдетъ ничего нужнаго для жизни. Нарышкинъ и друзья-товарищи тоже помогли ему, снабдивъ его всевозможными запасами.

Между тѣмъ онъ, грустный и въ отчаяніи, ходя по городу, встрѣтилъ нѣмца пожилыхъ лѣтъ, который, подойдя къ нему, спросилъ: не онъ ли тотъ преступникъ, котораго отправляютъ на поселеніе въ Мертвый Култукъ; узнавъ, что это онъ, сталъ просить, чтобы онъ взялъ его съ собою, что, будучи 20 лѣтъ невинно изгнаннымъ, онъ радъ куда-нибудь выѣхать изъ этого страшнаго для него мѣста.

Тутъ онъ разсказалъ ему, что служилъ въ Россіи ктиторомъ при какой-то лютеранской церкви, которая была обкрадена, что подозрѣніе совершенно несправедливо пало па него, вслѣдствіе чего онъ и сосланъ былъ на вѣчное поселеніе въ Сибирь. Н. И Лореръ изъ одной жалости согласенъ былъ взять его съ собой, не говоря уже о томъ, что самому ему легче было раздѣлять съ кѣмъ-нибудь свое тяжское положеніе. Онъ объявилъ объ этомъ начальнику, который согласился, чтобы нѣмецъ ѣхалъ какъ товарищъ, но отнюдь не какъ слуга, ибо это запрещено. Начальникъ самъ былъ увѣренъ въ невинности этого несчастнаго человѣка, рекомендуя его, какъ добраго и честнаго.

Легко можно себѣ представить, какъ это было отрадно для бѣднаго Лорера, который, простясь съ друзьями своими, съ сердцемъ, преисполненнымъ горечи, въ сопровожденіи казака, отправился въ страшное мѣсто новаго своего заточенія. Казакъ, замѣнявшій фельдъегеря, дорогой съ участіемъ смотрѣлъ на него и не переставалъ жалѣть его, говоря, что еще никого не отправляли туда, куда его везутъ. Долго онъ ѣхалъ по узкой дорогѣ между стѣнами глубокаго снѣга, наконецъ, спросилъ, гдѣ же то селеніе, куда его везутъ? Казакъ отвѣчалъ, что трудно его увидѣть, ибо маленькое селеніе это лежитъ при Байкальскомъ озерѣ, въ ущельи горъ, что построекъ тамъ никакихъ нѣтъ и что семейства тунгузовъ живутъ тамъ въ землянкахъ. Наконецъ, вечеромъ, они подъѣхали къ тому ужасному мѣсту, гдѣ Лореръ нашъ долженъ былъ заживо похоронить себя. Звукъ колокольчика вызвалъ къ нимъ на встрѣчу нѣсколько тунгузовъ, которые съ ужасомъ и сожалѣніемъ на лицѣ смотрѣли на несчастнаго изгнанника. Лореръ, подъѣхавъ къ русской рубленой избѣ, страшась сырости, просилъ ихъ объ одномъ, чтобы дали ему хоть самый малый уголокъ, но только на поверхности земли, а не въ землянкѣ. Ему предложили самую маленькую комнатку въ какомъ-то деревянномъ строеньѣ, чему онъ былъ очень радъ, и началъ съ товарищемъ своимъ вносить туда всѣ свои запасы, коихъ было такъ много, что половина маленькой комнатки его была заложена ими отъ низу до верху.

Когда все устроилось и когда онъ съ признательностью въ сердцѣ и наградивъ деньгами добраго казака, простился съ нимъ, онъ изнеможенный упалъ на жесткую постель; потомъ велѣлъ товарищу своему зажечь восковыя свѣчи, поставить для себя самоваръ, ибо онъ самъ не хотѣлъ и не могъ ничего ѣсть.

Когда комнатка его освѣтилась, онъ увидѣлъ у дверей нѣсколько человѣкъ русскихъ съ женами и дѣтьми, которые съ любопытствомъ и съ большимъ сожалѣніемъ на лицѣ смотрѣли на него, и когда онъ ихъ спросилъ, отчего они о немъ такъ жалѣютъ, они отвѣчали, что ужасъ ожидаетъ его здѣсь, что, обыкновенно, въ лѣтнее время, набѣгаютъ на жилища ихъ шайки разбойниковъ, бѣглыхъ каторжниковъ, которые убиваютъ жителей и, ограбивъ все ихъ имущество, скрываются опять въ ущельяхъ горъ. Поэтому, чтобы спасти свою жизнь, все населеніе отправляется, обыкновенно, лѣтомъ въ лѣса, гдѣ и занимается ловлею соболей. Если же эти разбойники увидятъ здѣсь человѣка съ имуществомъ, то, конечно, не оставятъ его въ живыхъ. Можно себѣ представить, съ какимъ ужасомъ слушалъ ихъ бѣдный нашъ Лореръ!

Когда онъ рѣшительно объявилъ имъ, что въ лѣтнее время отправится вмѣстѣ съ ними въ лѣса, то они съ горестью отвѣчали, что это невозможно, что онъ не въ силахъ будетъ вести ту жизнь, которую ведутъ они тамъ, скитаясь по лѣсамъ и проводя большею частію ночи въ болотахъ, гдѣ можно укрыться отъ множества комаровъ и другихъ насѣкомыхъ, невыносимо жалящихъ.

Слушая ихъ, Лореръ погрузился въ тяжкую задумчивость и, видя свое безвыходное положеніе, съ горемъ въ душѣ готовъ былъ уже съ смиреніемъ покориться волѣ Божіей и жестокой участи, какъ вдругъ услышалъ звукъ колокольчика. Онъ съ изумленіемъ вскочилъ съ постели, полагая и страшась, что не пришло ли повелѣніе услать его куда-нибудь еще дальше. Но въ вошедшемъ человѣкѣ онъ узналъ бывшаго своего добраго казака, своего спасителя, который, подавая ему пакетъ, объявилъ, что онъ долженъ ѣхать обратно въ Иркутскъ. Съ восторгомъ распечатавъ пакетъ, онъ узналъ изъ приложенной записки Нарышкина на французскомъ языкѣ, что по просьбѣ племянницы его Розетти, нынѣ Смирновой, которая была въ то время фрейлиной при дворѣ, государь императоръ согласился, чтобы онъ не былъ разлученъ съ другомъ своимъ Нарышкинымъ и чтобы ихъ вмѣстѣ отправили на поселеніе.

Легко понять радость и восторгъ Лорера! Онъ впослѣдствіи говорилъ намъ, что выше этой радости не можетъ быть здѣсь, на землѣ.

При отъѣздѣ изъ Култука, онъ былъ тронутъ до глубины души, увидѣвъ поселянъ съ женами и дѣтьми, стоявшихъ на колѣняхъ и со слезами благодарившихъ Бога за его спасеніе! Онъ отъ сердца поблагодаривъ ихъ и отдавъ имъ все свое имущество, простился съ ними.

По возвращеніи въ Иркутскъ, онъ былъ отправленъ съ Нарышкинымъ и съ другими товарищами на поселеніе въ городъ Курганъ, Тобольской губерніи, близъ границы Европейской Россіи, гдѣ они жили на квартирахъ почти свободные, могли отлучаться

даже изъ города верстъ за 20, съ тѣмъ только, чтобы къ ночи возвращаться.

Начальникъ города ихъ любилъ и ласкалъ; они вездѣ были приняты, какъ нельзя лучше, начали привыкать къ новой жизни и нѣкоторымъ образомъ мирились съ своей участью. Такъ какъ каждому изъ нихъ былъ назначенъ небольшой надѣлъ земли, то нѣкоторые, выстроивъ себѣ дома, занимались хлѣбопашествомъ, разводили сады, совершенно свыкшись и помирившись съ своимъ положеніемъ. Проживъ тамъ лѣтъ 5, они были отправлены на Кавказъ.

Императоръ Александръ II, будучи еще наслѣдникомъ престола, путешествуя по Россіи, проѣзжалъ городъ Курганъ, останавливался тамъ, видѣлъ ихъ въ церкви и тогда же просилъ отца своего, государя Николая Павловича, о ихъ прощеніи; но государь Николай I отвѣчалъ, что онъ рѣшилъ до тѣхъ поръ не возвращать декабристовъ на родину, пока они на Кавказѣ не выслужатся изъ рядовыхъ. Они неохотно возвращались въ Россію, въ томъ числѣ и Лореръ. Онъ возвратился только потому, чтобы не разставаться съ Нарышкинымъ, которому единственно для жены своей хотѣлось выѣхать изъ Сибири.

Лореру, почти привыкшему къ жизни въ Курганѣ, трудный переѣздъ на Кавказъ и тяжкая служба тамъ рядовымъ казались невыносимыми. Онъ говорилъ, что часто, отъ усталости и отъ страшнаго зноя, стоя подъ ружьемъ, кровь лилась у него носомъ и ушами. Такимъ образомъ прослужилъ онъ тамъ тяжкихъ шесть лѣтъ.

Надо разсказать одинъ интересный случай, бывшій съ нимъ въ продолженіе этой службы.

Кажется, я говорила въ началѣ моихъ записокъ, что въ дѣтствѣ нашимъ товарищемъ былъ и сынъ друга дяди моего Петра Васильевича—адмирала Мессера и что когда каждый изъ мальчиковъ говорилъ, чѣмъ онъ предполагалъ быть современемъ, служа въ Россіи, Мессеръ въ свою очередь утверждалъ, что онъ непремѣнно будетъ капитаномъ корабля, въ чемъ онъ былъ совершенно убѣжденъ.

Спустя послѣ этого, быть можетъ, 30 или 35 лѣтъ, Лореръ, будучи рядовымъ на Кавказѣ, былъ отправленъ съ другими солдатами на кораблѣ, не помню куда; находясь въ самомъ низу корабля, въ толпѣ солдатъ и страшной тѣснотѣ, онъ, положивъ шинель подъ голову, прилегъ въ уголкѣ и, увидѣвъ проходящаго матроса, отъ скуки и отъ нечего дѣлать спросилъ у него, кто капитанъ этого корабля? Когда тотъ отвѣчалъ, что капитанъ 1-го ранга Петръ Ѳомичъ Мессеръ, Лореръ, какъ сумасшедшій вскочилъ съ мѣста, надѣлъ поспѣшно шинель, прося убѣдительно матроса провести его къ къ капитану корабля. Тотъ въ изумленіи

сказалъ, что это невозможно, что солдатъ не можетъ являться къ начальнику и что за это онъ самъ можетъ быть наказанъ. Тогда Лореръ умолялъ его доложить капитану, что разжалованный солдатъ проситъ позволенія явиться къ нему. Позволеніе было получено, и онъ побѣжалъ къ Мессеру. Войдя, Лореръ смѣло спросилъ: «Вы ли тотъ самый Петръ Ѳомичъ Мессеръ, съ которымъ я игралъ въ дѣтствѣ и который съ такою увѣренностью утверждалъ, что современемъ будетъ капитаномъ корабля?»

Мессеръ, узнавъ его болѣе по голосу, съ восторгомъ, съ чувствомъ живого участія и состраданія, бросился къ нему на шею, сталъ спрашивать, какимъ образомъ онъ видитъ его въ такимъ положеніи. Тотъ въ короткихъ словахъ разсказалъ ему несчастную исторію своей жизни. Мессеръ, обласкавъ его какъ товарища своего дѣтства, помѣстилъ въ своей каютѣ и все время путешествія по морю не разставался съ нимъ.

На Кавказѣ начальники любили Лорера и, стараясь всячески облегчить его участь, посылали въ разныя экспедиціи, гдѣ онъ впослѣдствіи за отличіе былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, а потомъ и въ офицеры; выдя въ отставку, онъ возвратился, наконецъ, на родину, въ Херсонскую губернію, къ родному брату своему.

Такъ какъ вначалѣ ему никуда не было дозволено выѣзжать изъ своей губерніи, то мы и не видѣли его нѣсколько лѣтъ и довольствовались одною мыслью, что онъ болѣе не страдаетъ и проживаетъ на родинѣ въ кругу своихъ родныхъ.

Въ 1849 году, ѣхавъ въ Крымъ и проѣзжая станцію Водяную близь Николаева, мы вспомнили, что это селеніе принадлежитъ Лорерамъ и, проѣзжая мимо ихъ дома, велѣли остановить экипажъ,ославъ человѣка своего отыскать Николая Ивановича и сказать ему, что проѣзжая дама желаетъ его видѣть, строго запретивъ человѣку называть меня; мнѣ хотѣлось видѣть—узнаетъ ли онъ меня послѣ 24-лѣтней разлуки? Я крайне удивилась, когда, подойдя къ экипажу, онъ съ восторгомъ назвалъ меня по имени. Онъ съ радостью убѣдилъ насъ заѣхать къ нему хоть на нѣсколько часовъ; мы вошли въ маленькій его флигелекъ въ саду, гдѣ насъ встрѣтила милая и красивая жена его, которую онъ мнѣ представилъ вмѣстѣ съ тремя прелестными малютками. Двумъ дочерямъ было года по три, а сыну четыре года.

Возвратясь изъ Сибири, онъ женился на воспитанницѣ своей сестры, на прекрасной и отлично образованной дѣвушкѣ, съ которою, впрочемъ, жилъ недолго; злая участь и тутъ его преслѣдовала: жена его послѣ 7 лѣтъ замужества впала въ чахотку, отъ которой черезъ три мѣсяца послѣ нашего свиданія съ ними, скончалась, повергнувъ Лорера въ отчаяніе и оставивъ на его рукахъ трехъ малолѣтнихъ дѣтей, изъ коихъ вторая дочь, прелестное существо, и маленькій сынъ вскорѣ умерли.

Между тѣмъ выѣздъ изъ Херсонской губерніи былъ позволенъ Лореру, и тогда онъ съ оставшеюся старшей малюткой своей пріѣхалъ къ намъ въ Обуховку, гдѣ и встрѣченъ былъ съ искренней дружбой, любовью и съ живымъ участіемъ людьми которые съ дѣтства привыкли его любить и не переставали горевать о немъ во всѣ тяжкіе годы его изгнанія.

Вотъ въ это-то время онъ разсказалъ намъ исторію своей жизни, о которой я только-что повѣствовала.

Впослѣдствіи, когда ему былъ разрѣшенъ въѣздъ въ столицы, мы часто видѣлись съ нимъ и въ нашей деревнѣ, и въ Полтавѣ, и въ Москвѣ, и въ Царскомъ Селѣ. Постоянно онъ жилъ съ своей нѣжно любимой дочерью, окончившей кіевскій институтъ, въ деревнѣ у своего брата Дм. Иван. Послѣдній, не имѣя дѣтей, вскорѣ послѣ возвращенія Н. И. съ Кавказа, просилъ государя сдѣлать брата и его дочь наслѣдниками послѣ своей смерти. Императоръ Николай I согласился на это единственно за службу Николая Ивановича на Кавказѣ.

С. Скалонъ.